

Российский государственный университет правосудия

Фемида.Science

Научный журнал молодых ученых

№ 1 (14). 2024

Издается с 2015 года

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77-60434 от 30 декабря 2014 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: +7 (495) 332-51-19. E-mail: femida-science@mail.ru

Главный редактор:

Ермошина Дарья Григорьевна (г. Москва, Россия), помощник проректора по научной работе Российского государственного университета правосудия

Заместитель главного редактора:

Арнаут Валерия Анатольевна (г. Москва, Россия), преподаватель кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия

Редакционная коллегия:

Ананьева Анна Анатольевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия

Архипова Людмила Борисовна (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, начальник Управления периодических научных изданий, главный редактор журнала «Российское правосудие»

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия

Бараников Михаил Михайлович (г. Москва, Россия), председатель Совета молодых ученых и специалистов Российского государственного университета правосудия

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

Ершова Елена Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия

Ершова Наталья Анатольевна (г. Москва, Россия), кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики Российского государственного университета правосудия

Ефимов Анатолий Викторович (г. Москва, Россия), заместитель декана по организации научно-исследовательской работы студентов, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Российского государственного университета правосудия

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права им. Н. В. Витрука, заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, главный редактор журнала «Правосудие/Justice»

Краснова Ирина Олеговна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия

Загорский Геннадий Ильич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия

Моисеева Татьяна Федоровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

Сафонов Владимир Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории права и государства Российского государственного университета правосудия

Стахов Александр Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса им. Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия

Цинделиани Имеда Анатольевич (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права Российского государственного университета правосудия

Редакция:

Отв. секретарь – Т. Ф. Кудрявцева

Корректор – К. В. Чегулова

Дизайн и верстка – Г. С. Гордиенко

Editor-in-Chief:

Daria G. Ermoshina (Moscow, Russian Federation), Assistant Vice-Rector for Research of the Russian State University of Justice

Deputy Editor-in-Chief:

Valeria A. Arnaut (Moscow, Russian Federation), Lecturer of the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice

Editorial board

Anna A. Ananieva (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department of the Russian State University of Justice

Lyudmila B. Arkhipova (Moscow, Russian Federation), Cand. Sci. (Law), Head of the Periodical Scientific Publications Department, Editor-in-Chief of "Rossijskoye pravosudiye" ("Russian Justice") journal

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of the Russian State University of Justice

Mikhail M. Barannikov (Moscow, Russian Federation), Chairman of the Council of Young Scientists and Specialists of the Russian State University of Justice

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice

Elena V. Burdina (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of Law Enforcement and Judicial Activities Department of the Russian State University of Justice

Elena A. Ershova (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Labor and Social Security Law Department of the Russian State University of Justice

Natalia A. Ershova (Moscow, Russian Federation), Cand. Sci. (Economy), Associate Professor, Head of the Economy Department of the Russian State University of Justice

Anatoly V. Efimov (Moscow, Russian Federation), Cand. Sci. (Law), Deputy Dean for Organization of

Student Research Work, Associate Professor of the Business Law Department of the Russian State University of Justice

Viktor N. Kornev (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Head of the Theory of State and Law Department of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of "Pravosudie/Justice" journal
Irina O. Krasnova (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Land and Environmental Law Department of the Russian State University of Justice

Gennady I. Zagorsky (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Criminal Procedure Department of the Russian State University of Justice

Tatiana F. Moiseeva (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Biology), Professor, Head of the Forensics and Criminology Department of the Russian State University of Justice

Tatiana N. Neshataeva (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department of the Russian State University of Justice

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department of the Russian State University of Justice

Vladimir E. Safonov (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the History of Law and State Department of the Russian State University of Justice

Alexander I. Stakhov (Moscow, Russian Federation), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Administrative Law and Procedure Department of the Russian State University of Justice

Imeda A. Tsindeliani (Moscow, Russian Federation), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Financial Law Department of the Russian State University of Justice

Editorial:

Executive secretary – T. F. Kudryavtseva

Proof-reader – K. V. Chegulova

Design and layout – G. S. Gordienko

Подписано в печать / Signed to print: 23.05.2024

Postal address: 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418.

Tel.: +7 (495) 332-51-19. E-mail: femida-science@mail.ru

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал «Фемида.Science» обязательна.
When reprinting or quoting, the reference to the journal "Femida.Science" is necessary.

Содержание

НАУЧНЫЙ НАСТАВНИК

<i>Арямов А. А., Базаров Р. А.</i> Некоторые проблемы уголовно-правового регулирования ответственности лиц, совершивших преступление до достижения совершеннолетия	8
<i>Скляр С. В.</i> О пороговых значениях результатов проверки диссертаций в автоматических системах обнаружения текстовых заимствований	17

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Шумилов Н. В.</i> Правовая доктрина как нетипичный источник права.....	21
---	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Карасева А. М., Березовская Е. А.</i> Проблемы применения административной ответственности в отношении иностранных граждан.....	29
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

<i>Агафонова Д. О.</i> Особенности правового регулирования отношений, связанных с заключением лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ.....	37
<i>Белов А. Д.</i> Правовая охрана программ для ЭВМ в предпринимательской деятельности посредством патентования	46
<i>Бутырская М. А.</i> Гражданско-правовая ответственность лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа.....	59
<i>Кузнецова А. С.</i> Правовое регулирование отношений при использовании облачных технологий в Российской Федерации.....	65
<i>Озеров И. Р.</i> Перераспределение активов внутри холдинга: имплементация «теста Розенблюма» в российское законодательство.....	72

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Тихон А. В.</i> Формирование цифрового правосознания в молодежной среде: от скоринга до социальных сетей органов государственной власти	82
--	----

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

<i>Юрков Д. В., Подгорецкая Е. В.</i> Противодействие незаконным методам налоговой оптимизации на примере интернет-блогеров.....	88
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

<i>Зимина И. Е.</i> Специальные полномочия представителя по доверенности в арбитражном процессе	95
<i>Селивончик В. А.</i> Особенности процесса доказывания по делам о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в сфере семейных правоотношений	103

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Андреева Д. А.</i> Обеспечение прав несовершеннолетних обвиняемых в уголовном судопроизводстве.....	115
--	-----

<i>Атряскина А. Ф.</i> Актуальные проблемы заочного вынесения приговора по уголовным делам	122
--	-----

ЯЗЫК И ПРАВО

<i>Касырова Н. М., Ярова Э. Ш.</i> Использование ненормативной лексики в процессуальных документах как юрислингвистическая проблема	129
<i>Манилов А. А.</i> Понятие доброго имени как проблема юрислингвистики	137

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ

<i>Колесникова А. С.</i> Обзор студенческих научных мероприятий за второй семестр 2023/24 учебного года.....	143
--	-----

Content

SCIENTIFIC MENTOR

<i>A. A. Aryamov, R. A. Bazarov.</i> Some problems of criminal law regulation of liability of persons who committed a crime before reaching the age of majority	8
<i>S. V. Sklyarov.</i> On the threshold values of the results of the examination of dissertations in automatic systems for detecting text borrowings.....	17

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

<i>N. V. Shumilov.</i> Legal doctrine as an atypical source of law	21
--	----

ADMINISTRATIVE LAW

<i>A. M. Karaseva, E. A. Berezovskaya.</i> Problems of applying administrative liability in relation to foreign citizens	29
--	----

CIVIL LAW

<i>D. O. Agafonova.</i> Features of legal regulation of relations related to the conclusion of a license agreement granting the right to use a computer program	37
<i>A. D. Belov.</i> Legal protection of computer programs in business activities through patenting.....	46
<i>M. A. Butyrskaya.</i> Civil liability of a person exercising the powers of the sole executive body.....	59
<i>A. S. Kuznetsova.</i> Legal regulation of relations in the use of cloud technologies in the Russian Federation.....	65
<i>I. R. Ozerov.</i> Redistribution of capital within the holding company: implementation of the “Rozenblum test” in Russian legislation	72

INFORMATION LAW

<i>A. V. Tikhon.</i> Formation of digital legal awareness among young people: from scoring to social networks of public authorities	82
---	----

FINANCIAL LAW

<i>D. V. Yurkov, E. V. Podgoretskaya.</i> Countering illegal methods of tax optimization by the example of internet bloggers	88
--	----

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

<i>I. E. Zimina.</i> Special powers of proxy in arbitration procedure	95
<i>V. A. Selivonchik.</i> Features of the proof process in cases of invalidation of transactions and the application of the consequences of invalidity of transactions in the field of family relations.....	103

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINOLOGY

<i>D. A. Andreeva.</i> Ensuring the rights of minors accused in criminal proceedings	115
<i>A. F. Atryaskina.</i> Actual problems of sentencing in absentia in criminal cases	122

LANGUAGE AND LAW

<i>N. M. Kasyrova, E. Sh. Yarova.</i> The use of profanity in procedural documents as a legal linguistic problem	129
--	-----

<i>A. A. Manilov.</i> The definition of a good name as a problem of legal linguistics	137
---	-----

SCIENTIFIC EVENTS AND ACHIEVEMENTS

<i>A. S. Kolesnikova.</i> Review of student scientific events for the second semester of the 2023/24 academic year	143
---	-----

Научная статья

УДК 343.2/1.7; 343.22

EDN: BAVSWC

Некоторые проблемы уголовно-правового регулирования ответственности лиц, совершивших преступление до достижения совершеннолетия

Андрей Анатольевич Арямов¹, Рустам Ахтамович Базаров²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ ¹ aaryamov65@yandex.ru, ² prorektor_nauka@rsuj.ru

Аннотация. В работе осуществлен анализ действующего российского уголовного законодательства по вопросам правового регулирования ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия. Актуальность темы состоит прежде всего в том, что преступность несовершеннолетних представляет собой благодатную почву, на которой воспроизводится преступность взрослых. Так, по данным К. Е. Игошева и Г. М. Миньковского, около 60% лиц, вставших на путь совершения преступлений в возрасте до наступления совершеннолетия, затем, будучи уже взрослыми, продолжают совершать преступления, образуя впоследствии рецидив, опасный рецидив и особо опасный рецидив. Следовательно, уровень успешности решения задач в сфере противодействия преступности в целом находится в корреляционной зависимости от мер профилактического и уголовно-правового воздействия в отношении рассматриваемой возрастной категории населения.

В качестве задач исследования определены, в частности, сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический) анализ норм Уголовного кодекса Российской Федерации, международных правовых актов, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», теоретический анализ научных трудов по теме данной работы. Цель исследования состоит в выявлении проблем в сфере уголовно-правового регулирования ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, и разработке предложений по его совершенствованию.

Ключевые слова: уголовно-правовое регулирование, уголовная ответственность несовершеннолетних, несовершеннолетний возраст в уголовно-правовом смысле, отставание в психическом развитии

Для цитирования: Арямов А. А., Базаров Р. А. Некоторые проблемы уголовно-правового регулирования ответственности лиц, совершивших преступление до достижения совершеннолетия // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 8–16.

Original article

Some Problems of Criminal Law Regulation of Liability of Persons Who Committed a Crime Before Reaching the Age of Majority

Andrey A. Aryamov¹, Rustam A. Bazarov²

^{1, 2} Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ ¹ aaryamov65@yandex.ru, ² prorektor_nauka@rsuj.ru

Abstract. This paper analyzes the current Russian criminal legislation on the legal regulation of the liability of persons who committed a crime before reaching the age of majority. The relevance of the topic lies primarily in the fact that juvenile delinquency is a fertile ground on which adult delinquency is reproduced. For example, according to K. E. Igoshev and G. M. Minkovsky, about 60 percent of persons who committed crimes before the age of majority, then, as adults, continue to commit crimes that subsequently form a recidivism, a dangerous recidivism and a particularly dangerous recidivism. Consequently, the level of success in solving problems in the field of combating crime as a whole is correlated with the measures of preventive and criminal law influence in relation to the age category of the population under consideration.

The objectives of the study are, in particular, the comparative-legal, formal-legal (dogmatic) analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), international legal documents, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011 No. 1 "On the judicial practice of applying legislation regulating the peculiarities of criminal responsibility and punishment of minors", the theoretical analysis of scientific works on the topic of this work.

The purpose of the study is to identify problems in the field of criminal law regulation of the liability of persons who committed a crime before reaching the age of majority, and to develop proposals for its improvement.

Keywords: criminal law regulation, criminal responsibility of minors, juvenile age in the criminal law sense, mental retardation

For citation: Aryamov, A. A., Bazarov, R. A. Some problems of criminal law regulation of liability of persons who committed a crime before reaching the age of majority. *Femida.Science = The-mis.Science*. 2024;(1):8-16. (In Russ.)

Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, всегда находятся в центре внимания государственных органов законодательной власти и судебной власти, а также в трудах научно-педагогических и научных работников. При этом законодательные решения и разъяснения высшего судебного органа страны учитывают рекомендации, изложенные в международных правовых актах, в той части, в которой это представляет пользу для нашего государства и общества в сфере обращения с несовершеннолетними правонарушителями.

В качестве важного международного акта по вопросам темы данной научной статьи следует назвать Конвенцию о правах ребенка¹. В данной

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

международной Конвенции содержится обращение к государствам – членам ООН принимать такие законы и воспитательно-профилактические, правовые меры, которые будут должным образом защищать интересы подрастающего поколения.

Другим международным актом в рассматриваемой сфере являются Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)². В данном документе содержатся, в том числе, положения, в которых в императивной форме государства – члены ООН призываются обеспечивать представителям подрастающего поколения наиболее благоприятные условия для их интеллектуального, психофизического развития и совершенствования. При этом особо обращается внимание на то, что надлежит формировать у подрастающего поколения безопасное сознание (мышление) и поведение, чтобы подростки, с одной стороны, не стали жертвами преступлений, с другой – сами не совершили преступление.

Далее наряду с названными международными правовыми актами следует обратить внимание на Декларацию прав ребенка³, где акцентируется внимание на необходимость принятия государствами мер по всемерному созданию благоприятных условий, направленных на всестороннее и гармоничное развитие подрастающего поколения, включая принятие законов, обеспечивающих особую социально-правовую охрану лиц несовершеннолетнего возраста, а также защиту их интересов в случае, если такие лица совершат преступление или иное правонарушение.

Сто лет тому назад (1924 г.) Лигой Наций была принята Женевская декларация прав ребенка⁴. С. В. Хмелевским отмечается, что, несмотря на относительную историческую давность данного международного правового документа, в нем уже тогда обращалось внимание государств – членов указанной международной организации на принятие особо щадящих мер перевоспитания и исправления лиц, совершивших преступление до достижения совершеннолетия, на основе медико-психологической и другой помощи в целях скорейшего возвращения их к нормальной жизнедеятельности, к учебе в школе, иной образовательной организации [1, с. 297].

Весьма полно, удачно, конкретно и аргументированно изложены учебные и научные вопросы уголовно-правового регулирования ответственности несовершеннолетних в широко известном в юридических вузах и на юридических факультетах университетов нашей страны, а также в странах Содружества Независимых Государств учебнике «Уголовное право Рос-

² Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 г. // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml.

³ Декларация прав ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml.

⁴ URL: <https://mel.fm/zhizn/razbor/2638591-deklaratsiya-prav-rebenka--kak-onapoyavilas-chto-garantiruyet-i-chem-otlichayetsya-ot-konventsii-oo>.

сии. Части Общая и Особенная»⁵, подготовленном коллективом авторов кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия (далее – Университет), в частности такими известными учеными, как доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации А. В. Бриллиантов, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Университета А. А. Арямов, кандидат юридических наук, доцент В. К. Андрианов. В настоящей научной статье представляется достаточным лишь обратить внимание на данный учебник, не комментируя его положения применительно к проблематике статьи, поскольку представители профессорско-преподавательского состава и обучающиеся Университета могут ознакомиться с ним более подробно в библиотеке, а также в книжном киоске, где представлены труды научно-педагогических работников Университета.

В другом известном учебнике С. Ю. Скобелин аргументированно указывает на следующие особенности уголовно-правового регулирования ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия. Так, согласно п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ криминальное деяние, совершенное лицом в возрасте до достижения совершеннолетия, не подлежит учету, когда рассматривается вопрос о признании рецидива. В случае, если суд принимает решение о назначении наказания лицу, совершившему преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, ему надлежит учитывать психофизиологические особенности его развития, другие особенности личности, условия воспитания, негативное влияние на несовершеннолетнего со стороны взрослых лиц. Сам по себе факт недостижения совершеннолетия лицом, совершившим преступление, является смягчающим обстоятельством (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Согласно ч. 1 ст. 88 УК РФ не все виды наказаний, включенные в общую систему уголовных наказаний, могут применяться в отношении лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия.

Уголовным законом установлено, что сроки и размеры наказаний, подлежащие применению в отношении лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, существенно сокращены по сравнению с аналогичными видами наказаний, применяемыми к лицам, совершившим преступление в возрасте по достижении совершеннолетия (ч. 2–7 ст. 88 УК РФ). При этом нижняя граница наказания в виде лишения свободы за совершение лицом в возрасте до достижения совершеннолетия тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного санкцией соответствующей нормы УК РФ, сокращается наполовину (ч. 6.1 ст. 88 УК РФ).

Лица, совершившие преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, могут быть освобождены от уголовной ответственности и уголовного наказания с применением воспитательных мер (ст. 90–92 УК РФ).

Кроме этого, закон устанавливает льготные особенности для лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, при

⁵ Бриллиантов А. В., Арямов А. А., Андрианов В. К. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2022. 1344 с.

рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении, а также в случае рассмотрения вопроса об их освобождении от уголовной ответственности или от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности либо при погашении судимости (ст. 93–95 УК РФ) [2, с. 390].

С. А. Бурлака отмечает, что в отношении лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, могут быть приняты следующие, например, решения. Возможно освобождение лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ). Кроме этого, лица, совершившие преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, могут быть освобождены также и от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 92 УК РФ).

Вышеизложенное не исключает назначение лицу, совершившему преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, уголовного наказания с реальным его отбыванием (ст. 88–89 УК РФ) либо назначение уголовного наказания с принятием решения об условном осуждении, т. е. без реального отбывания наказания (ст. 73 УК РФ) [3, с. 20].

А. Г. Кибальник подчеркивает, что уголовно-правовое регулирование ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, связано с их психолого-возрастной спецификой, что, в свою очередь, предполагает смягчение уголовной ответственности в отношении указанной категории лиц. Более того, предусмотренные в главе 14 УК РФ особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, суд, основываясь на учете характера совершенного деяния и личности подсудимого, может распространить также и на совершеннолетних, совершивших преступление в возрасте от 18 до 20 лет (ст. 96 УК РФ), за исключением применения таких мер, как помещение совершеннолетнего в возрасте от 18 до 20 лет в воспитательные колонии и специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа [4].

С точки зрения уголовного закона несовершеннолетним признается лицо, достигшее к моменту совершения преступления возраста 14 лет, но не достигшее 18-летнего возраста. В этой связи следует обратить внимание на наличие в УК РФ в некоторой мере правовой коллизии, суть которой состоит в следующем. В соответствии с положением об уголовно-правовом регулировании уголовной ответственности несовершеннолетних, закрепленным в ч. 1 ст. 20 УК РФ, уголовной ответственности подлежит лицо, которое на момент совершения преступления достигло возраста 16 лет. В этом состоит основополагающее уголовно-правовое предписание относительно ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до достижения совершеннолетия. При этом в указанной норме уголовного закона отсутствуют какие бы то ни было оговорки по поводу имеющих уголовно-правовое значение иных возрастных границ лиц, совершивших преступление. Несмотря на это, по смыслу положения, содержащегося в следующей уголовно-правовой норме (ч. 2 ст. 20 УК РФ), вдруг утверждается, что, оказывается, не следует в полной мере полагать-

ся на императивную (!) норму – ч. 1 ст. 20 УК РФ, поскольку есть целый ряд видов преступлений, в случае совершения которых лицо, совершившее преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, подлежит уголовной ответственности вовсе не с 16-летнего возраста, а по достижении на момент совершения преступления возраста 14 лет. К таким видам преступлений относятся те, которые указаны в следующих статьях УК РФ: ст. 105, 111, 112, 126, 131, 132, 158, 161, 162, 163, 166, ч. 2 ст. 167, ст. 205, 205.3, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ст. 205.6, 206, 207, ч. 2 ст. 208, ст. 211, ч. 2 ст. 212, ч. 2 и 3 ст. 213, ст. 214, 222.1, 223.1, 226, 229, 267, 277, 360, 361.

Данное обстоятельство дает основание для законодотворческого предложения о внесении изменений в ст. 87 УК РФ, согласно которому уголовно-правовое понятие несовершеннолетнего в действующей редакции заметить на следующее положение:

«По общему уголовно-правовому регулированию возраста, с которого наступает уголовная ответственность, предусмотренному частью 1 статьи 20 УК РФ, несовершеннолетними в уголовно-правовом смысле признаются лица, которым к моменту совершения преступления исполнилось 16 лет, но которые не достигли совершеннолетия, то есть 18 лет; с учетом исключения (часть 2 статьи 20 УК РФ) из вышеуказанного уголовно-правового правила несовершеннолетними в уголовно-правовом смысле признаются лица, которым к моменту совершения преступления исполнилось 14 лет, но которые на указанный момент не достигли совершеннолетия, то есть 18 лет».

Наряду с изложенным предлагается дополнить ч. 3 ст. 20 УК РФ положением о том, что *лицо, совершившее преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, не подлежит уголовной ответственности в связи с отставанием в психическом развитии, как являющимся психическим расстройством, так и не являющимся таковым.*

И. М. Мухачева подчеркивает, что при рассмотрении вопроса о применении ч. 3 ст. 20 УК РФ важное значение имеет несоответствие (в сторону отставания) уровня психического развития лица, совершившего преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, фактическому биологическому возрасту (по документам). Данный автор акцентирует внимание на том, что именно это обстоятельство не позволяет несовершеннолетнему во время совершения общественно опасного деяния в полной мере осознавать общественную опасность своего деяния [5, с. 118].

И. В. Пикиным, И. А. Таракановым и С. А. Пичутиным отмечается, что следует закрепить в уголовном законе такое состояние «несовершеннолетнего, как возрастная невменяемость» [6, с. 53].

По мнению С. Н. Саргсян, в отношении лица, совершившего преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, следует устанавливать возраст как биологический (фактический), так и календарный [7, с. 156].

Согласно п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уго-

ловной ответственности и наказания несовершеннолетних»⁶ при наличии данных, которые указывают на отставание несовершеннолетнего в психическом развитии, надлежит назначить комплексную психолого-психиатрическую экспертизу с постановкой следующего вопроса перед экспертами: соответствует ли психическое состояние несовершеннолетнего его интеллектуальному развитию с учетом возраста. В случае, если будет сделан вывод, что несовершеннолетний отстает в психическом развитии, он не подлежит уголовной ответственности.

В случае, если у несовершеннолетнего будет установлено психическое расстройство, не исключающее вменяемости, несовершеннолетний подлежит уголовной ответственности. Данный факт учитывается судом при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства, а также несовершеннолетнему лицу могут быть назначены принудительные меры медицинского характера согласно ч. 2 ст. 22 УК РФ, ч. 2 ст. 433 УПК РФ⁷.

Следовательно, очевидна коллизийная правовая ситуация, когда худшее болезненное состояние психики лица, совершившего преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, предполагает менее гуманное законодательное положение. Это нельзя признать верным.

Именно поэтому предлагается дополнить ч. 3 ст. 20 УК РФ положением о том, что, если лицо, совершившее преступление в возрасте до достижения совершеннолетия, вследствие отставания в психическом развитии, *связанном с психическим расстройством* или не связанным с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, оно не подлежит уголовной ответственности.

Данное предложение имеет целевую направленность на усиление защиты подростков, совершивших общественно опасное деяние, но которые в связи с отставанием в психическом развитии не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния либо руководить им.

Суть предложения об изменении ч. 3 ст. 20 УК РФ состоит в следующем: уголовной ответственности не должны подлежать как те несовершеннолетние, у которых отставание в психическом развитии связано с психическим расстройством, так и несовершеннолетние, у которых отставание в психическом развитии не связано с психическим расстройством. Данный факт сам по себе должен подлежать льготному уголовно-правовому регулированию ответственности несовершеннолетних. Отставание несовершеннолетнего в психическом развитии – это не его вина, а его беда. Поскольку акушеры, педагоги, воспитатели, психологи, психиатры, неврологи и другие специалисты допустили такое отставание в психическом развитии, то вряд ли справедливо будет всю ответственность перекладывать только на самого ребенка. Более того, такие дети нуждаются в особо бережном и внима-

⁶ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тельном отношении, уходе, социально-психологическом сопровождении и психосоматическом лечении. Только при таком подходе обоснованно рассчитывать на предупреждение рецидива (в криминологическом смысле) со стороны данной категории несовершеннолетних в будущем.

В основе профилактической работы с такими несовершеннолетними должны быть не увещательные беседы о том, что молодой человек поступил плохо, так как отставание в психическом развитии не способствует (в ряде случаев – препятствует) правильному восприятию окружающей действительности, своего поведения, а профессионально грамотное, щадящее, доброжелательное, основанное на духовно-нравственном человеколюбии и принципе «не навреди» лечение психических и физиологических патологий детей, подростков и их родителей. В случае, если запущенная (просмотренная врачами) болезнь привела уже к хроническому, по сути – неизлечимому состоянию психического или физического здоровья, то это ни в коей мере не может считаться основанием (поводом) для непринятия вышеуказанных медицинских мер. Даже если такие меры не способны полностью исцелить несовершеннолетнего, то тогда главным становится добиться длительной и стойкой ремиссии, позволяющей обеспечить нормальное качество жизнедеятельности несовершеннолетних с девиантным поведением вследствие отставания в психическом развитии. Тем самым общество уберезет их от повторного совершения общественно опасного деяния в будущем, а потенциальных жертв таких деяний – от причинения физического вреда их жизни и здоровью, материального ущерба – их собственности.

Список источников

1. Хмелевский С. В. Международно-правовая защита детей с древности до начала Второй мировой войны // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 295–298.
2. Багмет А. М., Быков А. В., Бычков В. В. и др. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Бастрыкина. М. : Проспект, 2017. 432 с.
3. Бурлака С. А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : учеб. пособие. 2-е изд. Белгород : БелЮИ МВД России, 2013. 83 с.
4. Кибальник А. Г. Об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 63–64.
5. Мухачева И. М. Применение положений ч. 3 ст. 20 УК РФ о «возрастной незрелости» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 118–124.
6. Пикин И. В., Тараканов И. А., Пичугин С. А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Крымский научный вестник : сетевое изд. 2019. № 1 (22). С. 51–57.
7. Саргсян С. Н. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Молодой ученый. 2018. № 43. С. 155–158.

References

1. Khmelevsky, S. V. The international-law protection of children from antiquity to the beginning of World War II. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2012;(1):295-298. (In Russ.)

2. Bagmet, A. M., Bykov, A. V., Bychkov, V. V., et al. *Criminal law. General part*. Textbook. Ed. A. I. Bastrykin. Moscow: Prospekt; 2017. 432 p. (In Russ.)
3. Burlaka, S. A. *Features of criminal responsibility and punishment of minors*. Textbook. 2nd ed. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2013. 83 p. (In Russ.)
4. Kibalnik, A. G. On peculiarities of criminal responsibility and punishment for minors. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2015;(2):63-64. (In Russ.)
5. Mukhacheva, I. M. Application of provisions of part 3 of article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation on "age immaturity". *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2018;(6):118-124. (In Russ.)
6. Pikin, I. V., Tarakanov, I. A., Pichugin, S. A. Peculiarities of criminal responsibility and punishment of minors. *Krymskij nauchnyj vestnik = Crimean Scientific Bulletin*. Online publication. 2019;(1):51-57. (In Russ.)
7. Sargsyan, S. N. Features of criminal responsibility and punishment of minors. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2018;(43):155-158. (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Арямов – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе;
Р. А. Базаров – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the authors

A. A. Aryamov – Doctor of Science (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work;
R. A. Bazarov – Doctor of Science (Law), Professor, Professor of the Department, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 22.03.2024.

Очерк

EDN: BEZBAJ

О пороговых значениях результатов проверки диссертаций в автоматических системах обнаружения текстовых заимствований

Сергей Валерьевич Скляр

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ ssv@rsuj.ru

Для цитирования: Скляр С. В. О пороговых значениях результатов проверки диссертаций в автоматических системах обнаружения текстовых заимствований // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 17–20.

Essay

On the Threshold Values of the Results of the Examination of Dissertations in Automatic Systems for Detecting Text Borrowings

Sergey V. Sklyarov

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ ssv@rsuj.ru

For citation: Sklyarov, S. V. On the threshold values of the results of the examination of dissertations in automatic systems for detecting text borrowings. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):17-20. (In Russ.)

В соответствии с абзацем первым п. 10 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842¹ (далее – Положение), диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку.

Согласно п. 14 Положения в диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов.

При использовании в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени лично и (или) в соавторстве, соискатель ученой степени обязан отметить это обстоятельство в диссертации.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней». Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

В соответствии с подп. «г» п. 20 Положения основанием для отказа в приеме диссертации к защите является использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования, результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве, без ссылок на соавторов.

Согласно абзацу пятому п. 18 Положения созданная диссертационным советом для предварительного ознакомления с диссертацией комиссия представляет заключение, в том числе, о соблюдении требований, установленных п. 14 настоящего Положения, в соответствии с которым, как указано выше, соискатель в диссертации обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов.

Таким образом:

- диссертация должна быть написана соискателем самостоятельно;
- использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования не допускается ни в каком виде и ни в каком объеме;
- проверка диссертации на предмет заимствования осуществляется комиссией диссертационного совета, создаваемой для предварительного ознакомления с диссертацией;
- использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования является основанием для отказа в приеме диссертации к защите.

В информационном сообщении Минобрнауки России от 21 июня 2013 г. «По вопросам процедур защиты и проверки текстов диссертаций»² указано, что диссертационные советы несут ответственность за объективность и обоснованность принимаемых решений и призваны обеспечить высокий уровень требований при определении соответствия диссертаций установленным критериям. Создание системы проверки использования заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования относится к полномочиям образовательной (научной) организации, на базе которой действует диссертационный совет, и осуществляется в инициативном порядке.

В соответствии с подп. 3.2 п. 3 приказа Минобрнауки России от 9 января 2020 г. № 1 «Об определении состава информации о государственной научной аттестации для включения в федеральную информационную систему государственной научной аттестации» в состав информации о диссертационных советах входит сетевой адрес (URL) официального сайта организации в сети «Интернет», на котором размещено, в том числе, наименование системы проверки использования заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования, результатов научных работ, выполненных в соавторстве, без ссылки на соавторов.

В соответствии с рекомендацией Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 24 июня 2021 г. № 1-пл/5 «Об использовании электронных систем для подтверждения оригинальности диссертационных ис-

² Доступ из СПС «Гарант».

следований»³ руководителям научных организаций, организаций высшего и дополнительного образования, при которых созданы диссертационные советы, необходимо самостоятельно определять используемые электронные системы для подтверждения оригинальности диссертационных исследований.

Таким образом, диссертационные советы несут ответственность за соответствие диссертации установленным Положением критериям. При этом процедура и критерии проверки диссертации на предмет неправомерного заимствования нормативными правовыми актами не установлены. В информацию о диссертационных советах необходимо включать наименование системы проверки использования заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования. Установлено, что организации самостоятельно определяют системы проверки использования заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования.

При автоматической проверке текста работы в автоматических системах обнаружения текстовых заимствований результаты проверки выводятся в следующих значениях: *оригинальность, самоцитирование, цитирование, совпадения (заимствование)*.

Обобщение практики установления пороговых значений результатов проверки диссертаций в автоматических системах обнаружения текстовых заимствований выявило различные подходы. Вместе с тем общими при установлении образовательными организациями и диссертационными советами пороговых значений результатов проверки диссертаций являются следующие моменты:

- под совпадениями понимаются исключительно возможные технические (случайные) совпадения, не являющиеся неправомерным заимствованием;
- объем цитирования должен быть оправдан целями цитирования и не вызывать сомнений в самостоятельности написания диссертации или ее отдельных частей;
- более ранние научные работы соискателя могут являться источником цитирования, однако диссертация должна содержать существенное содержательное приращение, а не являться компиляцией из таких работ;
- диссертационный совет может принимать решение о допустимом объеме цитирования и самоцитирования для конкретной диссертации, исходя из ее тематики.

На основании приведенных нормативных правовых актов и рекомендаций, с учетом обобщения опыта образовательных организаций по использованию автоматических систем обнаружения текстовых заимствований, диссертационным советом 78.2.001.01, созданным на базе Российского государственного университета правосудия, установлены следующие пороговые значения результатов проверки диссертаций в автоматических системах обнаружения текстовых заимствований:

- оригинальность – не менее 50 %;
- самоцитирование – не более 25 %;

³ Доступ из СПС «Гарант».

- цитирование – не более 15 %;
- совпадения – не более 10 %.

Оригинальным признается текст диссертации, выполненный автором полностью самостоятельно, т. е. уникальный текст, созданный в результате интеллектуального труда соискателя и не содержащий заимствований, за исключением технических совпадений, связанных с использованием наименований органов, учреждений и организаций, названий или текстов нормативных правовых или судебных актов, общеупотребительных выражений, научных терминов и т. п., которые не требуют ссылок на автора и (или) источник.

Под *самоцитированием* понимается цитирование соискателем собственных работ со ссылкой или без ссылки на источник.

Цитированием считается включение в диссертацию фрагментов научных работ, нормативных правовых актов и иных документов без их изменения (дословно) либо с перефразированием первоначального текста со ссылками на авторов и (или) источник.

Под *совпадениями* понимаются исключительно технические (случайные) совпадения, не являющиеся неправомерным заимствованием.

Вместе с тем установленные пороговые значения являются ориентирующими критериями для решения вопроса о возможности приема диссертации к защите. Применительно к конкретной диссертации в зависимости от ее уровня (докторская или кандидатская), от содержания проведенного исследования и т. п. диссертационный совет может принимать решение о допустимом объеме цитирования и самоцитирования в каждом конкретном случае. Однако при этом безусловными критериями признаются следующие:

– объем цитирования должен быть оправдан целями цитирования и не вызывать сомнений в самостоятельности написания диссертации или ее отдельных частей;

– диссертация должна содержать существенное содержательное приращение более ранних научных работ соискателя, а не являться их компиляцией.

Использование в диссертации заимствованного материала в любом виде и в любом объеме без ссылки на автора и (или) источник не допускается и является основанием для отказа в приеме диссертации к защите.

Информация об авторе

С. В. Скляров – доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета 78.2.001.01.

Information about the author

S. V. Sklyarov – Doctor of Science (Law), Professor, Chairman of the Dissertation Council 78.2.001.01.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 29.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

Теория и история государства и права / Theory and History of State and Law

Научная статья

УДК 340.149

EDN: EFCLAY

Правовая доктрина как нетипичный источник права

Назар Вадимович Шумилов

Казанский филиал,

Российский государственный университет правосудия, Казань, Россия

✉ nazarshumil@gmail.com

Научный руководитель: А. В. Краснов, к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Доктринальные правовые положения в России становятся все более значимыми в плане определения стратегии и тактики правового регулирования в условиях новых вызовов. Это проявляется прежде всего в закреплении официальных доктрин на уровне нормативных правовых актов Президента и Правительства Российской Федерации. Цель исследования – сформировать научные знания о сущностных свойствах правовой доктрины. Для этого обозначено соотношение форм и источников права и исследованы свойства доктрины как нетипичного источника права, ее виды и формы проявления. Формы и источники права следует различать: источник есть факторы, предопределяющие содержание норм права, тогда как форма права – это внешняя документальная форма выражения норм права. Правовая доктрина в Российской Федерации проявляется как официальная и научная, при этом официальная доктрина утверждается нормативными правовыми актами. Официальная правовая доктрина выступает в России как нетипичный источник права, все более влияющий на содержание правового регулирования. Ее юридическая сила до конца не определена.

Ключевые слова: правовая доктрина, официальная доктрина, научная доктрина, источник права, форма права, нетипичные источники права, правовая норма

Для цитирования: Шумилов Н. В. Правовая доктрина как нетипичный источник права // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 21–28.

Original article

Legal Doctrine as an Atypical Source of Law

Nazar V. Shumilov

Kazan Branch, Russian State University of Justice, Kazan, Russia

✉ *nazarshumil@gmail.com*

Scientific supervisor: A. V. Krasnov, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of Law and State Department of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice

Abstract. Doctrinal legal provisions in Russia are becoming increasingly important in terms of determining the strategy and tactics of legal regulation in the face of new challenges. This is manifested primarily in the consolidation of official doctrines at the level of regulatory legal acts of the President and the Government of the Russian Federation. The purpose of the study is to generate scientific knowledge about the essential properties of legal doctrine. Objectives: to identify the relationship between forms and sources of law; explore the properties of the doctrine as an atypical source of law, its types and forms of manifestation.

Forms and sources of law should be distinguished: the source is the factors that predetermine the content of the rules of law, while the form of law is the external documentary form of expression of the rules of law. Legal doctrine in the Russian Federation manifests itself as official and scientific, while the official doctrine is approved by regulatory legal acts. Legal doctrine, primarily official, acts in Russia as an atypical source of law, increasingly influencing the content of legal regulation. Its legal force has not yet been fully determined.

Keywords: legal doctrine, official doctrine, scientific doctrine, source of law, law form, atypical sources of law, law rule

For citation: Shumilov, N. V. Legal doctrine as an atypical source of law. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):21-28. (In Russ.)

Вопрос об источниках и формах права является одним из наиболее интересных в теории права. Несмотря на его достаточно широкую разработанность, тем не менее правовая жизнь постоянно требует осмысления как уже сложившихся, так и новых правовых феноменов. К числу последних может быть отнесена правовая доктрина.

Прежде всего, доктрина может быть проанализирована с точки зрения соотношения форм и источников права. В таком качестве правовая доктрина получила разработку в трудах таких ученых, как С. В. Бошно, А. А. Васильев, Н. А. Гранат, А. В. Егоров, Л. А. Кочан, Т. Н. Нешатаева, Р. В. Пузилов, Д. В. Сас, Б. Б. Сулейманов и др.

В правовой науке отсутствует единство в понимании соотношения понятий формы и источника права, иногда они могут даже полностью отождествляться [1, с. 42; 2, с. 10]. Также в научной литературе предлагается выделять несколько видов источников права, причем формально-юридические источники при этом отождествляются с формой права [3, с. 7; 4, с. 7, 43]. Отметим, что автор солидаризируется с мнением, что форма и источник права – не тождественные понятия [5, с. 222]. Источник

права показывает, какие факторы влияют на содержание соответствующих норм права, т. е. представляет собой истоки права. Форма же права – это внешняя, документальная (как правило) форма выражения норм права. В этом смысле правовая доктрина может рассматриваться прежде всего в качестве источника права: не включая в себя нормы права, она содержит некоторые доктринальные положения как наиболее общие начала для правового регулирования. Однако, как будет показано ниже, такие положения могут утверждаться подзаконными нормативными актами (или даже законом), которые выступают в качестве разновидности формы права.

Необходимо отметить, что правовая доктрина занимает особенное место в области права и правового регулирования, определяя пути его развития. Закладывая основы регулирования, она выступает первичным источником права [6, с. 46–47]. Доктрина многолика: она может быть научной и отражать особенности научного понимания права, позиции ученых-юристов. Кроме того, существует и официальная доктрина, связанная с особенностями сознания политических субъектов: она конструируется как некие принципы, призванные воздействовать на менталитет практикующих юристов. Именно официальная доктрина оказывает наиболее значимое влияние на правовое регулирование, закладывая как принципы, так и основную направленность последнего.

Научная доктрина выражается в научных работах, представляющих собой мнения квалифицированных специалистов и ученых-юристов, которые могут лечь в основу новых норм права или стать причиной редактирования уже существующих норм. Как источник права научная доктрина не обладает юридической силой и ей не могут руководствоваться правоприменители в своей работе. То есть научная доктрина – это создаваемые в университетах и иных профессорских объединениях учения, сумма идей, теорий научного характера; она представляет собой составляющую единицу общественного сознания.

Официальная правовая доктрина может быть названа формой политических установок данного государства (наряду с экономической и иными). Так или иначе, официальную правовую доктрину следует включать в правовую систему. В таком качестве она отражает научное мышление и его особенности, преломленные через сознание правящих элит, а также может играть и прикладную роль. Регулятивность доктрины носит опосредованный характер. Она как определенный исток правового содержания может в конечном счете детерминировать содержание принимаемых нормативных правовых актов и юридическую практику [7, с. 62].

Официальная доктрина представляет собой создаваемую на национальном или наднациональном уровне концепцию, систему обобщенных знаний, идею, обуславливающую как правовую, так и политическую деятельность¹. В Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегиче-

¹ Сухарев А. Я., Крутских В. Е., Сухарева А. Я. Доктринальные источники права // Большой юридический словарь. М. : Инфра-М, 2003. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-196-5.htm#zag-1960> (дата обращения: 24.12.2023).

ском планировании в Российской Федерации»² доктрине придается статус официального документа стратегического планирования.

В доктринах исследуется действующее законодательство, анализируются правовое регулирование, комментируются и разъясняются существующие нормы права, а также формулируются новые варианты модернизации правовой системы страны, вводятся новые правовые категории и фиксируются старые, уже существующие. Благодаря правовым доктринам, совершенствуются законодательство и методология толкования законов.

В качестве формы права правовая доктрина имманентна прежде всего англосаксонскому праву. Что касается континентальной правовой семьи, то здесь она получила гораздо меньшее развитие. Стоит отметить, что в романо-германском праве научная доктрина в целом может быть охарактеризована именно в качестве источника, истока права, а не его формы, так как научная доктрина вообще не представляет собой официальный документ, а официальная доктрина хоть и утверждается нормативными актами, но сама по себе не обладает признаками последнего. Что касается официальной доктрины, то в российской практике политического управления принято публиковать их по разным направлениям государственной политики.

Несмотря на востребованность и применимость в качестве источника права, официальная правовая доктрина в России не рассматривается как форма права. Так, можно привести примеры на основе вопроса о военной доктрине. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 31 июля 1995 г. № 10-П³ пришел к выводу, что основные положения Военной доктрины Российской Федерации не содержат нормативных предписаний. То есть Конституционный Суд Российской Федерации отрицает за доктриной возможность быть формой права. Тем не менее можно встретить и иное мнение. Так, судья Конституционного Суда Российской Федерации В. О. Лучин отметил в особом мнении: «...выводы Суда о том, что положения военной доктрины не содержат нормативных предписаний, не имеют юридически обязательного характера и не могут проверяться Конституционным Судом на их соответствие Конституции России, а Указ Президента не может считаться действующим впредь до внесения в него не-

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики)», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.

обходимых изменений, я воспринимаю как недоразумение. Утверждение Указом Президента того или иного документа (доктрины, положения, программы) придает ему характер официального общеобязательного акта»⁴.

Данная позиция может говорить о некотором сближении официальной доктрины с нормативными правовыми актами. Во всяком случае, она отличается некоторой степенью нормативности (как известно, последняя может быть разной и касаться, к примеру, праворазъяснительных актов); при этом доктринальные положения чем-то похожи на принципы права, так как закладывают основы для правового регулирования отношений в будущем. Кроме того, издание в особом порядке и официальное утверждение, в частности, главой государства позволяют говорить о законности и легальности доктрины.

В настоящее время в России можно выделить перечень доктрин, которые касаются совершенно разных сфер правового регулирования:

- 1) Доктрина развития российской науки⁵;
- 2) Доктрина информационной безопасности Российской Федерации⁶;
- 3) Морская доктрина Российской Федерации⁷;
- 4) Климатическая доктрина Российской Федерации⁸;
- 5) Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации⁹;
- 6) Военная доктрина Российской Федерации¹⁰;
- 7) Экологическая доктрина Российской Федерации¹¹ [8, с. 195].

Все виды доктрин из указанного перечня утверждаются нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации или Правительства

⁴ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В. О. Лучина в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. № 10-П.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 884 «О доктрине развития российской науки» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3005.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 31. Ст. 5699.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 44. Ст. 7865.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 345.

¹⁰ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. 2014. 30 дек.

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 36. Ст. 3510.

Российской Федерации, принятыми в пределах их компетенции. Существует понятие документа стратегического планирования, который содержит в себе сформулированные позиции правящей элиты по поводу путей дальнейшего развития страны. В этом плане доктрина отражает именно официальные мнения, по которым достигнут консенсус.

В связи с этим высказывается мнение о том, что доктрина в формально-юридическом смысле – это политико-правовой документ, который может обладать нормативно-правовыми свойствами и поэтому входит в структуру законодательства Российской Федерации [9, с. 8–9]. Тем не менее с указанной позицией вряд ли можно согласиться: доктринальные положения сами по себе не обладают той степенью нормативности, которая способна уравнивать их с нормами права, а официальное утверждение доктринального текста не превращает его в элемент законодательства – тем более что доктринальные положения утверждаются главным образом не федеральными законами, а указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации. Правовая доктрина, как представляется, это нетипичный источник права в его значении истока содержания норм права.

В качестве примера стоит рассмотреть, как официальная доктрина как нетипичный источник права влияет на содержание конституционных правовых норм. В первую очередь, можно сказать, что одна из главнейших реализуемых на сегодня правовых доктрин в России – доктрина прав и свобод человека и гражданина – оказывает непосредственное влияние на Конституцию Российской Федерации¹², ее структуру и характер правовой системы страны, а конкретно – на содержание ст. 2, 17, 18 Конституции Российской Федерации [9, с. 19–22].

Высказывается также мнение, в соответствии с которым правовая доктрина может быть отнесена к проблематике юридической техники. В частности, она может включаться в число элементов последней; при этом правовая доктрина имеет жесткий, установленный, указующий характер и она рассматривается в качестве особой правовой конструкции [10, с. 6–8]. Получается так, что доктринальные положения в конституционном праве приобретают некое особое качество – они могут быть рассмотрены как формулировки общего характера, задающие программу развития законодательства. Вместе с тем, как было отмечено выше, сами по себе доктринальные положения не участвуют в правовом регулировании отношений. Они представляют собой официальные указания, в своем роде рекомендации, но без свойств норм права.

Подводя итог, резюмируем, что правовая доктрина может быть отнесена к числу нетипичных источников права в их значении истока права – при этом официальная доктрина устанавливается государством и в итоге, так или иначе, обеспечивает развитие законодательства на основе доктри-

¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

нальных положений; научная доктрина также учитывается при совершенствовании действующего права. До сих пор не до конца определено, обладает ли правовая доктрина юридической силой в России, тем не менее официальные доктринальные положения утверждаются подзаконными нормативными правовыми актами. Такой источник права важен для правовой системы в качестве ориентира и наполняет правовую систему Российской Федерации новым содержанием в плане выбора как тактики, так и стратегии правового регулирования.

Список источников

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М. : Бр. Башмаковы, 1914. 483 с.
2. Зивс С. Л. Источники права : моногр. М. : Наука, 1981. 239 с.
3. Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 6–11.
4. Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права : моногр. М. : Госюриздат, 1959. 157 с.
5. Краснов А. В., Скоробогатов А. В. Источники и формы права в контексте правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2 (15). С. 221–227.
6. Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: за и против // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2010. № 5. С. 43–48.
7. Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. 254 с.
8. Мадаев Е. О. Место и роль правовой доктрины в правовой системе Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2. С. 193–197.
9. Пузиков Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 24 с.
10. Полянский Д. А., Пузиков Р. В. Правовая доктрина как особое правовое явление // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 11 (127). С. 1–11.

References

1. Shershenevich, G. F. *Textbook of Russian civil law*. Moscow: Bashmakovs br.; 1914. 483 p. (In Russ.)
2. Zivs, S. L. *Sources of law*. Monograph. Moscow: Nauka; 1981. 239 p. (In Russ.)
3. Granat, N. L. Sources of law. *Yurist = Lawyer*. 1998;(9):6-11. (In Russ.)
4. Novitsky, I. B. *Sources of Soviet civil law*. Monograph. Moscow: Gosyurizdat; 1959. 157 p. (In Russ.)
5. Krasnov, A. V., Skorobogatov, A. V. Sources and law forms in the context of the law reality. *Baltiyskij humanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2016;5(2):221-227. (In Russ.)
6. Vasiliev, A. A. Legal doctrine as a source of law: pros and cons. *Altajskij vestnik gosudarstvennoj i munitsipal'noj sluzhby = Altai Bulletin of State and Municipal Service*. 2010;(5):43-48. (In Russ.)
7. Madaev, E. O. *Doctrine in the legal system of the Russian Federation*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Irkutsk; 2012. 254 p. (In Russ.)

8. Madaev, E. O. Place and role of doctrine in the legal system of the Russian Federation. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University*. 2015;(2):193-197. (In Russ.)
9. Puzikov, R. V. *Legal doctrine in the field of legal regulation: problems of theory and practice*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Nizhny Novgorod; 2003. 24 p. (In Russ.)
10. Polyansky, D. A., Puzikov, R. V. Legal doctrine as special legal phenomenon. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2013;(11):1-11. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. В. Шумилов – студент 1 курса юридического факультета.

Information about the author

N. V. Shumilov – 1st year student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 14.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 14.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Административное право / Administrative Law

Научная статья

УДК 342.9

EDN: ETTVYM

Проблемы применения административной ответственности в отношении иностранных граждан

**Анастасия Маратовна Карасева¹,
Екатерина Андреевна Березовская²**

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ ¹ karasva.nastasya@mail.ru, ² ekaterinaberezovskaa88@gmail.com

*Научный руководитель: С. А. Порываев, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой
Российского государственного университета правосудия*

Аннотация. В статье проанализировано законодательство, регулирующее административную ответственность иностранных граждан. Выявлены основные проблемы, связанные с применением административной ответственности к иностранцам, таких административных наказаний, как административный штраф, применяемый в отношении иностранных граждан, подверженных выдворению, административное выдворение и депортация иностранных граждан за пределы Российской Федерации, где акцентируется внимание на различие указанных понятий. Также выявлена проблема оказания юридической помощи иностранным гражданам, перечислены трудности, с которыми юрист может сталкиваться, в связи с чем предложены пути решения проблем и разработаны предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, иностранные граждане, лицо без гражданства, административный штраф, административное выдворение

Для цитирования: Карасева А. М., Березовская Е. А. Проблемы применения административной ответственности в отношении иностранных граждан // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 29–36.

Original article

Problems of Applying Administrative Liability in Relation to Foreign Citizens

Anastasia M. Karaseva¹, Ekaterina A. Berezovskaya²

^{1, 2} Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ ¹ karasva.nastasya@mail.ru, ² ekaterinaberezovskaa88@gmail.com

Scientific supervisor: **S. A. Poryvaev**, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the N. G. Salishcheva Administrative Law and Procedure Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The article analyzes the legislation regulating the administrative responsibility of foreign citizens. The main problems related to the application of administrative responsibility to foreigners, such administrative penalties as an administrative fine applied to foreign citizens subject to expulsion, administrative expulsion and deportation of foreign citizens outside the Russian Federation, where attention was focused on the difference between these concepts. Also the problem of providing legal assistance to foreign citizens was identified, where The problems that a lawyer may face were listed, in this regard, ways to solve problems were proposed and proposals were developed to improve legislation in this area.

Keywords: administrative responsibility, foreign citizens, stateless persons, administrative fine, administrative expulsion

For citation: Karaseva, A. M., Berezovskaya, E. A. Problems of applying administrative liability in relation to foreign citizens. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):29-36. (In Russ.)

Тема «Проблемы применения административной ответственности иностранными гражданами» актуальна по нескольким причинам.

Во-первых, она связана с вопросами соблюдения прав и свобод иностранных граждан в рамках международного права. В современном мире все больше людей мигрируют из своих родных стран в поисках лучшей жизни, работы или образования. Это создает необходимость в разработке и применении международных стандартов и правил, которые гарантировали бы соблюдение прав всех мигрантов.

Во-вторых, данная тема актуальна в связи с ростом числа нелегальных иммигрантов, что создает проблемы для общественного порядка и национальной безопасности. В некоторых случаях нелегальность миграции влечет за собой совершение иных преступлений: иммигранты могут стать жертвами эксплуатации, насилия и дискриминации.

В-третьих, применение административных наказаний к иностранным гражданам имеет свои особенности и сложности. Например, могут возникнуть проблемы, связанные с различиями в законодательстве разных стран, с языковыми барьерами, а также с трудностями в установлении личности правонарушителя.

Подытоживая вышесказанное, актуальность данной темы связана с необходимостью разработки новых подходов к применению административной

ответственности, которые бы учитывали специфику положения иностранных граждан и обеспечивали справедливое и гуманное отношение к ним.

Российская Федерация, как и другие государства мира, ежедневно сталкивается с вопросами незаконной миграции. В борьбе с этими процессами иностранные граждане, нарушившие миграционное законодательство, подлежат депортации или административному выдворению.

Статья 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (КоАП РФ) гласит, что административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства заключается в принудительном и контролируемом перемещении указанных граждан и лиц через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации (далее – принудительное выдворение за пределы Российской Федерации), а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, – в контролируемом самостоятельном выезде иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»² трактует понятие «депортация» как принудительную высылку иностранного гражданина из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации.

В свою очередь, административное выдворение назначается широким кругом правоприменителей, что вытекает из положения ч. 2 ст. 3.10 КоАП РФ: «Административное выдворение за пределы Российской Федерации как мера административного наказания устанавливается в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства и назначается судьей, а в случае совершения иностранным гражданином или лицом без гражданства административного правонарушения при въезде в Российскую Федерацию – соответствующими должностными лицами».

Что касается основания применения данных мер государственного принуждения, то для административного выдворения, как и для любого вида административного наказания, – это совершение административного правонарушения, а для применения депортации – прекращение законных оснований для дальнейшего пребывания (проживания) иностранного гражданина в Российской Федерации.

Продолжая сравнивать административное выдворение и депортацию, необходимо рассмотреть процедуру их применения. Административное выдворение возможно в двух формах: принудительного перемещения через границу и самостоятельного контролируемого перемещения. Депортация осуществляется исключительно в форме принудительной высылки иностранного гражданина из Российской Федерации.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

Говоря о сходстве анализируемых мер принуждения, отметим, что обе они, во-первых, необходимы для реализации миграционной политики, важное условие эффективности которой – применение различных методов ее осуществления (среди них основной – административно-правовой), и, во-вторых, применяются исключительно к иностранным гражданам.

По итогу по правовой «генетике» административное выдворение является административно-принудительной мерой, а депортация может быть и административно-предупредительной, когда правонарушение отсутствует, но имеется реальная угроза его совершения в случае неприменения данной меры.

Что касается административного штрафа, применяемого в отношении иностранных граждан, подверженных выдворению, то согласно ст. 3.5 КоАП РФ административный штраф является денежным взысканием, выражается в рублях и устанавливается для граждан в размере, не превышающем пяти тысяч рублей, кроме случаев, предусмотренных иными статьями Кодекса.

Сущностной характеристикой штрафа является его размер. К тому же надо отметить, что современная тенденция усиления ответственности за правонарушения, совершенные иностранными гражданами в Российской Федерации, выражается в существенном увеличении размеров штрафных санкций. Так, за отдельные правонарушения увеличен размер административного штрафа (ст. 18.8, 18.10, 18.11 КоАП РФ). Максимальный размер штрафа, налагаемого на иностранных граждан и лиц без гражданства, по состоянию на начало марта 2024 г. составил семь тысяч рублей, тогда как на граждан России за такие же правонарушения – до пяти тысяч рублей.

Однако следует подчеркнуть, что значительные размеры штрафа, с одной стороны, действительно дисциплинируют правонарушителей, а с другой – являются еще одной из причин неуплаты штрафов. Так, И. Н. Озеров отмечает, что «...иностранцы граждане и лица без гражданства, нарушающие миграционное законодательство, зачастую неплатежеспособны. Поэтому судьи вынуждены выносить постановления о назначении административного наказания в отношении этих лиц в виде административного штрафа с административным выдворением за пределы России, заведомо зная, что штраф не будет взыскан» [1, с. 109]

Для решения этой проблемы представляется ряд вариантов реализации административного штрафа, например возложить обязанность выплаты штрафа на приглашающую сторону, если таковая установлена, или применять альтернативную меру административной ответственности, к примеру общественно полезные работы.

С учетом возникновения ряда вышеуказанных проблем, согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»³, бесплатная юридическая помощь иностранным гражданам и лицам без гражданства оказывается в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и международными договорами Российской Федерации.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6725.

Оказание юридической помощи иностранным гражданам может быть сложной задачей из-за различий в законодательстве и культурных особенностей разных стран. Приведем некоторые из распространенных проблем, с которыми может столкнуться юрист, оказывающий помощь иностранным гражданам.

1. Языковой барьер: необходимо иметь достаточное знание языка клиента или предоставить переводчика, чтобы обеспечить правильное понимание и взаимодействие между юристом и клиентом.

2. Различия в законодательстве: каждая страна имеет свою систему права, и она, возможно, существенно отличается от той, с которой знаком юрист. Понимание и применение иностранного законодательства может вызывать трудности.

3. Культурные различия: системы правосудия, традиции и обычаи могут значительно отличаться от страны к стране. Юрист должен быть готов адаптироваться к культурным особенностям клиента и учитывать их в процессе оказания юридической помощи.

4. Доступ к ресурсам: юристам, оказывающим помощь иностранным гражданам, может быть сложно получить доступ к информации, базам данных и правовым ресурсам, которые необходимы для исследования и проведения дела.

5. Лицензирование и правовая квалификация: в некоторых странах могут существовать требования к лицензированию и самостоятельной правовой практике, которые отличаются от требований в стране, гражданином которой является юрист. Это может вызвать юридические ограничения или требования к сотрудничеству с местными юристами.

Затрагивая вопрос оказания юридической помощи юристом, необходимо обратить внимание на более глубокую проблему – оказание юридической помощи с участием переводчика. Переводчик в производстве может столкнуться с различными осложнениями, в частности нижеследующими.

1. Сложности с пониманием и переводом текста: возможны ситуации, когда текст содержит сложные термины, специфическую лексику или нечеткие фразы, что способно затруднить их корректный перевод. В таких случаях переводчику придется приложить дополнительные усилия для того, чтобы правильно интерпретировать и передать смысл текста.

2. Ограниченные сроки выполнения задания: в производственной среде часто требуется выполнение перевода в кратчайшие сроки. Это может создавать давление на переводчика и повышать стресс. Переводчику будет сложно сохранять качество перевода при ограниченном времени.

3. Технические проблемы: в процессе работы переводчик может столкнуться со сложностями в использовании переводческого программного обеспечения и компьютерной техники или другими техническими сбоями, которые способны замедлить работу.

4. Этап проверки и контроля качества: возможна ситуация, когда работа переводчика подвергается проверке и контролю качества со стороны редакторов или клиентов. Если перевод не соответствует требованиям или есть ошибки, то переводчику придется вносить исправления и вести дополнительную коммуникацию с заказчиком.

5. Культурные различия: переводчик в производстве работает с текстами, которые могут содержать элементы, специфичные для определенной культуры или региона. При переводе таких текстов переводчику необходимо учесть культурные нюансы и адаптировать перевод, чтобы он был понятен и приемлем для целевой аудитории.

Важно помнить, что каждая ситуация уникальна, и переводчик должен быть готов к решению различных проблем, которые могут возникнуть в процессе работы.

Так, согласно «Квалификационному справочнику должностей руководителей, специалистов и других служащих»⁴ переводчик должен знать: иностранный язык; методику научно-технического перевода; действующую систему координации переводов; специализацию деятельности предприятия, учреждения, организации; терминологию по тематике переводов на русском и иностранных языках; словари, терминологические стандарты, сборники и справочники; основы научного и литературного редактирования; грамматику и стилистику русского и иностранного языка; основы экономики, организации труда и управления; основы трудового законодательства; правила внутреннего трудового распорядка; правила и нормы охраны труда.

Требования к квалификации:

- переводчик I категории: высшее профессиональное образование и стаж работы в должности переводчика II категории не менее 3 лет;
- переводчик II категории: высшее профессиональное образование и стаж работы в должности переводчика не менее 3 лет;
- переводчик: высшее профессиональное образование без предъявления требований к стажу работы.

Ввиду существующих квалификационных требований и с учетом вышеизложенной проблематики в деятельности для улучшения качества работы переводчика предлагается:

- 1) проводить дополнительные экзамены и вводить постоянные переквалификации, направленные на улучшение знаний самого переводчика, на доработку и более четкое понимание иностранного языка;
- 2) ввести более высокую заработную плату у государственных переводчиков, что окажет стимулирующее воздействие на их работу;
- 3) проводить подбор молодых специалистов, которые быстрее смогут усвоить знания в области иностранного языка.

На основе проведенного исследования предлагается ряд мер по совершенствованию законодательства в сфере порядка привлечения иностранных граждан к административной ответственности

Для решения проблемы реализации наказания в виде административного штрафа, применяемого в отношении иностранных граждан, подверженных выдворению, представляется ряд вариантов реализации административного штрафа, например возложить обязанность выплаты штрафа

⁴ Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (утв. постановлением Минтруда России от 21 августа 1998 г. № 37) (ред. от 27.03.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

на приглашающую сторону или применять общественно полезные работы как альтернативную меру административной ответственности.

Ввиду вышеизложенного представляется целесообразным:

- 1) проводить дополнительные экзамены и вводить постоянные переквалификации переводчика;
- 2) ввести более высокую заработную плату у государственных переводчиков;
- 3) обеспечить подбор молодых специалистов, и т. д.

В целом проблемы применения административной ответственности в отношении иностранных граждан требуют особого внимания и разработки специальных подходов, учитывающих их статус, права и реалии. Необходимо стремиться к балансу между соблюдением законов и уважением прав иностранных граждан, чтобы обеспечить справедливость и эффективность правоприменения.

Необходимо разрабатывать и внедрять международные соглашения и договоры, способствующие установлению единых стандартов административной ответственности; обучать сотрудников правоохранительных органов иностранным языкам и создавать специализированные центры для помощи иностранным гражданам в решении административных вопросов; разрабатывать информационные центры и программы, направленные на информирование иностранцев о законодательстве государства и административной ответственности; устанавливать сотрудничество с другими странами в области обмена информацией об иностранных гражданах – нарушителях и внедрять новые технологии идентификации.

Список источников

1. Озеров И. Н., Карагодин А. В., Ряпухина И. А. и др. Современные проблемы исполнения административного наказания в виде административного штрафа за правонарушения в сфере миграции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 8 (51). С. 108–112.

References

1. Ozerov, I. N., Karagodin, A. V., Ryapukhina, I. A., et. al. Modern problems of execution of administrative punishment in the form of an administrative fine for offenses in the field of migration. *Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* = Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2014;(8):108-112. (In Russ.)

Информация об авторах

А. М. Карасева – студент 2 курса юридического факультета;

Е. А. Березовская – студент 2 курса юридического факультета.

Information about the authors

A. M. Karaseva – 2nd year student of the Faculty of Law;

E. A. Berezovskaya – 2nd year student of the Faculty of Law.

Вклад авторов

Карасева А. М. – сбор материалов; написание основного текста.

Березовская Е. А. – сбор материалов; оформление работы.

Contribution of the authors

Karaseva A. M. – collecting materials; writing the main text.

Berezovskaya E. A. – collection of materials; design of the work.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 15.04.2024.

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 15.04.2024.

Гражданское право / Civil Law

Научная статья

УДК 347

EDN: GRBMAI

Особенности правового регулирования отношений, связанных с заключением лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ

Дарья Олеговна Агафонова

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ agafonovadarya4@yandex.ru

*Научный руководитель: Н. В. Бузова, к.ю.н., доцент кафедры
предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета правосудия*

Аннотация. В статье приведены результаты анализа законодательства и правоприменительной практики, касающейся лицензионного договора о предоставлении права на использование программы для ЭВМ. Рассматриваются отдельные виды лицензий и их характерные особенности, описаны важнейшие принципы правового регулирования лицензионных соглашений на основе изучения зарубежных нормативных актов и судебной практики по данному вопросу. Особое внимание уделено принципу дихотомии идей и их выражений, а также практике их дифференциации. По итогам исследования делается вывод о целесообразности изучения правоприменительной практики по данному вопросу в зарубежных странах.

Ключевые слова: лицензионный договор, право использования программы для ЭВМ, свободная лицензия, лицензия с открытым исходным кодом, дихотомия идей и их выражений

Для цитирования: Агафонова Д. О. Особенности правового регулирования отношений, связанных с заключением лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 37–45.

Original article

Features of Legal Regulation of Relations Related to the Conclusion of a License Agreement Granting the Right to use a Computer Program

Daria O. Agafonova

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ *agafonovadarya4@yandex.ru*

Scientific supervisor: **N. V. Buzova**, Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Business and Corporate Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. This article presents the results of an analysis of legislation and law enforcement practice related to the license agreement granting the right to use a computer program. Certain types of licenses and their characteristic features are considered, the most important principles of legal regulation of license agreements are described based on the study of foreign regulations and judicial practice on this issue. Particular attention is paid to the principle of dichotomy of ideas and their expressions, as well as the practice of their differentiation. Based on the results of the study, it is concluded that it is advisable to study the experience of litigation on this issue in foreign countries.

Keywords: license agreement, right to use the computer software, free license open-source license, dichotomy of ideas and their expressions

For citation: Agafonova, D. O. Features of legal regulation of relations related to the conclusion of a license agreement granting the right to use a computer program. *Femida.Science = Themis. Science*. 2024;(1):37-45. (In Russ.)

Лицензионный договор – это гражданско-правовой договор, по условиям которого одна из сторон является обладателем исключительно права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) и предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах (ст. 1235 ГК РФ¹).

Исходя из определения лицензионного договора, содержащегося в ГК РФ, можно заключить, что ключевой, «образующей» характерной особенностью лицензионного договора является то обстоятельство, что в качестве объекта в нем выступают результаты интеллектуальной деятельности или приравненные к ним средства индивидуализации, закрытый перечень которых перечислен в ст. 1225 ГК РФ.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 1225 ГК РФ одним из видов результатов интеллектуальной деятельности являются программы для электронных вычислительных машин (далее – программы для ЭВМ).

Соответственно, в качестве одной из «условно поименованных» разновидностей лицензионного договора верно будет рассматривать лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ. При этом данная разновидность лицензионного договора представляет особый интерес в связи с учетом тенденций развития современных технологий в последние десятилетия. Однако, на наш взгляд, указанному договорному подвиду уделяется крайне мало внимания в научной литературе, в связи с чем представляется целесообразным обобщить теоретические основы этого договора, а также исследовать опыт отечественного и зарубежного судебного регулирования по данному вопросу.

Говоря о природе лицензионного договора, его следует охарактеризовать как договор поименованный, консенсуальный, преимущественно двусторонний и, как правило, возмездный. В научной литературе существует, однако, мнение, что лицензионный договор может быть как консенсуальным, так и реальным.

Например, И. С. Чупрунов признает возможность существования как реальной, так и консенсуальной модели лицензионных договоров, указывая при этом, что договоры, переносящие право от правообладателя к правопреемнику при наступлении определенного срока или условия, не могут быть квалифицированы в качестве реальных или консенсуальных [1].

Аналогичной точки зрения придерживается В. Н. Белоусов, делая вывод о том, что лицензионный договор может быть как реальным, так и консенсуальным. Предусмотренная законодателем возможность заключения реального или консенсуального лицензионного договора предоставляет контрагентам выбор наиболее подходящей для них модели, а также соответствует принципу диспозитивности гражданского права [2].

Такое представление основывается на формулировании ст. 1235 ГК РФ, в которой используется словосочетание «предоставляет или обязуется предоставить» [3, с. 192]. По нашему мнению, такого формального основания не может быть достаточно для заключения о потенциально реальной природе договора, и в данном вопросе скорее следует согласиться с аргументацией Э. П. Гаврилова, который отмечает, что передача (предоставление) права не является передачей имущества, а следовательно, если договор считается заключенным с того момента, когда приобретателю передается исключительное право, либо с момента, когда право использования предоставляется лицензиату, такая норма не делает этот договор реальным [4].

Кроме того, подобный дихотомичный метод разделения договоров предполагает, что одна из групп обладает отличительным признаком (в случае реальных договоров – это «перенос» момента заключения договора с момента достижения соглашения на момент передачи объекта), а вторая формируется по остаточному принципу в связи с отсутствием данного признака, наделяющего тот или иной вид договоров специальными свойствами. В соответствии с вышеизложенным представляется, что лицензионный догово-

вор следует рассматривать как консенсуальный – признающийся заключенным в момент достижения соглашения между сторонами.

В законодательстве выделяются два основных вида лицензии – простая и исключительная. В первом случае лицензия предоставляет лицензиату право использования программы для ЭВМ с сохранением у лицензиара права предоставлять право использования программы для ЭВМ и другим лицам.

Исключительная лицензия, в свою очередь, предоставляет лицензиату исключительное право на использование программы для ЭВМ – лицензиар в таком случае обязуется в течение срока договора не передавать лицензию на объект договора третьим лицам и, кроме того, самому не использовать объект в тех пределах, в которых объект предоставлен лицензиату. Данное правило, однако, является диспозитивным и может быть пересмотрено в рамках договора. Лицензиар, таким образом, по договору исключительной лицензии предоставляет право использования программы для ЭВМ на исключительной основе, однако сохраняет личные неимущественные права – как, например, право считаться автором программы для ЭВМ.

Следует заметить, что условие о непредоставлении лицензиаром прав на программу для ЭВМ третьим лицам в договоре исключительной лицензии, безусловно, является существенным условием. Это следует из самой сущности договора исключительной лицензии, заключение которого не имело бы никакого смысла для лицензиата, если бы он не обладал правом расторгнуть такой договор в случае нарушения условия «исключительности». Данный вывод следует и из судебной практики, в рамках которой предоставление права использования программы для ЭВМ третьим лицам при наличии действующего договора исключительной лицензии является основанием для признания договора недействительным². Подобное нарушение также предоставляет лицензиату право взыскания убытков и неустойки с нарушителя.

Между тем если договор исключительной лицензии программы для ЭВМ расторгнут сторонами ранее срока, то лицензиар с этого момента восстанавливается в праве заключения договора лицензии с третьими лицами, в том числе с лицензиатами, до этого выступавшими в качестве сублицензиатов с лицом, с которым был заключен договор исключительной лицензии. Убытки и штраф за несанкционированное предоставление лицензии в таком случае взысканию не подлежат³.

Следует учитывать, что права на использование программы для ЭВМ могут быть одновременно в разных объемах переданы по простой и по исключительной лицензии, если передаваемые таким образом права не пересекаются. Такой подвид лицензии называют смешанным.

Помимо традиционно выделяемых видов лицензирования, в последние годы получает распространение и иной вид, именуемый свободной лицен-

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 февраля 2019 г. № С01-1050/2018 по делу № А40-13736/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 марта 2021 г. № С01-280/2021 по делу № А45-32500/2019. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

зией (англ. Free Software License). Данная разновидность договора лицензии, как правило, заключается в упрощенной форме и предоставляет право безвозмездного использования охраняемого объекта интеллектуальной собственности в ограниченных пределах. В настоящее время свободная лицензия урегулирована в законодательных актах США и признается судами Германии, Бельгии, Израиля и др.

Применительно к программам для ЭВМ используется схожее, но не аналогичное понятие – лицензии на компьютерные программы с открытым исходным кодом (англ. open-source license). Такие лицензии предоставляют лицензиату право свободно использовать программное обеспечение, изменять его с возможностью последующего распространения созданных модификаций. Лицензии с открытым исходным кодом имеют два ключевых характерных признака. Во-первых, такие лицензии имеют «разрешительный» характер – они распространяют программное обеспечение на бесплатной основе и с минимальными для лицензиата ограничениями. Во-вторых, такие лицензии распространяются по принципу «copyleft» (производное от «copyright») – с предоставлением права использовать объект исключительного права без получения разрешения владельца, однако с условием, что все производные от оригинального произведения также будут распространяться на свободной основе.

Подобная разновидность лицензии была придумана с целью свободно распространения программного обеспечения и его развития в дальнейшем без права последующего ограничения распространения производных произведений, независимо от того, насколько сильно было видоизменено оригинальное произведение. В качестве примеров наиболее распространенных лицензий с открытым исходным кодом можно упомянуть Apache License, Mozilla Public License, MIT License, GNU General Public License и др.

При этом обычно используются типы лицензий, сертифицированные (одобренные) одной из авторитетных в сообществе разработчиков программного обеспечения с открытым исходным кодом организаций (Open Source Initiative, Free Software Foundation, Apache Software Foundation и др.). Тексты таких лицензий доступны на веб-сайтах этих организаций, а аббревиатуры (GPL, MPL, MIT, BSD и др.) являются общепризнанными в соответствующей сфере [5, с. 269].

С точки зрения гражданско-правовой «структуры» лицензии с открытым исходным кодом отличаются тем обстоятельством, что лицензиар в данном случае фактически отказывается от получения со стороны лицензиата гарантии (англ. warranty) использовать программное обеспечение исключительно по разрешению лицензиара в строго определенных договором пределах, что, в свою очередь, лишает лицензиара и потенциального права требовать возмещения убытков. Договор, таким образом, приобретает безвозмездный характер. За лицензиаром при этом сохраняется право указания на его авторство, в чем и состоит его выгода и чего, как правило, авторы и требуют при заключении договора лицензии с открытым исходным кодом.

Впервые институт лицензии с открытым исходным кодом был использован американским программистом Ричардом Столлманом после внесения

в Закон об авторском праве США 1976 г.⁴ изменений, связанных с признанием программ для ЭВМ в качестве объектов интеллектуального права [6, р. 123].

Данный институт, таким образом, имеет происхождение из англосаксонского права. Однако в настоящее время со спорами, связанными с использованием лицензии с открытым исходным кодом, часто сталкиваются суды как США, так и Великобритании и Европейского союза.

Программное обеспечение с открытым исходным кодом – это компьютерная программа, исходный код которой доступен для использования, модификации и распространения на основе лицензионного соглашения с минимальными ограничениями. В соответствии со ст. 1286.1 ГК РФ такие лицензии рассматриваются как открытые, лицензионный договор при этом заключается в упрощенном порядке. Наличие данного положения в ГК РФ свидетельствует о том, что open-source лицензии не противоречат отечественному правопорядку [7, с. 159].

Важнейшим аспектом для лицензионных договоров на программы для ЭВМ в зарубежных странах является использование принципа разделения программного обеспечения на идеи и их выражения (англ. Idea-Expression Dichotomy Conception). Данный принцип, в частности, нашел свое отражение в ст. 1 Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза 2009/24/ЕС от 23 апреля 2009 г. «О правовой охране компьютерах программ» (далее – Директива Европейского парламента): «Охрана в соответствии с настоящей Директивой предоставляется выражению компьютерной программы в любой форме. Идеи и принципы, лежащие в основе любого элемента компьютерной программы, в том числе в основе ее интерфейсов, не охраняются авторским правом»⁵.

Данная концепция тем не менее не так проста для понимания, так как достаточно сложной представляется задача проведения различия между программами-«идеями» и их выражениями. В качестве примера дела, иллюстрирующего различия между данными понятиями, может быть использовано дело «SAS Institute Inc. Vs World Programming Ltd», рассмотренное Европейским Судом в 2012 г.

В данном деле истцом выступил Институт SAS, являвшийся разработчиком программного обеспечения, позволяющего выполнять широкий спектр задач по обработке и статистическому анализу данных. Институт SAS обратился с иском о нарушении авторских прав к обществу World Programming Ltd, разработавшему альтернативную систему анализа данных, максимально имитирующую компоненты системы SAS и стремящуюся гарантировать выдачу тех же исходных данных при тех же вводных, что и в системе SAS.

Суды нижестоящих инстанций отказали в удовлетворении иска, основываясь на том обстоятельстве, что в ходе разбирательства не было уста-

⁴ U.S. Copyright Act of 1976, 17. U.S.C. § 101 et seq. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16604> (дата обращения: 12.03.2024).

⁵ Доступ из СПС «Гарант».

новлено, что ответчик имел доступ к исходному коду компонентов системы SAS.

На основе данного обстоятельства суды постановили, что изучение ответчиком того, как функционирует исходная программа для ЭВМ, с целью последующего написания собственной программы, копирующей функции исходной, не является нарушением исключительных прав автора исходного программного обеспечения. Европейский Суд при этом указал, что предоставление защиты истцу в данном случае являлось бы предоставлением защиты идее программы, а не ее выражению, что противоречило бы положениям Директивы Европейского парламента. Из этого следует, что создание программы для ЭВМ на основе изучения функционала иной программы является копированием идеи программы для ЭВМ, которая, в свою очередь, не подлежит судебной защите⁶.

Более сложным разрешение данного вопроса представляется в деле Oracle America, Inc. Vs Google Inc., в рамках которого Google при написании собственных программ использовал определенные элементы программного интерфейса из продуктов компании Oracle, в связи с чем та обратилась с судебным иском. В ходе судебного разбирательства воспроизведение элементов чужого программного интерфейса компанией Google было признано добросовестным использованием. Представляется тяжелой задача компиляции всех выводов, сделанных судами в рамках рассматриваемого спора, длившегося более 11 лет, однако, на наш взгляд, в этом деле выделен один из важнейших критериев, позволяющих дифференцировать копирование идеи программ и их выражения, – это наличие «творческого прогресса», который, по замечанию судьи, является базовой конституционной целью авторского права⁷.

Следует отметить, что данная концепция не применяется российскими судами, так как исторически в странах романо-германской правовой семьи вместо нее применяется концепция «формы и содержания» произведения. Содержанием при этом признаются идеи и принципы, заложенные в основу произведения, а формой – то, каким образом выражены соответствующие идеи произведения.

Тем не менее, по нашему мнению, на практике данные концепции позволяют прийти к общим выводам. Так, упомянутое ранее требование наличия «творческого прогресса» в произведении отражено и в российском законодательстве, которым установлено, что произведение должно быть создано в результате творческой деятельности (ст. 1257 ГК РФ) и выражено в объективной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Верховный Суд Российской Федерации при этом разъясняет, что «само по себе отсутствие новизны, уникальности и оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан

⁶ SAS Institute Inc. против World Programming Ltd, ECLI:EU:C:2012:259. URL: <https://clck.ru/38P8oQ> (дата обращения: 28.01.2024).

⁷ Google LLC v. Oracle America, Inc. URL: http://www.supremecourt.gov/opinions/20pdf/18-956_d18f.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права»⁸.

Представляется, что вышеизложенные выводы европейских, американских и российских судов имеют общее основание, исходят из аналогичных концепций и в целом являются крайне близкими по своему содержанию, что, в свою очередь, свидетельствует о высокой степени гармонизации авторского права в различных правовых системах. Вместе с тем, на наш взгляд, применение этих выводов на практике в отношении споров о лицензиях на программы для ЭВМ представляется крайне сложным и требующим серьезной юридической и логической проработки, в связи с чем использование опыта зарубежных судов в исследовании данных вопросов является в высокой степени целесообразным для российского правового поля, в рамках которого имеется значительно меньше оснований для возникновения столь сложных и аналогичных по содержанию судебных споров.

Список источников

1. Чупрунов И. С. Договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор как формы распоряжения исключительным правом // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 116–127.
2. Белоусов В. Н. Лицензионный договор в гражданском праве России // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 6–9.
3. Сарычева Ю. С., Фирсова Н. В. Правовая характеристика лицензионного договора о предоставлении права использования программ для ЭВМ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 9-2. С. 191–194.
4. Гаврилов Э. П. Консенсуальные и реальные договоры в части четвертой ГК РФ // Хозяйство и право. 2019. № 2. С. 57–63.
5. Церковников М. А., Карапетов А. Г. и др. Договорное право (общая часть): постоянный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации : электрон. изд. / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1425 с.
6. Stallman R. M., Williams S. Free as in Freedom (2.0): Richard Stallman and the Free Software Revolution. Boston : Free Software Foundation, 2010. 229 p.
7. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века : моногр. М. : Юстицинформ, 2020. 224 с.

References

1. Chuprunov, I. S. Contract for the alienation of exclusive rights and license agreement as forms of disposal of exclusive right. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Riview*. 2008;(1):116-127. (In Russ.)
2. Belousov, V. N. License agreement in Russian civil law. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2019;(9):6-9. (In Russ.)

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Sarycheva, Y. S., Firsova, N. V. Legal characteristic of the license agreement on granting the right to use the computer software. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;(9-2):191-194. (In Russ.)
4. Gavrilov, E. P. Consensual and real contracts in Part Four of the Civil Code of the Russian Federation. *Hozyajstvo i pravo = Economy and Law*. 2019;(2):57-63. (In Russ.)
5. Tserkovnikov, M. A., Karapetov, A. G., et al. *Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation*. E-edition. Ed. A. G. Karapetov. Moscow: M-Logos; 2020. 1425 p. (In Russ.)
6. Stallman, R. M., Williams, S. *Free as in Freedom (2.0): Richard Stallman and the Free Software Revolution*. Boston: Free Software Foundation; 2010. 229 p.
7. Churilov, A. *Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the XXI century*. Monograph. Moscow: Yustitsinform; 2020. 224 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. О. Агафонова – студент 2 курса магистратуры юридического факультета.

Information about the author

D. O. Agafonova – 2nd year graduate student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 13.03.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 13.03.2024.

Научная статья

УДК 347.23

EDN: MYZMDW

Правовая охрана программ для ЭВМ в предпринимательской деятельности посредством патентования

Алексей Дмитриевич Белов

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ alexwhitebelow@yandex.ru

*Научный руководитель: Н. В. Бузова, к.ю.н., доцент кафедры
предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета правосудия*

Аннотация. В статье поднимается вопрос о возможности охраны программ для ЭВМ посредством патентования. Рассматривается целесообразность применения патентной охраны к компьютерной программе как с теоретической точки зрения, так и с точки зрения российского законодательства. Проводится сравнительный анализ патентного режима охраны с авторско-правовым, и выделяются преимущества охраны первого наряду с более простыми требованиями второго. Раскрывается содержание технического решения, в котором должна быть выражена программа для ЭВМ для применения патентного режима. Приводятся примеры охраны программного обеспечения посредством патентования. Обосновывается необходимость законодательно закрепить понятие программы для ЭВМ и условия, при которых компьютерная программа становится патентоспособной, раскрыв понятия технического решения и функциональной составляющей.

Ключевые слова: авторское право, патентная охрана, программа для ЭВМ, патентование, патентоспособность, техническое решение

Для цитирования: Белов А. Д. Правовая охрана программ для ЭВМ в предпринимательской деятельности посредством патентования // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 46–58.

Original article

Legal Protection of Computer Programs in Business Activities Through Patenting

Alexey D. Belov

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ alexwhitebelow@yandex.ru

*Scientific supervisor: N. V. Buzova, Candidate of Science (Law), Associate
Professor of the Business and Corporate Law Department of the Russian State
University of Justice*

Abstract. The article raises the question of the possibility of protecting computer programs through patenting. The expediency of applying patent protection to a computer program is considered both from a theoretical point of view and from the point of view of Russian legislation. A comparative analysis of the patent protection regime with copyright law is carried out, and the advantages of protecting the first along with the simpler requirements of the second are highlighted. The content of the technical solution is disclosed, in which the computer program for the application of patent regimes should be expressed. Examples of software protection through patenting are given. It is proposed to consolidate the concept of a computer program and the conditions under which a computer program becomes patentable, revealing the concept of a technical solution and a functional component.

Keywords: copyright, patent protection, computer program, patenting, patentability, technical solution

For citation: Belov, A. D. Legal protection of computer programs in business activities through patenting. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):46-58. (In Russ.)

Программы для электронных вычислительных машин (далее – программы для ЭВМ) являются важным компонентом цифровизации, реализуемой в последние годы в Российской Федерации. Разработчики программного обеспечения во всем мире стремятся применить для создаваемых ими результатов интеллектуальной деятельности наибольшее количество правовых режимов с целью эффективной защиты интеллектуальных прав на их разработки. Далее будут приведены результаты анализа российского и зарубежного законодательства в сфере интеллектуальной собственности, а также правоприменительной практики, касающейся охраны программ для ЭВМ в качестве объекта авторского права и патентного права.

Возможность патентной охраны программ для ЭВМ

В настоящее время принято выделять несколько режимов правовой охраны программ для ЭВМ. Одним из наиболее спорных уже долгое время принято считать режим патентной охраны. Первопричиной данной тенденции следует считать законодательное отнесение на международном и национальном уровнях программного обеспечения к объектам авторского права, охраняемого по аналогии с литературным произведением. При авторско-правовом режиме под охрану подпадает форма выражения программы (исходный текст), тогда как наибольшее значение представляет именно ее содержание [1] – функционал программы, ее структура (последовательность элементов и алгоритмов [2, с. 97]) и функциональные технические элементы [1].

Нередки случаи, когда при такой правовой охране разработчики ранее созданного программного обеспечения создают на его основе новую программу, отличную от оригинала программным кодом, но схожую функционалом, что по сути является той же программой.

Указанный пример свидетельствует о том, что охрана объективной формы программы для ЭВМ не способствует монополии разработчика, а, наоборот, побуждает иных лиц создавать идентичные по своим свойствам компьютерные программы [3, с. 295], что является своеобразным стимулом для патентования программного обеспечения.

В этой связи представляет интерес дело Oracle America, Inc. v. Google, Inc.¹ В данном деле компания Google при создании программного обеспечения Android задействовала 37 программ, ранее применявшихся в компьютерной программе Java, созданной компанией Oracle. Указанные 37 программ были скопированы в части результата действия их кода и переведены на язык программирования Android, однако их организация совпадала с организацией в Java.

Вместе с тем в рассматриваемом деле суд применил расширительное толкование защиты авторского права, указав на возможность охраны некоторых функциональных элементов. Фактически на уровне федеральных судов в США стала возможной охрана структуры, последовательности и организации программы, а также программного интерфейса посредством авторского права.

Однако данная ситуация является исключением, поскольку в подавляющем большинстве случаев практика идет по пути отсутствия нарушения исключительного права при наличии разных программ, приводящих к одному результату.

Важно отметить, что сама идея патентования программ для ЭВМ находит своих сторонников и в научном сообществе [4; 5; 6]. Ученые указывают на ряд «технологических» признаков, благодаря которым компьютерные программы имеют много общего с объектами промышленной собственности. В первую очередь выделяют технологическую эффективность, присущую изобретениям и программам, созданным для повышения эффективности работы компьютеров [7, с. 28–29]. Во вторую очередь выделяют особенность процесса создания программного обеспечения, более схожего с процессом создания изобретения, чем с процессом создания литературного произведения, что обусловлено лежащими в основе разработки утилитарными соображениями [8]. Так, А. Ю. Чурилов указывает, что компьютерная программа является технологической разработкой, которая не носит творческого характера и выполняет заложенный в нее алгоритм, который, в отличие от литературного произведения, зачастую, приводит к материальному результату [2, с. 96].

А. В. Кашанин называет образовавшуюся практику отнесения результата к поименованному виду охраноспособных произведений «методом попадания в тип», отмечая снижение стандартов правовой охраны объектов авторского права [9]. При этом Р. А. Ахобекова отмечает отсутствие какой-либо проработанной доктрины определения охраноспособного объекта авторского права в программном способе их идентификации [10].

Основываясь на вышеизложенном, представляется обоснованным подход юристов, считающих программу для ЭВМ в первую очередь технологией для функционирования компьютера [11, с. 7] – инструментом решения задачи, что придает обоснованность и естественность патентному способу охраны программного обеспечения.

¹ Oracle America, Inc. v. Google, Inc. 750 F.3d 1339 (Fed. Cir. 2014). URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/20pdf/18-956_d18f.pdf.

Вместе с тем в большинстве стран мира законодательство не допускает патентование программ для ЭВМ, обосновывая это тем, что компьютерная программа как таковая не соответствует условиям патентоспособности в качестве изобретения.

Согласно четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации² (ГК РФ) изобретением является техническое решение, которое может относиться как к продукту или способу, так и к применению продукта или способа по определенному назначению. В этой связи компьютерные программы чаще всего рассматривают в качестве технического решения, относящегося к способу.

Говоря об изобретениях, законодатель выделяет следующие критерии патентоспособности в ст. 1350 ГК РФ и Европейской патентной конвенции³: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. В Патентном законе США критерии немного иные: новизна, неочевидность и полезность⁴.

Сам по себе критерий новизны достаточно очевиден, поскольку целесообразно патентовать новую часть программного обеспечения – программный код, создающий новый функционал. Однако с учетом высокой скорости развития информационных технологий соблюдение критерия новизны изобретения, выражающегося в отсутствии объективно существующей и доступной информации о нем, представляется достаточно затруднительным.

Соблюдения критерия изобретательского уровня при регистрации программы для ЭВМ в качестве изобретения также будет достаточно проблематично, поскольку он должен явным образом не следовать из уровня техники согласно ст. 1350 ГК РФ. Сущность данного критерия заключается в том, чтобы решить проблему отграничения нового технического решения, имеющего творческий характер, от прочих решений и при этом выявить своеобразную дистанцию между изобретательским предложением и существующим на данный момент времени уровнем техники [12, с. 37–45].

Представляется, что применительно к компьютерным программам соблюдение данного критерия является затруднительным из-за того, что для создания компьютерных программ используются общепризнанные стандарты разработки программного обеспечения [13] и общеизвестные языки программирования. То есть для специалистов в сфере программирования компьютерная программа будет являться очевидной с точки зрения изобретательского уровня программного кода [14].

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

³ European Patent Convention (17th edition / November 2020). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/textdetails/12497>.

⁴ § 101–103 of U.S. Patent Act (found in Title 35 of the United States Code). 51. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2011-title35/html/USCODE-2011-title35-partII-chap10-sec101.htm#:~:text=Whoever%20invents%20or%20discovers%20any,and%20requirements%20of%20this%20title>.

Ярким примером является зарегистрированная в 1999 г. в США заявка на патент компании Amazon, представляющая собой способ приобретения товаров в онлайн-магазине посредством программы одним щелчком мыши (Oneclick). Сам способ уменьшения количества действий для покупки был признан не отвечающим уровню изобретательности для получения патента, а потому заявка была отклонена⁵.

Достаточно неоднозначной является ситуация с критерием промышленной применимости, подразумевающим возможность патентуемого объекта быть использованным в социальной и экономической сферах. Изобретение должно приводить к какому-нибудь материально-техническому результату, являясь техническим решением, относящимся к продукту или способу.

Одни ученые считают, что программа для ЭВМ отвечает критерию промышленной применимости в условиях массового применения программно-го обеспечения во всех сферах общества [15]. Другие, ставя во главу угла материально-технический результат, говорят об отсутствии критерия промышленной применимости у компьютерных программ, поскольку они, в большинстве своем, используются для получения этого результата в составе технических устройств [14, с. 38].

Вместе с тем на международном уровне не сложилось единого подхода к патентованию программ для ЭВМ. Чаще всего выделяют три группы государств с разным законодательным регулированием данного вопроса⁶.

В первой группе стран программы для ЭВМ не являются объектами патентования как таковые. Патентная правовая охрана распространяется на них только как на составной элемент изобретения (software-related inventions). К числу стран данной группы относится большинство стран Европы, включая Францию, Великобританию и Германию.

Во второй группе стран отсутствует конкретика относительно возможности патентования компьютерной программы. Это привело к неоднозначной судебной практике и последующему урегулированию вопроса в подзаконных актах. Среди стран данной группы можно выделить Австралию, Швейцарию, США и др.

Принципиальный интерес в этой связи представляют судебные дела Computer Assocs. Int'l, Inc. v. Altai и Lotus Dev. Corp. v. Borland Int'l, Inc.⁷ В них суды провели разделение между программным кодом, охраняемым авторским правом, и структурными элементами, которые направлены на

⁵ Decision of the Technical Board of Appeal 3.5.01 of 27 January 2011. Case Number: T 100 1244/07-3.5.01. URL: https://www.epo.org/en/legal/case-law/2022/clr_decisions_t.html.

⁶ Гибкие возможности в патентной сфере, предусмотренные в многосторонней нормативной базе, и их реализация в законодательстве на национальном и региональном уровне. Ч. III / Комитет по развитию и интеллектуальной собственности. Тринадцатая сессия. Женева, 19–23 мая 2014 г. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/ru/cdip_13/cdip_13_10_rev-main1.pdf (дата обращения: 01.01.2024).

⁷ Computer Assocs. Int'l, Inc. v. Altai, 982 F.2d 693 (2d Cir. 1992); Lotus Dev. Corp. v. Borland Int'l, Inc., 49 F.3d 807 (1st Cir. 1995). URL: <https://casetext.com/case/computer-associates-intern-inc-v-altai-inc-9>.

достижение функционального результата. Последние они отнесли к объектам патентного права. Также в деле *Computer Associates International, Inc. v. Altai Inc.* был применен тест на схожесть программ, для выявления заимствований, который состоял из трех последовательных шагов: Абстракция – Фильтрация – Сравнение [16].

В третью группу входят страны, в которых прямо разрешена охрана программ для ЭВМ посредством патентования. Ярким представителем данной группы является Япония, признавшая компьютерную программу изобретением, определяемым как «воплощение передовых технических идей, использующее законы природы»⁸. Однако и требования, предъявляемые к программному обеспечению в качестве изобретения, в Японии достаточно высоки, что осложняется особенностью составления формулы и описания компьютерной программы и необходимостью верной классификации такого изобретения и др. [17; 18].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод об отсутствии единогласия в части возможности патентования программного обеспечения. Однако патентная правовая охрана однозначно возможна, если ее объектом будет не программа для ЭВМ, а изобретение – техническое устройство, которое использует для своей работы компьютерную программу.

Патентование программ для ЭВМ в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки

Основой правового регулирования программ для ЭВМ в Российской Федерации является Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву⁹. Согласно ст. 4 указанного договора компьютерные программы, как и в большинстве стран мира, охраняются авторским правом, по аналогии с литературными и художественными произведениями по смыслу ст. 2 Бернской конвенции¹⁰, и не являются патентоспособным объектом.

Об этом нам также говорит Гражданский кодекс Российской Федерации. В п. 5 ст. 1350 ГК РФ указано, что программа для ЭВМ не является изобретением. Раскрывая этот пункт, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении отметил, что в отношении программы для ЭВМ проверка на соответствие условиям патентоспособности не проводится¹¹.

Однако в той же статье конкретизируется, что программа для ЭВМ не является изобретением, если заявка на выдачу патента на изобретение ка-

⁸ Patent Act (Act No. 121 of April 13, 1959, as amended up to October 1, 2020). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21416>.

⁹ WIPO Copyright Treaty (Geneva, 1996). URL: <https://www.wipo.int/treaties/en/ip/wct/>.

¹⁰ Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (as amended on September 28, 1979). URL: <https://www.wipo.int/treaties/en/ip/berne/>.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.

сается программы как таковой. Под программой для ЭВМ «как таковой» принято понимать программу – абстрактную идею, которая не связана с производимым при ее работе техническим результатом [19]. Однако данное определение не получило должного закрепления в законодательстве.

Соответственно, взаимосвязь технического устройства и программы, обеспечивающей его функционирование, можно рассматривать в качестве объекта патентования, если, разумеется, он соответствует требованиям охраноспособности изобретения, полезной модели или промышленного образца.

Важно отметить, что требование о наличии технического решения, предъявляемое к патентоспособному изобретению, также предъявляется и к самой программе для ЭВМ, если мы говорим о ее патентовании. Однако единого подхода в определении наличия технического решения в программе для ЭВМ ни в мировой практике, ни в практике Российской Федерации не сформировалось.

Это во многом обусловлено и тем, что само понятие «техническое решение» в законодательстве не содержится, что ведет к расширительному толкованию и ситуации неопределенности в данном вопросе. Судебная практика и позиции патентных ведомств в мире также неоднозначны в вопросе определения технического характера программы для ЭВМ и исходят из индивидуального анализа патентной формулы каждого конкретного изобретения¹².

В общих же чертах технический характер программ для ЭВМ характеризуется возможностью решить определенную техническую задачу посредством использования конкретных технических средств.

При получении российского патента программа для ЭВМ чаще всего включается в формулу изобретения [20]. Подобная практика патентования программного обеспечения сложилась благодаря отсутствию в законе прямого запрета на получение патента для алгоритма, реализуемого программой для ЭВМ [21].

Изложение в патентной заявке алгоритма программы для ЭВМ производится в качестве способа, при использовании которого получается соответствующий технический результат. В нашем случае программа для ЭВМ излагается путем пошагового описания процесса работы заложенного в нее алгоритма.

Учитывая природу алгоритма, представляющего последовательность действий для решения определенных задач, патентование изобретения с программной составляющей в качестве способа является наиболее обоснованным и оптимальным.

Примером являются патенты на способы обнаружения вредоносных файлов, именуемые в обиходе антивирусными программами, принадлежащие АО «Лаборатория Касперского». Среди них можно выделить патент № RU 2617631 С2 «Способ обнаружения работы вредоносной программы, запущенной с клиента, на сервере». Также данным правообладателем был зарегистрирован патент № 2535504 «Система и способ лечения содержимого сайта».

¹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Множество патентов, связанных с программным обеспечением, есть и у ООО «Яндекс», что соответствует их деятельности. К примеру, патенты № RU 2580424 С1 «Способ выявления незначущих лексических единиц в тексте сообщения электронной почты», № RU 2681963 С1 «Система и способ для определения наличия парковки» и № 2586249 «Способ обработки поискового запроса и сервер» и др.

В качестве примера также можно выделить патент № 2251737 «Способ автоматического определения языка распознаваемого текста при многоязычном распознавании», принадлежащий Аби Софтвэр Лтд.

В случае, когда необходимо получить патент на конкретное техническое устройство, управляемое программой для ЭВМ, патентуется само устройство, а описанный в формуле порядок работы устройства будет отражать заложенное программное обеспечение. Примером являются патенты ООО «Яндекс» № RU 2726842 С1 «Умная колонка с возможностью звукового воспроизведения аудиоконтента и функцией управления воспроизводимым аудиоконтентом» и ООО «Яндекс Беспилотные Технологии» № RU 2742323 С2 «Способ и компьютерное устройство для определения углового смещения радиолокационной системы».

Важно отметить, что патентная охрана программы для ЭВМ также производится путем охраны устройства, функционирующего посредством нее, в качестве полезной модели, о чем свидетельствуют исследования российских патентов, связанных с программным обеспечением.

Анализ российской и зарубежной практики показывает, что отечественные разработчики используют аналогичные с зарубежными практиками способы получения патентной охраны для программных продуктов.

Зарубежный опыт показал, что наиболее распространенным объектом патентования при охране содержания и функциональных элементов программ для ЭВМ является изобретение (в частности, способ). Общим требованием для патентоспособности программного обеспечения также остается техническая составляющая, выражаемая в связи с устройством или же в результате.

В частности, в США компьютерной программе, проходящей процедуру патентования, необходимо соответствовать следующим требованиям: недопущение абстрактности программного алгоритма и взаимосвязь с техническим оборудованием для решения конкретных задач.

Однако в последнее время можно отметить изменение практики патентования программ для ЭВМ в сторону ужесточения. В этой связи определенную наглядность приносят два дела – *Bilski v. Kappos* 2010 г.¹³ и *Alice Corp. Pty. Ltd. v. CLS Bank International* 2014 г.¹⁴

Среди зарубежных патентов программного обеспечения можно выделить следующие: № 9390456 «Summary view of a profile» (Краткий вид про-

¹³ *Bilski v. Kappos*, 561 U.S. 593 (2010). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/868>.

¹⁴ *Alice Corp. Pty. Ltd. v. CLS Bank International*, 573 U.S. 208 (2014). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/871>.

филя пользователя) от GOOGLE INC., № 9389756 «Displaying a selectable item over a blurred user interface» (Способ демонстрации на дисплее выбранного элемента на фоне размытого интерфейса пользователя) от Apple Inc., № 9374428 «Distance-dependent or user-dependent data exchange between wireless communication devices» (Обмен данными между беспроводными устройствами в зависимости от расстояния или пользователей) от Facebook, Inc., № 9384732 «Voice command definitions used in launching application with a command» (Определение голосовых команд, используемых для запуска приложений с помощью команд) от Microsoft Technology Licensing, LLC.

В результате анализа всех преимуществ правовой охраны программ для ЭВМ посредством патентования не возникает вопросов относительно целесообразности именно такого способа защиты. Благодаря патенту охраняется функциональное содержание программы, что, к примеру, обеспечивает защиту от кражи посредством обратной разработки. Патентная охрана программного обеспечения является наиболее длительной из всех доступных. Немаловажным в данной связи является и потребительское восприятие, относящее запатентованные компьютерные программы к более качественному и инновационному продукту. Как итог вышеперечисленному, запатентованная программа для ЭВМ способствует увеличению рыночной стоимости компании.

Вместе с тем следует помнить и о недостатках патентования ИТ-решений. В первую очередь, отмечается, что ввиду стремительного развития сферы информационных технологий программное обеспечение устаревает намного быстрее, чем истекает срок действия патента. Даже в случае возможности патентования программного обеспечения далеко не каждое из них смогло бы полностью соответствовать критериям патентоспособности (в частности, новизне и изобретательскому уровню). Патентование подразумевает необходимость раскрытия информации о патентуемом объекте, что представляется нежелательным в силу специфики высококонкурентной сферы компьютерных технологий.

Немаловажной является проблема дальнейшего развития патентования программного обеспечения с учетом того, что данный вид правовой охраны пользуется наибольшим спросом среди крупных разработчиков. В США это привело к фактическому захвату рынка запатентованных компьютерных программ несколькими крупными ИТ-компаниями, что создало существенные затруднения в разработке и последующей охране программ для ЭВМ у более мелких организаций или независимых разработчиков.

Однако неурегулированность вопроса патентования компьютерных программ на законодательном уровне, отсутствие четкой позиции относительно случаев, когда программа может быть патентоспособна, а когда нет, также имеет пагубное влияние.

Предложения по законодательным изменениям в части патентования программ для ЭВМ в Российской Федерации

Согласно ч. 5 ст. 1350 и ч. 5 ст. 1351 ГК РФ программа для ЭВМ не является изобретением / полезной моделью в случае, когда заявка на выдачу

патента на изобретение / полезную модель касается ее как таковой. При этом отсутствует четкое определение компьютерной программы как таковой.

Как уже было отмечено ранее, из практики пошел подход правоприменителей, согласно которому патентование компьютерной программы возможно в составе технического устройства. При этом в законодательстве также отсутствует четкое указание на это.

Наряду с техническим характером сама программа для ЭВМ становится патентоспособной за счет функциональной составляющей. Как указано выше, под функциональной составляющей компьютерной программы принято понимать ее алгоритм, а также программный интерфейс. В этой связи важно отметить, что на текущий момент алгоритм и интерфейс программы для ЭВМ признаются патентоспособными при соблюдении ряда условий.

Алгоритм как таковой является математическим методом и наравне с компьютерной программой не может быть изобретением. Однако если алгоритм будет осуществлять действия над материальными объектами с помощью материальных средств, а также будет представлен не программным языком, а этапами реализующих его мер, программа для ЭВМ сможет быть патентоспособной.

Интерфейс представляет собой совокупность средств и методов, посредством которых происходит взаимодействие между человеком и различного уровня сложности устройствами. Патентование интерфейса происходит в качестве промышленного образца, при соответствии его условиям новизны и оригинальности.

С учетом вышеизложенного можно увидеть четко сложившуюся методику патентования программ для ЭВМ. Однако данная методика не получила должного закрепления в ГК РФ.

Представляется необходимым закрепить в ст. 1350 и 1351 ГК РФ понятие программы для ЭВМ и условия, при которых компьютерная программа становится патентоспособной, раскрыв понятия технического решения и функциональной составляющей.

В заключение еще раз следует отметить, что охрана программ для ЭВМ посредством патентования является достаточно надежной в сравнении с охраной авторско-правовым способом. Главным образом это связано с тем, что патентная охрана защищает не только форму компьютерной программы, как это делает авторско-правовая охрана, но и ее содержание.

Вместе с тем невозможно произвести патентование программного обеспечения как такового. Патентуемый объект должен содержать техническое решение. Это выражается в необходимости привязывать компьютерную программу к конкретному техническому устройству, чтобы получившийся объект стал патентоспособным. Однако данный способ не получил должного закрепления в законодательстве, что порождает неоднозначность патентования программ для ЭВМ в практической и теоретической сферах. Внесение отдельных изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации, как представляется, позволит избежать неоднозначного толкования невозможности патентования программ для ЭВМ в

научных кругах, добиться единообразия в судебной практике и практике патентных ведомств, а также достичь единого правопонимания относительно способов защиты компьютерных программ среди практикующих субъектов.

Список источников

1. Добрякова Н. И., Бахметьева А. В. Правовая охрана компьютерных программ в законодательстве России и США // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2014. № 1 (9). С. 76–82.
2. Чурилов А. Проблемы охраны программ для ЭВМ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 94–101.
3. Ревинский О. В. Право промышленной собственности : курс лекций. М. : Юрсервиту, 2017. 425 с.
4. Гельб А. Б. К проблеме целесообразности и возможности патентования алгоритмов и программ ЭВМ. Таллин : [Б. и.], 1973. 64 с.
5. Мамиофа И. Э. О возможности охраны алгоритмов по нормам изобретательского права // Теория и практика патентной работы / под ред. О. М. Киселева. Л. : [Б. и.], 1972. С. 76–83.
6. Беликова К. Охрана конкуренции и защита прав интеллектуальной собственности: доктрина исчерпания прав // Конкуренция и право. 2013. № 3. С. 39–44.
7. Титов А. Компьютерная программа: произведение или технология? // Интеллектуальная собственность. 1999. № 3. С. 27–34.
8. Савельев А. И. Актуальные вопросы судебной практики в сфере оборота программного обеспечения в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 4. С. 4–36.
9. Кашанин А. В. Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике // Законы России: опыт, анализ и практика. 2016. № 7. С. 74–83.
10. Ахобекова Р. А. Перспективы использования судебного опыта США в решении вопроса о предмете правовой охраны программ для ЭВМ // Закон. 2021. № 5. С. 171–183.
11. Анисимов Г. Н., Бакастов В. Н., Волковицкий В. Е. и др. О правовой охране алгоритмов и программ для ЭВМ // Вопросы изобретательства. 1976. № 8. С. 7–10.
12. Городов О. А. Право промышленной собственности : учебник. М. : Статут, 2011. 940 с.
13. Кашанин А. В. Критерий творчества как условие охраноспособности программ для ЭВМ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 1 (8). С. 85–87.
14. Чурилов А. Режимы охраны программ для ЭВМ: изобретение, коммерческая тайна или литературное произведение? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 7. С. 35–44.
15. Пирогова В. В. Правовая охрана программ для ЭВМ (Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности. Ст.ст. 9–14 ТРИПС). (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2012.) (СПС «КонсультантПлюс».)
16. Чурилов А. Особенности правовых режимов охраны программного обеспечения // Хозяйство и право. 2017. № 8 (487). С. 35–43.

17. Collado R. E. Software patent eligibility and the learnings from the Japanese experience in addressing challenges and issues on software patenting. URL: https://www.jpo.go.jp/e/news/kokusai/developing/training/thesis/document/index/2017_04.pdf.
18. Aoki K. Trends and advice for foreign applicants // *Managing Intellectual Property*. 2009. No. 2. P. 131–134. URL: <https://www.managingip.com/article/2a5crqd0j1rzw2x-lo9og/trends-and-advice-for-foreign-applicants> (доступ по подписке).
19. Чурилов А. Проблемы определения технического характера изобретения, в состав которого входит программа для ЭВМ // *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*. 2021. № 3. С. 48–52.
20. Зотова В. С. Правовая охрана программы для ЭВМ как объекта авторского права // *Патенты и лицензии*. 2014. № 11. С. 3–5.
21. Джермакян В. Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (постатейный). (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2009.) (СПС «КонсультантПлюс».)

References

1. Dobryakova, N. I., Baxmeteva, A. V. Legal protection of computer programs in the legislation of Russia and the USA. *Chelovecheskij kapital i professional'noe obrazovanie = Human Capital and Professional Education*. 2014;(1):76-82. (In Russ.)
2. Churilov, A. Problems of computer programs protection. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020;(1):94-101. (In Russ.)
3. Revinskij, O. V. *Industrial property law*. Course of lectures. Moscow: Yurservitum; 2017. 425 p. (In Russ.)
4. Gelb, A. B. *On the problem of expediency and possibility of patenting algorithms and computer programs*. Tallin: [S. n.]; 1973. 64 p. (In Russ.)
5. Mamiofa, I. E. On the possibility of protecting algorithms according to the norms of inventive law. In: O. M. Kiselev, ed. *Theory and practice of patent work*. Leningrad: [S. n.]; 1972. Pp. 76–83. (In Russ.)
6. Belikova, K. Protection of competition and protection of intellectual property rights: the doctrine of exhaustion of rights. *Konkurenciya i pravo = Competition and Law*. 2013;(3):39-44. (In Russ.)
7. Titov, A. Computer program: product or technology? *Intellektual'naya sobstvennost' = Intellectual Property*. 1999;(3):27-34. (In Russ.)
8. Saveliev, A. I. Topical issues of judicial practice in the sphere of software turnover in Russia. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2013;(4):4-36. (In Russ.)
9. Kashanin, A. V. The criteria of copyrightability in Russian copyright doctrine and judicial practice. *Zakony Rossii: opyt, analiz i praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis and Practice*. 2016;(7):74-83. (In Russ.)
10. Akhobekova, R. A. The prospects of using US judicial practice in solving the problem regarding the subject of legal protection of computer programs. *Zakon = Law*. 2021;(5):171-183. (In Russ.)
11. Anisimov, G. N., Bakastov, V. N., Volkovitsky, V. E., et al. On the legal protection of algorithms and computer programs. *Voprosy izobretatel'stva = Questions of Invention*. 1976;(8):7-10. (In Russ.)
12. Gorodov, O. A. *Industrial property law*. Textbook. Moscow: Statut; 2011. 940 p. (In Russ.)

13. Kashanin, A. V. Criterion of creativity as a condition for the protection of computer programs. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2007;(1):85-87. (In Russ.)
14. Churilov, A. Protection regime for PC software: invention, business secret or work of literature? *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2017;(7):35-44. (In Russ.)
15. Pirogova, V. V. Legal protection of computer programs (Agreement on Trade aspects of Intellectual property rights. Articles 9–14 TRIPS). (Prepared for the “ConsultantPlus” system, 2012). (In Russ.) (LRS “ConsultantPlus”).
16. Churilov, A. Features of the legal regimes of software protection. *Hozyajstvo i pravo = Economy and Law*. 2017;(8):35-44. (In Russ.)
17. Collado R. E. *Software patent eligibility and the learnings from the Japanese experience in addressing challenges and issues on software patenting*. URL: https://www.jpo.go.jp/e/news/kokusai/developing/training/thesis/document/index/2017_04.pdf.
18. Aoki, K. Trends and advice for foreign applicants. *Managing Intellectual Property*. 2009;(2):131-134. URL: <https://www.managingip.com/article/2a5crqd0j1rzwd2xlo9og/trends-and-advice-for-foreign-applicants> (subscription access).
19. Churilov, A. Problems of defining the technical nature of inventions that include computer software. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual Property. Industrial Property*. 2021;(3):48-52. (In Russ.)
20. Zotova, V. S. Legal protection of a computer program as an object of copyright. *Patenty i Litsenzii = Patents and Licenses*. 2014;(11):3-5. (In Russ.)
21. Dzhermakyan, V. Yu. *Comment to chapter 72 “Patent law” of the Civil Code of the Russian Federation (article by article)*. (In Russ.) (Prepared for the “ConsultantPlus” system, 2009.) (LRS “ConsultantPlus”).

Информация об авторе

А. Д. Белов – студент 2 курса магистратуры юридического факультета.

Information about the author

A. D. Belov – 2nd year graduate student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 01.04.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 12.03.2024; accepted for publication 01.04.2024.

Научная статья

УДК 346

EDN: NATDZU

Гражданско-правовая ответственность лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа

Марина Алексеевна Бутырская

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ 06052002@list.ru

Научный руководитель: А. В. Ефимов, к.ю.н., заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В статье поднимается вопрос о привлечении лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа управления в хозяйственном обществе, к гражданско-правовой ответственности. Данная проблема остается актуальной в настоящее время, поскольку в судебной практике присутствует большое количество дел, в которых генеральный директор привлекается к ответственности, в том числе в случае наличия указаний (с согласия) вышестоящих органов управления юридического лица. В работе представлены основные положения и варианты решения указанного вопроса. Результатом исследования стало выявление условий для привлечения к гражданско-правовой ответственности отдельной категории лиц, а также сделан вывод о значимости обстоятельств дела, которые указывают на недобросовестные и (или) неразумные действия (бездействие) директора.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, директор, недобросовестность, неразумность, убытки, указание (согласие) высшего органа управления

Для цитирования: Бутырская М. А. Гражданско-правовая ответственность лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 59–64.

Original article

Civil liability of a Person Exercising the Powers of the Sole Executive Body

Marina A. Butyrskaya

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ 06052002@list.ru

Scientific supervisor: А. V. Efimov, Candidate of Science (Law), Deputy Head of the Business and Corporate Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The article raises the issue of bringing a person exercising the powers of the sole executive body of management in a business company to civil liability. This problem remains relevant at the present time, since in judicial practice there are a large number of cases in which the general director is held accountable, including in the case of instructions (with the consent) of higher management bodies of a legal entity. The paper presents the main provisions and options for solving this issue. The result of the study was the formulation of conditions for bringing certain individuals to civil liability, and also a conclusion was made about the significance of the circumstances of the case, which indicate dishonest and (or) unreasonable actions (inaction) of the director.

Keywords: civil liability, director, dishonesty, unreasonableness, losses, instructions (consent) of the highest management body

For citation: Butyrskaya, M. A. Civil liability of a person exercising the powers of the sole executive body. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):59-64. (In Russ.)

На сегодняшний день актуальным является вопрос о привлечении к гражданско-правовой ответственности лиц, осуществляющих полномочия единоличного исполнительного органа управления в обществе, т. е. директора, генерального директора. Данная ответственность предусмотрена ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (ГК РФ) и заключается в лишениях имущественного характера, возникающих в результате причинения обществу убытков.

В п. 3 ст. 53 ГК РФ закреплена обязанность должностных лиц осуществлять свою деятельность добросовестно и разумно: «Лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Таковую же обязанность несут члены коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т. п.)».

Нарушение указанной обязанности влечет возникновение гражданско-правовой ответственности, которая выступает определенным механизмом регулирования отношений между органами управления. Она реализует превентивную и стимулирующую функцию, поскольку мотивирует должностное лицо разумно и добросовестно исполнять свои обязанности, избегая при этом совершения ошибок и злоупотребления своими полномочиями [1]. Гражданско-правовая ответственность направлена также на устранение причиненных обществу убытков и восстановление положения, существовавшего до нарушения должностным лицом своих обязанностей.

Так, для привлечения директора к гражданско-правовой ответственности необходимо наличие вины, противоправного характера в его действиях, а также причинно-следственной связи: убытки, причиненные обществу, должны возникнуть в результате недобросовестных и (или) неразумных действий директора. Причинно-следственная связь между действиями ди-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

ректора и негативными последствиями должна носить прямой и непосредственный характер. Данный вывод подтверждается судебной практикой². К тому же абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ предусмотрено, что директор будет привлечен к гражданско-правовой ответственности в случае, если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску.

Существует мнение, что в корпоративных отношениях для привлечения уполномоченных лиц к ответственности противоправный характер и вину можно объединить в единое целое: недобросовестное и неразумное действие (бездействие) [2, с. 132]. Категории «недобросовестность» и «неразумность» в действиях директора раскрыты в п. 2 и 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»³ (далее – Постановление № 62).

В п. 5 указанного Постановления сказано, что при оценке добросовестности и разумности в действиях директора нужно учитывать:

- входили или должны ли были входить в круг его непосредственных обязанностей выбор и контроль за действиями (бездействием) представителей, контрагентов по гражданско-правовым договорам, работников юридического лица;

- не были ли направлены действия директора на уклонение от ответственности путем привлечения третьих лиц;

- нарушал ли директор обычные процедуры выбора и контроля.

Данные положения принимаются судами при разрешении конкретных споров. Например:

- суд правомерно привлек к гражданско-правовой ответственности директора, который не проявлял должной степени осмотрительности и заботливости при выборе контрагента по сделке. Материалами дела подтверждается факт совершения им осознанных и целенаправленных действий по выводу денежных средств и занижению налогооблагаемой базы по налогу на прибыль, НДС с целью получения необоснованной налоговой выгоды в отсутствие фактических хозяйственных операций с использованием схемы фиктивного документооборота с несуществующим юридическим лицом⁴;

- бездействие директора явилось достаточной причиной невозможности получения остатка задолженности за выполненные работы от компании, так как привело к пропуску срока на судебную защиту нарушенного права. Суды правомерно расценили как неразумное поведение директора, согласовавшего уменьшение стоимости уступленного по договору уступки права

² Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 14 декабря 2021 г. по делу № А65-14074/2021. Здесь и далее – доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 9 июня 2022 г. по делу № А50-18740/2018.

требования к компании относительно первоначальной цены, приближенной к номинальному значению долга⁵;

– директор был привлечен к ответственности, так как он не должен был допускать очевидно необоснованных выплат сотрудникам общества и устанавливать ежемесячную надбавку к своему окладу⁶.

Из приведенных примеров судебной практики можно сделать вывод, что суды руководствуются разъяснениями Постановления № 62, учитывая при этом конкретные обстоятельства дела, указывающие на «недобросовестность» и «неразумность» действий директора.

Также хотелось бы отметить, что значение категорий «добросовестность» и «разумность» отчетливо проявляется в случае привлечения директора к гражданско-правовой ответственности при наличии указаний (или с согласия) вышестоящих органов управления юридического лица. Вместе с ним солидарную ответственность за причиненные этой сделкой убытки несут члены коллегиальных органов управления, за исключением тех, кто голосовал против данного решения или воздержался от голосования⁷. Указанные выводы содержатся в п. 7 Постановления № 62. Иными словами, директор привлекается к гражданско-правовой ответственности даже при наличии указаний (одобрения) высшего органа управления, так как он самостоятельно отвечает за свои недобросовестные и неразумные действия. Директор всегда должен оценивать всевозможные риски и действовать в интересах общества в целом, не оказывая кому-либо предпочтение.

Верховным Судом Российской Федерации при пересмотре дела ЗАО «Капитал Ре» были даны разъяснения касательно привлечения к ответственности директора при наличии согласия высшего органа управления. Верховный Суд Российской Федерации отметил, что директор вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества, поскольку наличие указаний общего собрания акционеров не освобождает директора от обязанности действовать добросовестно и разумно. Директор не может ссылаться на то, что он действовал во исполнение решения общего собрания, поскольку оценка в ходе управления обществом, насколько те или иные действия выгодны для общества и не причинят ли они вреда, составляет часть его обязанностей и не позволяет единоличному исполнительному органу избежать ответственности⁸.

⁵ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 апреля 2023 г. по делу № А56-66724/2020.

⁶ Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 24 ноября 2020 г. по делу № А64-2284/2020.

⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-8975 по делу № А40-5992/2018.

Аналогичные положения содержатся в п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах⁹, в котором сказано, что единоличный исполнительный орган не может ссылаться на то, что он просто исполняет решение общего собрания, как на основание освобождения его от ответственности за убытки, причиненные обществу, поскольку это часть его обязанностей – оценивать в ходе управления обществом, насколько те или иные действия выгодны для общества и не причинят ли они вреда. То есть директор обладает определенной автономией при принятии решения о выполнении указания высшего органа управления, анализируя при этом возникновение негативных последствий для общества.

При рассмотрении данного вопроса стоит также отметить мнение И. С. Чупрунова, который провел анализ п. 7 Постановления № 62, Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу ЗАО «Капитал Ре», п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2019 г. и пришел к выводу о том, что было бы лучше, если бы директор не отвечал перед корпорацией при наличии одобрения высшего органа управления. Так, если директор сможет доказать, что он действовал на основании и в рамках одобрения высшего органа управления, то он не подлежит ответственности, но в случае, если директор осуществлял свои полномочия за рамками соответствующего одобрения, он привлекается к гражданско-правовой ответственности [3, с. 164]. Вместе с тем ответственность директора возникает, если:

- 1) одобрение явно ничтожно (или явно оспоримо при высоких шансах оспаривания);
- 2) одобрение не было информированным;
- 3) был сговор между директором/акционером;
- 4) одобренные действия очевидно невыгодны для корпорации с точки зрения любого директора (профессионального управленца);
- 5) одобренные действия стали очевидно невыгодными в силу изменения обстоятельств после одобрения [3, с. 164].

Представляется, что стоит законодательно предусмотреть случаи, в которых директор при наличии одобрения высшего органа управления будет освобожден от ответственности, поскольку это необходимо для обеспечения директора защитой и соответствующими правовыми гарантиями.

Таким образом, директор привлекается к гражданско-правовой ответственности в случае, если будут доказаны все условия возникновения данной ответственности в конкретном споре. Суду необходимо оценивать все обстоятельства дела, указывающие на «недобросовестность» и «неразумность» в действиях (бездействии) директора.

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019).

Список источников

1. Шиткина И. С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 2. С. 2–26. (СПС «КонсультантПлюс».)
2. Ястребова Е. С. Особенности гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательской деятельности // Пробелы в российском законодательстве : юрид. журн. 2016. № 5. С. 131–134.
3. Чупрунов И. С. Влияние одобрения акционеров на ответственность директора перед корпорацией. Развернутый комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.09.2019 № 305-ЭС19-8975 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 7. С. 112–167.

References

1. Shitkina, I. S. Property liability in corporate legal relations (using the example of business companies) (lecture as part of the final course "Business Law"). *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes"* = *Business Law. Application "Law and Business"*. 2015;(2):2-26. (In Russ.) (LRS "ConsultantPlus").
2. Yastrebova, E. S. The specials of the civil liability of the business entities. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* = *Gaps in Russian Legislation*. Legal journal. 2016;(5):131-134. (In Russ.)
3. Chuprunov, I. S. Effect of shareholders' approval on the director's liability to the company. A detailed case comment to the Judgment of the Chamber for Commercial Disputes of the SC RF No. 305-ЭС19-8975, 17 September 2019. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federatsii* = *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;(7):112-167. (In Russ.)

Информация об авторе

М. А. Бутырская – студент 4 курса юридического факультета.

Information about the author

M. A. Butyrskaya – 4th year student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

Научная статья

УДК 347.45/.47

EDN: RNNPMY

Правовое регулирование отношений при использовании облачных технологий в Российской Федерации

Анастасия Сергеевна Кузнецова

*Западно-Сибирский филиал, Российский государственный университет
правосудия, Томск, Россия*
✉ kuznets200141@mail.ru

*Научный руководитель: **О. Р. Идрисов**, к.ю.н., доцент кафедры гражданского
права Западно-Сибирского филиала Российского государственного
университета правосудия*

Аннотация. Облачные технологии стали все более распространенным способом хранения, обработки и передачи данных в современном мире. В работе анализируются проблемы и вызовы, связанные с применением правовых норм к облачным технологиям в России, включая неоднозначность определений и понятий, возможное противоречие между требованиями законодательства и техническими особенностями облачных платформ, а также необходимость соблюдения требований по защите прав субъектов персональных данных. Объектом исследования выступают отношения, возникающие при использовании облачных технологий, проводится оценка преимуществ, проблем с определением терминов и заключением договоров в сфере облачных технологий. В статье выявлены недостатки, которые могут потребовать дальнейших изменений и уточнений в законодательстве. Данное исследование может служить теоретической основой создания более эффективной и сбалансированной системы правовой защиты при использовании облачных технологий в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, облачные технологии, облачные вычисления, облака, IT-услуги, информационные технологии

Для цитирования: Кузнецова А. С. Правовое регулирование отношений при использовании облачных технологий в Российской Федерации // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 65–71.

Original article

Legal Regulation of Relations in the use of Cloud Technologies in the Russian Federation

Anastasia S. Kuznetsova

West Siberian Branch, Russian State University of Justice, Tomsk, Russia

✉ *kuznets200141@mail.ru*

Scientific supervisor: O. R. Idrisov, Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Civil Law Department of the West Siberian Branch of the Russian State University of Justice

Abstract. Cloud technologies have become an increasingly common way of storing, processing and transferring data in the modern world. The paper analyzes the problems and challenges associated with the application of legal norms to cloud technologies in Russia, including the ambiguity of definitions and concepts, the possible contradiction between the requirements of legislation and the technical features of cloud platforms, as well as the need to comply with the requirements for the protection of the rights of personal data subjects. The object of the study is the relations arising from the use of cloud technologies, an assessment of the advantages, problems with defining terms and concluding contracts in the field of cloud technologies is carried out. The article identified shortcomings that may require further changes and clarifications in the legislation. This study may allow to create a more effective and balanced system of legal protection when using cloud technologies in the Russian Federation.

Keywords: digitalization, cloud technologies, cloud computing, clouds, IT services, information technology

For citation: Kuznetsova, A. S. Legal regulation of relations in the use of cloud technologies in the Russian Federation. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):65-71. (In Russ.)

В настоящее время продолжается процесс информатизации общества. Главная причина такого явления – возрастание количества пользователей цифровых технологий, которые постоянно развиваются и трансформируются как в обществе, так и в узких сферах жизнедеятельности граждан.

На помощь процессу цифровизации и информатизации приходят различные инновации, одной из которых являются облачные технологии. Они представляют собой совокупность технического (программного) обеспечения, которое обеспечивает молниеносное предоставление информации пользователю.

На данный момент считаем важным рассмотреть три модели ИТ-услуг, которые организуют работу «облакам». К таким, по мнению Ж. В. Смирновой, можно отнести [1, с. 284]:

- 1) «частное облако» – модель услуги, где все затраты, сопряженные с обслуживанием, берет на себя предоставляющая услугу организация;
- 2) «публичное облако» – такая услуга, при которой предоставляются более низкие тарифные планы за его использование;

3) «гибридное облако» – модель IT-услуги, представляющая собой совокупность частного и публичного облаков, обеспечивающая баланс между ценой за содержание и защитой данных.

Возможность развития данных систем предполагается для каждой модели, однако наиболее перспективными представляются публичное и гибридное облако, так как при использовании их уменьшается риск потери данных.

Использование рассматриваемых нами моделей IT-услуг (облаков) позволяет получить следующие преимущества [2, с. 70]:

- 1) создание условий для осуществления постоянной коммуникации между пользователями;
- 2) возможность получения постоянного доступа к файлам независимо от локации пользователя;
- 3) бесперебойное подключение к облаку, для доступа к которому необходимо лишь подключение к сети «Интернет».

Рынок облачных технологий и услуг динамичен. Он предлагает пользователям сети «Интернет» разнообразные решения во многих сферах их жизни. Благодаря своему развитию множество предприятий, которые предоставляют IT-услуги, способны конкурировать между собой. Более того, обращение к таким предприятиям выгоднее для пользователей, нежели создание собственных моделей облаков.

Согласно мнению Н. Г. Викторовой и Ф. Г. Шухова, облачные технологии, или «как их правильно называют – облачные вычисления – это технология обеспечения сетевого доступа пользователей к фонду вычислительных ресурсов» [3, с. 86]. Если говорить иначе, то под облачными вычислениями понимаются данные, предоставляемые в интернет-сервисе.

Облачные технологии – это относительно новая модель IT-услуг, организованная путем объединения множества ресурсов в одну инфраструктуру.

Т. В. Батура, Ф. А. Мурзин и Д. Ф. Семич выделяют следующие модели облачных технологий [4, с. 5].

- 1) IaaS-сервис.

Данный вид сервиса считается базисным уровнем облачных технологий, что включает в себя серверную коммуникацию, хранилища, все необходимые программные обеспечения, а также софт. Поставщик сервисов управляет операционной системой, а установленные приложения управляются пользователем. Пользователь может добавлять программы и подключать дополнительные сервисы, так как это легко сделать с помощью виртуального интерфейса, в котором все необходимые команды можно выполнять определенными комбинациями, например увеличивать объем хранилища командой «процессор + оперативная память», которая необходима пользователю на перспективу.

Когда нагрузка сервиса невелика или не используется полностью, то возможно отключение или сокращение программы, при таком использовании пользователь платит меньше.

Если пользователь заинтересован в использовании сервиса, то возможно расширение инфраструктуры IT-услуги. Пользователю предоставляются дополнительные наборы инструментов по управлению облаком, новые

платформы, которые возможно совместить с уже существующей инфраструктурой.

В настоящее время растет потенциал IaaS-сервиса, так как он реализует простые и доступные пользователю мониторинговые системы.

2) PaaS-сервис.

Такой вид сервиса предоставляет среду для активного пользования тестирования и управления приложениями. Разработчики программного обеспечения PaaS имеют возможность использования всей информации в сети «Интернет», а своим пользователям предоставляют возможность пользоваться полной инфраструктурой для создания и управления информацией.

3) SaaS-сервис.

При подобной модели предполагается аренда программного обеспечения и использование веб-интерфейса. При таком сервисе заказчик сокращает расходы на информационные системы и создание собственной инфраструктуры. На данной платформе возможности пользователя сведены к минимуму, имеется возможность настройки всего лишь отдельных компонентов.

Исходя из вышеприведенных данных, можно сделать вывод о том, что в настоящее время активизируется развитие облачных сервисов, которые выгоднее и эффективнее, нежели создание собственных инфраструктур.

Как было отмечено ранее, информационные технологии стремительно внедряются во все сферы жизни граждан, то же самое можно сказать и об облачных технологиях, которые предопределяют формирование информационной среды. Развитие информационной грамотности граждан ведет к расширению понятийного аппарата, который используется не только в обществе и науке, но и в узких сферах специализации, например в юридической деятельности.

Наиболее часто в научной литературе встречается терминология, практически схожая с термином «облачные технологии», например: облачные вычисления, облака, консалтинг, облачные сервисы [5, с. 34].

Отсутствие четко определенной терминологии, как представляется, является барьером в развитии правового регулирования IT-услуг. Это обусловлено, прежде всего, новизной данных сервисов, что влечет за собой неоднозначную методологическую базу и, как следствие, препятствует правовой оценке облачных технологий.

Неясность трактовки законодательства вызвана неединообразным использованием термина «облачные вычисления» в правовых актах Российской Федерации.

Так, в подп. «и» п. 4 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹ закреплено понятие «облачные вычисления», которое определяется как информационно-технологическая модель обеспечения повсеместного и удобного доступа с использованием

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

сети «Интернет» к общему набору конфигурируемых вычислительных ресурсов («облаку»), устройствам хранения данных, приложениям и сервисам, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены от нагрузки с минимальными эксплуатационными затратами или практически без участия провайдера.

Однако в другом законодательном акте – Концепции создания и развития сетей 5G/IMT-2020 в Российской Федерации² – не дается определения данного понятия.

В отдельных законодательных актах слово «облачные» заключено в кавычки³, что тоже влечет за собой лексическую неясность.

При анализе гражданского законодательства можно заметить, что отношения между представителями IT-услуги и пользователями оформляются некорректными соглашениями. Данный вывод исходит из нормы ст. 607 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (ГК РФ), где объектом договора аренды выступает строго индивидуально определенная вещь. Однако на практике поставщики IT-услуг и пользователи заключают именно договоры аренды программного обеспечения, что является некорректным в силу того, что облачные вычисления не индивидуализированы, т. е. в силу закона такой договор не может считаться заключенным.

Статьей 1270 ГК РФ⁵ установлены способы использования программного обеспечения с его предоставлением в фактическое владение пользователя. Однако функциональное применение некоторого программного обеспечения не относится к способу пользования им. Например, вышеуказанный сервис IT-услуги SaaS подразумевает предоставление доступа к программному обеспечению только в совокупности с иными элементами информационной системы. Исходя из этого, пользователь не приобретет фактического владения программным обеспечением.

Также хочется отметить, что отношения между представителем IT-услуги и пользователями не ведут к созданию материальной вещи, а исходя из этого – предметом отношения между ними выступает деятельность, которая осуществляется с использованием инфраструктуры облачных технологий.

Специалистами в области права при рассмотрении вопросов правового регулирования облачных вычислений обозначен ряд важных моментов.

² Приказ Минкомсвязи России от 27 декабря 2019 г. № 923 «Об утверждении Концепции создания и развития сетей 5G/IMT-2020 в Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6990/> (дата обращения: 23.10.2024).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»» (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2159.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

Во-первых, при разрешении вопросов правового регулирования необходимо учитывать «распространение конкретной облачной услуги за пределы страны, в которой она была создана» [6, с. 83]. Данное обстоятельство связано с тем, что большинство крупнейших компаний, предоставляющих облачные услуги, находятся на территории США и Евросоюза. В первую очередь это касается обращения информации ограниченного доступа и содержащей личные данные.

Следующий момент, на который можно обратить внимание, – правовая конструкция использования облачных вычислений не оформлена юридически. А. К. Жарова отмечает: «Отсутствие понимания различия и специфики информационных объектов приводит к мнению о возможности применения договора аренды при использовании программ, что является недопустимым» [7, с. 48]. Автор аргументирует свою точку зрения анализом ст. 606 и 607 ГК РФ и делает вывод о том, что необходимо закрепление оформления отношений по использованию IT-услуг специально созданными комплексами договоров. Данную точку зрения оспорить невозможно, так как договорные отношения, связанные с предоставлением информационных сервисов, действительно нуждаются в доработке.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о существующих пробелах в законодательном регулировании отношений в сфере IT-услуг.

1. Необходимо четкое толкование такого явления, как «облачные технологии», что позволит минимизировать проблемы элементов информационных систем.

2. Объектом отношений в сфере облачных технологий является не только программное обеспечение, но и база данных, сервера, хранилища и иные программы, т. е. совокупность элементов.

3. Представляется важным ввести в гражданское законодательство термин «договор оказания услуг по предоставлению облачных сервисов», что позволит снизить степень неопределенности при заключении договоров, связанных с оборотом облачных вычислений.

Список источников

1. Смирнова Ж. В., Ваганова О. И., Трутанова А. В. Перспективы использования облачных технологий в образовательном процессе вуза // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 3 (20). С. 284–286.
2. Дуккардт А. Н., Саенко Д. С., Слепцова Е. А. Облачные технологии в образовании // Открытое образование. 2014. № 3. С. 68–74.
3. Викторова Н. Г., Шухов Ф. Г. Цифровая экономика: развитие облачных технологий в России и за рубежом // Век качества : электрон. изд. 2019. № 2. С. 81–90.
4. Батура Т. В., Мурзин Ф. А., Семич Д. Ф. Облачные технологии: основные модели, приложения, концепции и тенденции развития // Программные продукты и системы. 2014. № 3 (107). С. 64–72.
5. Нестерова И. А. Правовое регулирование отношений, возникающих при использовании облачных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 188 с.
6. Кучина Я. О. Облачные технологии: понятие и основы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 77–86.

7. Жарова А. К. Международные правовые концепции борьбы с распространением вредной информации // Бизнес-информатика. 2010. № 4. С. 46–53.

References

1. Smirnova, Zh. V., Vaganova, O. I., Trutanova, A. V. Prospects of the use of cloud technologies in the educational process of the higher educational institution. *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2017;(3):284-286. (In Russ.)
2. Dukkardt, A. N., Saenko, D. S., Sleptsova, E. A. Cloud technology in education. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2014;(3):68-74. (In Russ.)
3. Viktorova, N. G., Shukhov, F. G. Digital economy: development of cloud technologies in Russia and foreign countries. *Vek kachestva = Century of Quality*. E-edition. 2019;(2):81-90. (In Russ.)
4. Batura, T. V., Murzin, F. A., Semich, D. F. Cloud technologies: basic models, applications, concepts and development tendencies // *Software & Systems*. 2014;(3):64-72. (In Russ.)
5. Nesterova, I. A. *Legal regulation of relations arising from the use of cloud technologies*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2017. 188 p. (In Russ.)
6. Kuchina, Ya. O. Cloud computing: definition and the basics of its legal regulation. *Aziatsko-Tikhookeanskij region: ekonomika, politika, pravo = Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*. 2016;(4):77-86. (In Russ.)
7. Zharova, A. K. International legal concepts of combating the spread of harmful information. *Biznes-informatika = Business Informatics*. 2010;(4):46-53. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Кузнецова – студент 4 курса юридического факультета.

Information about the author

A. S. Kuznetsova – 4th year student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 03.04.2024; принята к публикации 11.04.2024.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 03.04.2024; accepted for publication 11.04.2024.

Научная статья

УДК 347.191.43

EDN: TDADPH

Перераспределение активов внутри холдинга: имплементация «теста Розенблюма» в российское законодательство

Иван Романович Озеров

*Московская коллегия адвокатов «Юридическая фирма "ЮСТ"», Москва,
Россия*

✉ ivan.ozеров3@yandex.ru

*Научный руководитель: **А. В. Ефимов**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета правосудия*

Аннотация. В статье исследуется роль экономического интереса участников корпоративных групп (холдингов); противопоставление экономических интересов миноритарных и мажоритарных участников корпорации; ответственность директоров дочерних юридических лиц по сделкам внутри холдинга. Правовая проблематика исследования сопряжена с анализом правового регулирования корпоративного управления и контроля в холдингах, поиском баланса защиты прав и интересов участников корпораций. Для аргументации необходимости выработки критериев признания общегруппового интереса участников холдингов и стандартов защиты прав миноритариев рассматривались механизмы правового регулирования данных правоотношений в законодательстве стран Европейского союза и зарубежной научной литературе.

Сделан вывод, что российская доктрина и судебная практика признают общегрупповой экономический интерес, однако не содержат установленных критериев для его признания. В свою очередь, закрепление данных стандартов, используемых для защиты прав миноритариев, позволило бы повысить уровень корпоративного управления в корпоративных группах и не допустить непропорционального и/или необоснованного ущемления прав мажоритариев.

Ключевые слова: холдинг, ответственность директора, «тест Розенблюма», внутригрупповая политика

Благодарности: автор выражает благодарность своему научному руководителю Ефимову Анатолию Викторовичу за ценные советы при планировании исследования.

Для цитирования: Озеров И. Р. Перераспределение активов внутри холдинга: имплементация «теста Розенблюма» в российское законодательство // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 72–81.

Original article

Redistribution of Capital Within the Holding Company: Implementation of the “Rozenblum Test” in Russian Legislation

Ivan R. Ozerov

Moscow Bar Association “YUST Law Firm”, Moscow, Russia

✉ *ivan.ozerov3@yandex.ru*

Scientific supervisor: A. V. Efimov, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Business and Corporate Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. In this paper, consider: the role of the economic interest of the participants of corporate groups (holdings); the opposition of the economic interests of the minority and majority participants of the corporation; the responsibility of the directors of subsidiaries of legal entities for transactions within the holding. The legal issues of the study involve the analysis of the legal regulation of corporate governance and control in holdings, the search for a balance to protect the rights and interests of the corporation's participants. To estimate the need of developing the criteria for recognizing the group-wide interest of holding companies and standards for protecting the rights of minority shareholders, the mechanisms of legal regulation of these legal relations in the legislation of European Union countries and foreign scientific sources were considered. It is concluded that Russian doctrine and judicial practice recognize a group-wide economic interest, but do not contain established criteria for its recognition. In turn, the consolidation of these standards used to protect the rights of minority shareholders would improve the level of corporate governance in corporate groups and prevent unfair infringement of the rights of majority shareholders.

Keywords: holding, director's responsibility, “Rozenblum test”, intra-group policy

Acknowledgments: the author expresses gratitude to his scientific supervisor Anatoly Viktorovich Efimov for valuable advice in planning research.

For citation: Ozerov, I. R. Redistribution of capital within the holding company: implementation of the “Rozenblum test” in Russian legislation. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):72-81. (In Russ.)

В российском законодательстве согласно п. 1 ст. 67.3 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (ГК РФ) предполагается возможность основного общества (материнской компании) определять решения, принимаемые дочерним обществом (дочерней компанией). Вследствие этого материнская компания при создании дочерней планирует стратегию по развитию и расширению бизнеса путем осуществления своих мажоритарных прав [1, с. 289]. В то же время инвесторы – акционеры или участники,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

вложившиеся в дочернюю компанию и ставшие миноритариями, обладают собственными интересами, в том числе по получению прибыли. Однако выгодные для основного общества или холдинга в целом внутригрупповые сделки могут быть убыточны для дочерней компании [2, с. 154]. Так происходит столкновение интересов основного общества и его участников с интересами миноритариев дочернего общества [3, с. 38].

Отечественная судебная практика признает, что отдельный (самостоятельный) интерес может присутствовать у группы юридических или юридических и физических лиц². В таких случаях обычно говорят о холдинге, под которым понимается «форма корпоративного объединения, представляющая собой группу организаций (участников), основанную на отношениях экономического контроля, участники которой, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности подчиняются воле одного из участников группы – контролирующего участника» [4, с. 57]. При этом именно возможность одного лица влиять на решения другого, руководить его действиями и формировать волю является основополагающим фактором при определении холдинга (группы компаний)³.

Так, еще в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – Постановление Президиума ВАС РФ) от 4 декабря 2012 г. № 8989/12 судом начал исследоваться общегрупповой экономический интерес в гражданских правоотношениях. В нем суд указал, что «экономическая целесообразность в отношениях дочернего и основного обществ может вызывать необходимость и обратной передачи имущества. При этом отсутствие прямого встречного предоставления является особенностью взаимоотношений основного и дочернего обществ, представляющих собой с экономической точки зрения единый хозяйствующий субъект».

По другим делам, в целях определения общности экономических интересов в ходе процедуры банкротства и при рассмотрении заявлений о включении в реестр требований кредиторов должника, суды выявляют данный интерес на основе существующих обеспечительных договоров, таких как договор поручительства⁴. Позднее эта идея была приме-

² Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 сентября 2018 г. № 17АП-10855/2018-ГК по делу № А71-23447/2017, Постановление арбитражного суда Уральского округа от 13 июня 2017 г. № Ф09-2173/17 по делу № А60-19440/2015. Здесь и далее – доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

³ Ардашев П., Кордюкова Н. Правовое регулирование групп компаний и холдинговых структур // ЭЖ-Юрист. 2016. 29 апр. С. 13.

⁴ См., например, Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2014 г. № 14510/13 (вынесено в рамках дела о банкротстве ОАО «ТПО «Контур»), Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2016 г. № 308-ЭС16-1475, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2018 г. № 301-ЭС17-22652(1), постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2018 г. по делу № А65-17382/2017.

нена в судебных процессах, связанных с экстраординарными сделками⁵.

Примером такого подхода является дело акционерного общества «Холдинговая компания «Сибирский цемент»»⁶, где суд указал, что с экономической точки зрения основное и дочернее общества представляют собой единый хозяйствующий субъект, чьи экономические отношения могут предполагать вложения основного общества в имущество дочернего не только на стадии его учреждения, но и на любой стадии его деятельности. А целью является не извлечение прибыли материнской компанией за счет увеличения издержек дочерних обществ, а управление капиталовложениями и распределение финансовых средств в целях обеспечения прибыльности всего холдинга как единой системы. В этом же деле суд разъяснил, что отсутствие прямого встречного предоставления по сделке между дочерним и основным обществом является особенностью их взаимоотношений как обществ, представляющих собой с экономической точки зрения единый хозяйствующий субъект⁷.

В указанном Постановлении Президиума ВАС РФ суд также определил, что «при передаче имущества от дочернего общества основному (и наоборот) интересы миноритарных участников обществ, которые могут быть ущемлены такими сделками, защищаются специальными положениями законодательства о хозяйственных обществах (например, о праве требовать выкупа акций или приобретения обществом доли или части доли в уставном капитале, об одобрении сделок, в совершении которых имеется заинтересованность участников хозяйственного общества)».

Помимо этого, арбитражными судами была выработана позиция в отношении ответственности директоров перед дочерними обществами за убытки. Она выражается в том, что директор может быть освобожден от ответственности за причиненные обществу убытки в случае, если он действовал в интересах всей группы компаний и (или) сделка, не явившаяся выгодной для управляемой (дочерней) компании, в целом была выгодной для холдинга [5, с. 177].

Так, в деле ООО «ТК «Комплекс» и ООО «Армада»»⁸ миноритарий дочернего общества просил признать недействительным договор поручительства и привлечь к ответственности директора за причиненные убытки. В свою очередь суд указал, что данный договор являлся частью взаимосвязанных сделок и не свидетельствовал о его убыточности, а кредитор, заключая до-

⁵ См., например, постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23 января 2018 г. по делу № А27-471/2017, Арбитражного суда Уральского округа от 13 августа 2018 г. № Ф09-3500/18 по делу № А34-2547/2017.

⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 июня 2018 г. № Ф04-1562/2018 по делу № А27-21160/2017.

⁷ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2012 г. № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12.

⁸ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 2 ноября 2017 г. № 07АП-8769/2017 по делу № А45-12405/2017.

говор поручительства, рассматривал финансовое положение поручителя в составе группы взаимосвязанных лиц, объединенных общими экономическими интересами в кредитовании аффилированного с поручителем общества, чем подтверждается взаимосвязанность данных обществ по принципу участия в капиталах друг друга и наличию устойчивых хозяйственных связей между компаниями группы. Поэтому об убыточности сделки для дочернего общества (поручителя) нельзя судить изолированно от выгод той же сделки для другой компании группы [6, с. 81].

Ввиду того, что общегрупповая политика материнской компании не всегда учитывает интересы участников дочерних обществ, практика, когда одним из основных аргументов для освобождения директора от ответственности за причиненный дочернему обществу и миноритариям ущерб является направленность такой выгоды для холдинга, представляется не совсем сбалансированной.

Например, А. В. Ефимов отмечает: «...основная проблема заключается в том, что, осуществляя общее управление группой, контролирующее лицо может пожертвовать интересами конкретных юридических лиц в пользу группы. Соответственно, при установлении баланса интересов всей корпоративной группы и конкретных юридических лиц, входящих в группу, необходимо решить вопрос о возможности притеснения интересов юридического лица в пользу группы, обозначить пределы и условия подобного поведения» [7, с. 106].

В Европейском союзе (ЕС) еще с 2015 г. высказываются предложения по утверждению рамочных правил для холдингов в различных отраслях экономической деятельности, позволяющих директорам холдингов принимать скоординированную групповую политику при условии, что интересы кредиторов каждой компании эффективно защищены и существует справедливый баланс бремени и преимуществ с течением времени для каждой компании группы в целом и миноритариев в частности [8, р. 299, 303].

Некоторые страны ЕС признают, что решения дочерней компании при определенных обстоятельствах могут приниматься в интересах группы, даже если исходя из их собственной оценки они могут нанести ущерб дочерней компании (например, Франция [9]); в свою очередь другие (например, Германия⁹) не признают заинтересованность группы в таких ситуациях.

В обобщенном виде государства – члены ЕС могут быть разделены на две группы. Первая группа придерживается строгого подхода немецкой модели корпоративного права, выражающегося в непризнании общегруппового экономического интереса, отчасти обусловленного большим количеством механизмов защиты прав миноритариев дочерних обществ.

В данном подходе отличительной характеристикой является обязанность материнской компании компенсировать своей дочерней компании

⁹ Aktiengesetz vom 6. September 1965 (BGBl. I S. 1089), das zuletzt durch Artikel 61 des Gesetzes vom 10. August 2021 (BGBl. I S. 3436) geändert worden ist. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/AktG.pdf> (дата обращения: 04.09.2023).

любые убытки, которые она понесла из-за неблагоприятных инструкций материнской компании. В качестве компенсации общего условия «услуга за услугу» недостаточно, скорее, материнская компания должна предоставить дочерней компании некую «льготу», причем в большинстве юрисдикций она должна быть предоставлена в течение короткого периода времени. Однако даже в подобных ситуациях материнскую компанию могут привлечь к ответственности при неплатежеспособности дочернего общества, так как в таких государствах – членах ЕС¹⁰ не признают интересы группы в качестве основания для принятия решений, влекущих ущерб дочерней компании.

Вторая группа стран придерживается более мягкого подхода и признает групповой интерес. Несмотря на то что прецедентное право государств – членов ЕС обычно развивалось автономно, наиболее распространенной моделью признания интересов группы в Европе является французская модель, основанная на решении Верховного Суда Франции (Кассационный Суд) 1985 г. по делу Розенблюма¹¹.

Так, в решении суда было указано, что при принятии решения, которое причиняет непосредственный ущерб платежеспособной дочерней компании, директор такой компании может учитывать интересы группы, только если соблюдаются нижеперечисленные условия: «Финансовая помощь, на которую соглашаются директора компании, входящей в группу, в которой они прямо или косвенно заинтересованы, должна быть мотивирована общими экономическими интересами в связи с общей политикой группы, она не должна быть экстраординарной и не должна провоцировать дисбаланс взаимных обязательств и превышать финансовых возможностей дочерней компании»¹². Несмотря на то что решение французского суда было вынесено по уголовному делу за «злоупотребление корпоративными активами» (*abus de biens sociaux*), а изложенные условия не содержат четких формулировок и выглядят немногочисленными, это не мешает применять разработанный судом «тест Розенблюма» при привлечении к гражданской ответственности директоров за неразумное (и/или) недобросовестное поведение.

Условия, обеспечивающие защиту директоров дочерних компаний от привлечения к ответственности за неразумное (и/или) недобросовестное поведение, в обобщенном виде можно представить так: компания является членом группы (холдинга); директора компании действуют в соответствии с тем, что, по их мнению, является общегрупповым экономическим интересом компании и других членов группы; сделка не должна осуществляться ввиду явно неадекватного предоставления с точки зрения компании (т. е. она не должна быть «экстраординарной» или «провоцировать дис-

¹⁰ Aktiengesetz vom 6. September 1965.

¹¹ См.: Trib. Corr. Paris, 16 May 1974, Soc. Saint-Frères, D. 1975, p. 37, Rev. soc. 1975, p. 657, n. B. Oppetit, JCP éd. E. 1075, II-11816, p. 381; Court of cassation, Criminal Chamber, 4 February 1985, Rozenblum and Allouche, D. 1985, p. 478, n. D. Ohl, I-639, JCP 1986, II-20585, n. W. Jeandidier, Rev. soc. 1985, p. 648, n. B. Bouloc.

¹² Ibid.

баланс взаимных обязательств»); сделка не должна ставить под сомнение платежеспособность компании (не «превышать финансовые возможности» компании) [10].

Если проанализировать указанные условия освобождения от ответственности, то станет видно, что из всех критериев именно четвертый направлен на защиту интересов кредиторов дочерней компании, а третий – на интересы миноритарных акционеров.

Ввиду того, что ряд стран ЕС также ввели законодательные нормы с аналогичными последствиями (например, Чешская Республика¹³ и Италия¹⁴), можно сделать вывод об эффективности и востребованности «теста Розенблюма».

Признание интересов группы, защита миноритарных (участников) акционеров и кредиторов в государствах – членах ЕС, базирующихся на основе прецедентного права, осуществляется с помощью корпоративного законодательства и положений законодательства о несостоятельности и банкротстве. В свою очередь страны ЕС континентальной правовой системы предусматривают всеобъемлющий нормативный режим для групп, который включает конкретные положения о защите кредиторов и миноритарных акционеров, а также положения об управлении группами (холдингами).

Они также признают право основного общества давать инструкции для дочернего. При этом они обычно предоставляют миноритарным акционерам права на продажу акций в определенных ситуациях, особенно в случае злоупотреблений со стороны директоров или мажоритарных акционеров.

В Европейском модельном законе о компаниях (ЕМСА) [11, р. 20] также предполагается, за некоторыми исключениями, право материнской компании давать инструкции руководству дочерней компании при условии, что эти инструкции не нарушают «тест Розенблюма», свидетельствующий, что данные сделки не поставят под угрозу дальнейшее существование дочерней компании. В свою очередь руководство дочернего общества вправе отказаться от выполнения инструкций и указаний материнской компании, если вышеуказанные условия не выполняются.

Из этого следует вывод, что стабилизация группы является косвенной выгодой для дочерней компании, оказывающей поддержку материнской, так как неплатежеспособность материнской компании вероятнее всего скажется негативно на дочерней. Таким образом, последняя может действовать себе в ущерб, но в интересах группы.

Другие положения ЕМСА дополняют указанные требования наличием разумной перспективы того, что вознаграждение за финансовую поддержку будет выплачено дочерней компании и что если поддержка предостав-

¹³ Act on Commercial Companies and Cooperatives (Business Corporations Act) of the Czech Republic. URL: <https://justice.cz/> (дата обращения: 01.08.2023).

¹⁴ Codice Civile 2023: aggiornato con le ultime modifiche legislative apportate, da ultimo, dal D. Lgs. 10 ottobre 2022, n. 149, come modificato dalla L. 29 dicembre 2022, n. 197 (“Riforma Cartabia”). URL: <https://www.brocardi.it/codice-civile/> (дата обращения: 08.10.2023).

ляется в форме займа, то заем будет возвращен¹⁵. Еще одним условием является то, что предоставление финансовой поддержки не поставит под угрозу ликвидность или платежеспособность компании группы, предоставляющей поддержку.

Эти условия очень похожи на подход французского суда в деле Розенблюма. Государства – члены ЕС также подразумевают определенную степень прозрачности в интересах заинтересованных сторон путем раскрытия информации о существовании группы и посредством, в некоторых случаях, публикации «отчета о зависимости».

В свою очередь, в российском законодательстве еще в 2014 г. разработан Кодекс корпоративного управления¹⁶, являющийся приложением к письму Банка России. Целью его принятия являлось повышение эффективности управленческой деятельности и инвестиционной привлекательности организаций, в первую очередь публичных, за счет улучшения качества корпоративного управления [12, с. 43]. Согласно п. 1.3.1 ч. «А» «Принципы корпоративного управления. Права акционеров и равенство условий для акционеров при осуществлении ими своих прав» Кодекса, «общество должно обеспечивать равное и справедливое отношение ко всем акционерам при реализации ими права на участие в управлении обществом. Общество должно создать условия для справедливого отношения к каждому акционеру со стороны органов управления и контролирующих лиц общества, в том числе обеспечивающие недопустимость злоупотреблений со стороны крупных акционеров по отношению к миноритарным акционерам. Миноритарные акционеры должны быть защищены от злоупотреблений со стороны держателей контрольного пакета акций, действующих прямо или опосредованно, и должны быть обеспечены действенными средствами защиты в случае нарушения их прав. Акционеры не должны злоупотреблять предоставленными им правами. Не допускаются действия акционеров, осуществляемые с намерением причинить вред другим акционерам или обществу, а также иные злоупотребления правами акционеров».

Данные принципы в организации деятельности не только отдельных юридических лиц, а их группы (холдингов) приобретают еще большую актуальность с учетом принятия материнской компанией внутригрупповой политики, за которую она несет ответственность.

Таким образом, российская судебная практика признает общегрупповой экономический интерес в холдингах, однако не содержит критериев его признания. Законодательное закрепление стандартов защиты прав миноритариев позволило бы наиболее сбалансированно признавать общегрупповой экономический интерес в холдингах для защиты прав всех участников корпораций, что, в свою очередь, будет позитивно влиять на привлекательность вложений потенциальных инвесторов.

¹⁵ The Bank Recovery and Resolution Directive 2014/59/EU (BRRD). URL: https://ec.europa.eu/info/law/bank-recovery-and-resolution-directive-2014-59-eu_en (дата обращения: 17.09.2023).

¹⁶ Письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

Список источников

1. Суханов Е. А. О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 283–295.
2. Глазунов А. Ю. Отраженные убытки в корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 140–172.
3. Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83.
4. Шиткина И. С. Сделки хозяйственных обществ, требующие корпоративного согласования : моногр. М. : Статут, 2020. 226 с.
5. Шиткина И. С. Выявление и учет общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в которых имеется заинтересованность // Закон. 2019. № 6. С. 172–181.
6. Никологорская Е. И. Гражданско-правовая характеристика интересов акционеров и акционерного общества и их баланса : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 186 с.
7. Ефимов А. В. Правовое обеспечение баланса интересов в корпоративных группах // Закон. 2022. № 6. С. 101–115.
8. Conac P.-H., Druet J.-N., Forstmoser P. et al. Proposal to Facilitate the Management of Cross-Border company Groups in Europe. Berlin : Walter de Gruyter, 2015. 306 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/337101995_Proposal_to_Facilitate_the_Management_of_Cross-Border_company_Groups_in_Europe.
9. Taylor M. B. Due Diligence: A Compliance Standard for Responsible European Companies // European Company Law. 2014. Vol. 11, issue 2. P. 86–89. URL: https://www.academia.edu/7966211/Due_Diligence_A_Compliance_Standard_for_Responsible_European_Companies.
10. Theodor B., Andreas C. Report of the Reflection Group on the future of EU Company Law // Institute for Law and Finance. 2011. No. 5. Pp. 62–65. URL: https://www.academia.edu/59921647/Report_of_the_Reflection_Group_on_the_Future_of_EU_Company_Law.
11. Andersen P. K., Andersson J., Baums, T. et al. European Model Company Act (EMCA). 1st ed. 2017. 409 p. URL : <https://orbi.lu.uni.lu/bitstream/10993/36536/1/EMCA%202017.pdf>.
12. Кущенко А. А. Государственное регулирование корпоративных отношений: российский и международный опыт // Конкурентное право. 2021. № 3. С. 42–45.

References

1. Sukhanov, E. A. On the legal status of companies in modern foreign literature. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Riview*. 2017;(4):283-295. (In Russ.)
2. Glazunov, A. Yu. Reflective losses in Corporate Law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;(2):140-172. (In Russ.)
3. Stepanov, D. I. Interests of corporation and its shareholders. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2015;(1):29-83. (In Russ.)
4. Shitkina, I. S. *Transactions of business entities requiring corporate approval*. Monograph. Moscow: Statut; 2020. 226 p. (In Russ.)

5. Shitkina, I. S. Revealing and considering common economic interests of group of companies (participants of a holding) when making major transactions and interested party transactions. *Zakon = Law*. 2019;(6):172-181. (In Russ.)
6. Nikologorskaya, E. I. *Civil-legal characteristics of the interests of shareholders and joint-stock companies and their balance*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2008. 186 p. (In Russ.)
7. Efimov, A. V. Legal framework of the balance of interests in corporate groups. *Zakon = Law*. 2022;(6):101-115. (In Russ.)
8. Conac, P.-H., Druey, J.-N., Forstmoser, P., et al. *Proposal to Facilitate the Management of Cross-Border company Groups in Europe*. Berlin: Walter de Gruyter; 2015. 306 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/337101995_Proposal_to_Facilitate_the_Management_of_Cross-Border_company_Groups_in_Europe.
9. Taylor, M. B. Due Diligence: A Compliance Standard for Responsible European Companies. *European Company Law*. 2014;11(2):86-89. URL: https://www.academia.edu/7966211/Due_Diligence_A_Compliance_Standard_for_Responsible_European_Companies.
10. Theodor, B., Andreas, C. Report of the Reflection Group on the future of EU Company Law. *Institute for Law and Finance*. 2011;(5):62-65. URL: https://www.academia.edu/59921647/Report_of_the_Reflection_Group_on_the_Future_of_EU_Company_Law.
11. Andersen, P. K., Andersson, J., Baums, T., et al. *European Model Company Act (EMCA)*. 1st ed. 2017. 409 p. URL: <https://orbilu.uni.lu/bitstream/10993/36536/1/EMCA%202017.pdf>.
12. Kushchenko, A. A. The state regulation of corporate relations: the Russian and international experience. *Konkurentnoe pravo = Competition Law*. 2021;(3):42-45. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Р. Озеров – юрист.

Information about the author

I. R. Ozerov – lawyer.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 02.04.2024; принята к публикации 02.04.2024.

The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 02.04.2024; accepted for publication 02.04.2024.

Информационное право / Information Law

Научная статья

УДК 340.114.5

EDN: TEIHJW

Формирование цифрового правосознания в молодежной среде: от скоринга до социальных сетей органов государственной власти

Анастасия Владимировна Тихон

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ t1kh0n.n@mail.ru

Научный руководитель Ю. К. Макеева, к.ю.н., доцент кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей формирования цифрового правосознания в молодежной среде в современный период развития общества, а также факторов, влияющих на этот процесс. В работе анализируется содержание понятия «цифровое правосознание», акцентируется внимание на необходимости формирования и развития потребительской и пользовательской культуры граждан Российской Федерации как составной части правосознания и сквозь эту призму анализируется развитие скоринговой системы в России. Отмечается, что для молодежной среды наиболее характерна такая модель восприятия, как клиповое мышление. Также обращается внимание на то, что на формирование цифрового правосознания большое влияние оказывают социальные сети, имеющие ряд отличительных особенностей и отвечающие запросам клипового мышления. Подчеркивается значимость ведения страниц государственных органов, органов местного самоуправления, подведомственных организаций и судов в социальных сетях, целью которого является и развитие цифрового правосознания граждан, что может стать актуальным направлением для профессионального развития ряда молодых специалистов. Аргументируется вывод, что формирование цифрового правосознания осуществляется в разных направлениях, разными способами и на разных платформах, вместе с тем в совокупности являясь одной из важнейших тенденций современности.

Ключевые слова: цифровое правосознание, скоринг, социальные сети

Для цитирования: Тихон А. В. Формирование цифрового правосознания в молодежной среде: от скоринга до социальных сетей органов государственной власти // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 82–87.

Original article

Formation of Digital Legal Awareness Among Young People: From Scoring to Social Networks of Public Authorities

Anastasia V. Tikhon

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ *t1kh0n.n@mail.ru*

Scientific supervisor: Yu. K. Makeeva, Candidate of Science (Law), Associate Professor of the N. V. Vitruk Constitutional Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the formation of digital legal awareness among young people in the modern period of development of society, as well as the factors influencing this process. The content of the concept of “digital legal awareness” is analyzed. Attention is focused on the aspect of the need to form and develop consumer and user culture of citizens of the Russian Federation as an integral part of legal awareness, and through this prism the development of the scoring system in Russia is analyzed. It is noted that such a perception model as clip thinking is most characteristic of the youth environment. Attention is also drawn to the fact that social networks have a great influence on the formation of digital legal awareness, a distinctive feature of maintaining pages in which is the brevity, accessibility, and content of the transmitted information that correspond to clip thinking. It is emphasized that the mandatory maintenance of pages of state bodies, local governments, subordinate organizations and courts in social networks, the purpose of which is the development of digital legal awareness of citizens, may become an urgent area for the professional development of a number of young professionals. It is concluded that the formation of digital legal awareness is carried out in different directions, in different ways, on different platforms, being one of the most important issues of our time.

Keywords: digital legal awareness, scoring, social networks

For citation: Tikhon, A. V. Formation of digital legal awareness among young people: from scoring to social networks of public authorities. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):82-87. (In Russ.)

Электронные средства массовой информации, информационные системы и социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», стали неотъемлемой частью повседневной жизни россиян. В настоящее время цифровизация охватывает и труднодоступные населенные пункты, например, при поддержке органов государственной власти к бесплатному интернету получают доступ даже коренные малочисленные народы, проживающие на родовых угодьях и ведущие традиционный образ жизни¹. Данный факт свидетельствует о все большем проникнове-

¹ Постановление Правительства ХМАО – Югры от 31 октября 2021 г. № 478-п «О государственной программе ХМАО – Югры “Устойчивое развитие коренных ма-

нии цифровизации во все сферы жизни людей, а значит, и о ее влиянии в том числе на формирование цифрового правосознания граждан. Развитие цифрового правосознания особенно актуально в молодежной среде, для которой наиболее характерна такая модель восприятия, как «клиповое мышление», особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации.

Правосознание – составная часть правовой культуры, уровень которой измеряется правовой активностью индивида, т. е. готовностью личности к активным сознательным действиям на основе права [1, с. 506]. Под правосознанием понимается совокупность идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям, в том числе к действующему и желаемому праву, к деятельности юридических органов и учреждений, а также к действиям и поступкам, совершаемым в правовой сфере [2, с. 430]. Цифровое правосознание формируется в условиях использования средств цифрового общества, которое способствует большему пониманию правовых явлений. Согласно подп. «н» п. 26 Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» для формирования информационного пространства знаний в России необходимо формировать и развивать правосознание граждан и их ответственное отношение к использованию информационных технологий, в том числе потребительскую и пользовательскую культуру².

Потребительская и пользовательская культура включает в себя ряд прав, свобод и обязанностей, ответственное отношение к которым является составной частью правосознания, в частности цифрового. В настоящее время в России в цифровом пространстве ведутся различные рейтинги. Например, кредитный скоринг, воплощенный в индивидуальном рейтинге субъекта кредитной истории, положения о котором с 1 января 2022 г. были включены в Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях»³. Также ведутся рейтинги сервисных услуг: например, таксистов и пассажиров, когда услугами таксиста с низким рейтингом отказываются пользоваться клиенты и, наоборот, когда водители могут не приезжать на вызов к конфликтному пассажиру. На сайтах медицинских, образовательных и иных учреждений возможно встретить также информацию с отзывами клиентов и рейтинговыми баллами работников данных организаций. С одной стороны, рейтинговые системы посредством влияния на поведение людей через его оценку способствуют формированию более ответственного отношения к правам, свободам и обязанностям как производителей услуг, так и их потребителей, что напрямую связано с формированием цифрового правосознания. С другой стороны, ведение рейтингов не должно приобретать дискриминационный характер. Примечательно,

лочисленных народов Севера» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

³ Российская газета. 2005. 13 янв.

что на данный момент в российском цифровом пространстве предлагают запретить цифровую дискриминацию и социальные рейтинги⁴. Соответствующие пункты планируется включить в концепцию защиты прав граждан в цифровой среде, разработанную президентским Советом по правам человека⁵.

На формирование цифрового правосознания большое влияние оказывают социальные сети, отличительной особенностью ведения страниц в которых являются краткость, доступность и содержательность транслируемой информации, отвечающие модели клипового мышления. Согласно п. 3 ч. 12 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011 № Пр-1168)⁶ на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения оказывает влияние такой фактор, как распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения, в том числе в электронном виде. С 1 декабря 2022 г. в России вступили в силу поправки в Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»⁷, обязывающие государственные органы, органы местного самоуправления, подведомственные организации и суды создавать официальные страницы в социальных сетях «ВКонтакте» или «Одноклассники» и публиковать там актуальную информацию⁸.

Безусловно, создание страниц в социальных сетях, упрощающих доступ к получению информации, – это еще один шаг на пути к развитию цифрового правосознания, в том числе молодых людей. Однако многие страницы не пользуются большой популярностью. Например, на сообщество Второго кассационного суда общей юрисдикции подписано 366 человек⁹, на сообщество Департамента экономики Тюменской области – 104 человека¹⁰, и таких примеров намного больше. Причины такого положения дел могут быть самыми разными, начиная от единообразия формата подачи контента, заканчивая перегруженностью современного человека информацией.

⁴ См.: Литвинов Д. Когда в России появится цифровой кодекс [интервью «Парламентской газете» специалиста по системам искусственного интеллекта, члена Совета по правам человека И. Ашманова]. URL: <https://www.pnp.ru/social/kogda-v-rossii-rojavitsya-cifrovoy-kodeks.html> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵ Литвинов Д. Указ. соч.

⁶ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Российская газета. 2009. 13 февр.

⁸ См.: В России вступил в силу закон об обязанности госорганов вести страницы в соцсетях. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16469577> (дата обращения: 15.12.2023).

⁹ Второй кассационный суд общей юрисдикции. URL: <https://vk.com/public217171732> (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁰ Департамент экономики Тюменской области. URL: <https://vk.com/public195460482> (дата обращения: 15.12.2023).

Исследуя коммуникационную стратегию Правительства Москвы в социальных сетях, А. А. Бабаева пришла к выводу, что наиболее популярным форматом публикаций являются фото и видео, что доказывает важность создания качественных визуальных материалов [3, с. 210]. Тематические предпочтения пользователей подтверждают общую гипотезу социальных сетей: аудитория приходит в социальные сети за отдыхом от рабочих будней [3, с. 210]. При этом не стоит отрицать факт актуальности развития ведения страниц органов государственной власти в социальных сетях. Для специалистов, которые только начинают свой путь, это может стать перспективным направлением. Например, в сфере юриспруденции ведение различных рубрик в социальных сетях начинающими юристами, в том числе студентами, изложение ими трудного для восприятия материала в более простой и доступной для широкой аудитории форме, в том числе с использованием юридического дизайна, будут способствовать их профессиональному развитию, а также формированию цифрового правосознания. Тем более студенты самостоятельно иницируют создание информационных сообществ с целью освещения событий, происходящих в правовой сфере.

Примером может служить сообщество в социальной сети «ВКонтакте» проекта «Школа-практикум по конституционному правосудию “Интерес защищать”»¹¹. В нем студенты Российского государственного университета правосудия публикуют посты о событиях¹², происходящих в мире конституционного права и правосудия, рассказывают об устройстве Конституционного Суда Российской Федерации¹³ и конституционных судов мира¹⁴, разбирают самые интересные решения высших судебных органов конституционного контроля в форме инфографики¹⁵. Все посты сопровождаются визуальным материалом: схемами, фотографиями, рисунками, что отвечает специфике ведения социальных сетей, помогает подписчикам сообщества усваивать сложную информацию (такую, как постановления Конституционного Суда России в объеме 25–30 страниц) за счет ее подачи в понятной для восприятия форме. В результате качественный контент привлекает внимание не только студентов, но и преподавателей, а также профессиональных юристов. Такая практика свидетельствует о том, что у социальных сетей государственных органов, органов местного самоуправления, подведомственных организаций и судов может быть перспективное

¹¹ Школа-практикум «Интерес защищать». URL: <https://vk.com/interest2protect> (дата обращения: 15.12.2023).

¹² См., например: Оплата судебной экспертизы в гражданском процессе: продолжение истории. URL: https://vk.com/interest2protect?w=wall-216479262_378%2Fall (дата обращения: 15.12.2023).

¹³ См., например: Секретариат Конституционного Суда РФ. URL: https://vk.com/interest2protect?w=wall-216479262_223%2Fall (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁴ См., например: Конституционные суды мира: СНГ. URL: https://vk.com/interest2protect?w=wall-216479262_311%2Fall (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁵ URL: https://vk.com/interest2protect?w=wall-216479262_305%2Fall (дата обращения: 15.12.2023).

будущее благодаря молодым специалистам – студентам и выпускникам высших учебных заведений, которые владеют определенными приемами подачи информации в специализированных цифровых формах, актуальных для процесса формирования цифрового правосознания граждан.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что формирование цифрового правосознания, являясь одним из важнейших вопросов современности, осуществляется в разных направлениях, разными способами и на разных платформах. Представляется, что обязательное ведение страниц государственных органов, органов местного самоуправления, подведомственных организаций и судов в социальных сетях может стать актуальным направлением для профессионального развития ряда молодых специалистов.

Список источников

1. Егибарян Р. В., Краснов Ю. К. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 560 с.
2. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 464 с.
3. Бабаева А. А. Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов Правительства Москвы // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2021. № 3. С. 198–215.

References

1. Egibaryan, R. V., Krasnov, Yu. K. *Theory of state and law*. Textbook. Moscow: Norma, Infra-M; 2023. 560 p. (In Russ.)
2. Morozova, L. A. *Theory of state and law*. Textbook. Moscow: Norma, Infra-M; 2023. 464 p. (In Russ.)
3. Babaeva, A. A. Public authorities in social networks: analysis of accounts of the Government of Moscow. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistika = Bulletin of the Moscow University. Series 10, Journalism*. 2021;(3):198-215. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Тихон – студент 3 курса юридического факультета.

Information about the author

A. V. Tikhon – 3rd year student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 19.12.2023; одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 19.12.2023; approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Финансовое право / Financial Law

Научная статья

УДК 347.73

EDN: UFLOBR

Противодействие незаконным методам налоговой оптимизации на примере интернет-блогеров

**Даниил Валерьевич Юрков¹,
Екатерина Витальевна Подгорецкая²**

*^{1, 2} Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия,
Симферополь, Россия*

✉ ¹ vasilyuk_danya@mail.ru, ² ekaterina2003simf@mail.ru

*Научный руководитель: **Н. А. Кравченко**, к.э.н., доцент кафедры
административного и финансового права Крымского филиала
Российского государственного университета правосудия*

Аннотация. Налоговая оптимизация в определенных законом пределах позволяет налогоплательщикам уменьшить размеры уплачиваемых налогов, но зачастую налогоплательщики применяют методы и приемы незаконной налоговой оптимизации, что приводит к занижению налоговой базы и неполной уплате налогов. Об этом свидетельствуют участвовавшие в средствах массовой информации сообщения о возбуждении уголовных дел в отношении интернет-блогеров по ст. 198 УК РФ – за неуплату налогов. Выявленные факты незаконной налоговой оптимизации – занижения налоговой базы по упрощенной системе налогообложения в отношении интернет-блогеров – чаще всего связаны с дроблением бизнеса и выводом денежных средств на счет в зарубежных банках. Поскольку рынок информационных услуг стремительно развивается, то так же стремительно должны развиваться методы налогового администрирования, позволяющие отслеживать в автоматическом режиме сайты и транзакции крупных интернет-блогеров. При этом данные, собранные в автоматическом режиме, должны сопоставляться с данными бухгалтерского учета. В исследовании проанализированы механизмы налоговой оптимизации, применяемые интернет-блогерами, и предложены способы и методы противодействия им.

Ключевые слова: налоги, налоговая оптимизация, необоснованная налоговая выгода, интернет-блогер, дробление бизнеса, налоговые преступления

Для цитирования: Юрков Д. В., Подгорецкая Е. В. Противодействие незаконным методам налоговой оптимизации на примере интернет-блогеров // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 88–94.

Original article

Countering Illegal Methods of Tax Optimization by the Example of Internet Bloggers

Daniil V. Yurkov¹, Ekaterina V. Podgoretskaya²

^{1,2} Crimean Branch, Russian State University of Justice, Simferopol, Russia

✉ ¹ vasilyuk_danya@mail.ru, ² ekaterina2003simf@mail.ru

Scientific supervisor: **N. A. Kravchenko**, Candidate of Science (Economic), Associate Professor of the Administrative and Financial Law Department of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice

Abstract. Tax optimization within the limits set by law allows taxpayers to reduce the amount of taxes paid, but taxpayers often use methods and techniques of illegal tax optimization, resulting in underestimation of the tax base and incomplete payment of taxes. This is evidenced by the increasing number of reports in the media about the institution of criminal proceedings against Internet bloggers under Article 198 of the Criminal Code of the Russian Federation for non-payment of taxes. Detection of facts of illegal tax optimization – understatement of the tax base under the simplified taxation system in relation to Internet bloggers – is most often connected with the fragmentation of business and withdrawal of funds to an account in foreign banks. As the market for information services is rapidly developing, tax administration methods that allow automatic tracking of sites and transactions of large Internet bloggers should also be rapidly developed. In this case, data collected automatically should be compared with accounting data. The mechanisms of tax optimization used by Internet bloggers are analyzed to propose ways and methods of counteracting them.

Keywords: taxes, tax optimization, unjustified tax benefit, internet blogger, business splitting, tax crimes

For citation: Yurkov, D. V., Podgoretskaya, E. V. Countering illegal methods of tax optimization by the example of Internet bloggers. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):88-94. (In Russ.)

Налоговая оптимизация в определенных законом пределах позволяет налогоплательщикам уменьшить размеры уплачиваемых налогов в установленном законом порядке. Но зачастую налогоплательщики применяют методы и приемы незаконной налоговой оптимизации, что приводит к занижению налоговой базы и вследствие этого – неполной уплате налогов. Что же включает в себя категория «налоговая оптимизация»? В Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ) понятие налоговой оптимизации не отражено. В судебной практике было предложено рассматривать налоговую оптимизацию как налоговую выгоду, под которой «...понимается уменьшение размера налоговой обязанности вследствие уменьшения налоговой базы, получения налогового вычета, налоговой льготы, применения более низкой налоговой ставки...»¹.

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности полу-

Как видно, сущность налоговой оптимизации сводится к правильно-му выбору организационно-правовой формы ведения бизнеса и налогового режима, наиболее полному и правомерному применению льгот и вычетов, связанных с уплатой налогов и сборов. При этом следует отметить, что налоговой оптимизацией могут признаваться лишь правомерные действия налогоплательщиков [1, с. 256]. В связи с этим возникает вопрос о том, что является критерием правомерности налоговой оптимизации.

Нельзя не согласиться со мнением Л. А. Лушиной и А. С. Логиновой, которые выделили следующие критерии дробления бизнеса: полная взаимозависимость вновь образованных субъектов, номинальное осуществление предпринимательской деятельности, причина дробления – сокрытие налогов [2, с. 271]. Кроме того, критерий получения необоснованной налоговой выгоды указаны в ст. 54.1 НК РФ². Первый критерий, который устанавливает названная норма, заключается в том, что налоговая выгода должна быть получена не в результате искажения сведений, представляемых налогоплательщиком в налоговый орган [3, с. 250]. В письме Федеральной налоговой службы России (ФНС России) от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123 разъяснено, что «...к числу способов искажения сведений об объектах налогообложения могут быть отнесены: неотражение налогоплательщиком дохода (выручки) от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав), в том числе в связи с вовлечением подконтрольных лиц...»³.

Вторым критерием ч. 2 ст. 54.1 НК РФ называет тот факт, что совершение сделки, в результате которой возник налогооблагаемый доход, не имеет своей целью исключительно уменьшение налоговой базы или неплату налогов. В своих разъяснениях ФНС России называет отмеченный критерий «оценка операции по критерию налогового мотива»: «При разрешении вопроса о том, что являлось основной целью операции... необходимо оценивать, совершил бы налогоплательщик эту операцию исключительно по мотивам делового характера в отсутствие налоговых преимуществ...»⁴.

Наконец, третьим критерием правомерности налоговой выгоды является исполнение обязательства фактически тем лицом, которое заключило сделку или на которое такой сделкой обязательство было возложено. Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, «...цель противо-

чения налогоплательщиком налоговой выгоды» (абз. 2 п. 1) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. № 12.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

³ Письмо ФНС России от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123 «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060 «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

действия налоговым злоупотреблениям реализуется за счет исключения возможности извлечения налоговой выгоды налогоплательщиками, использующими формальный документооборот с участием компаний, не ведущих реальной экономической деятельности...»⁵.

Как видно, критерии оценки правомерности налоговой выгоды носят довольно оценочный характер, в связи с чем дальнейшее исследование данной проблематики будет проведено относительно реальных примеров, когда налоговая оптимизация признавалась незаконной.

Не так давно в СМИ появилась информация о возбуждении в отношении интернет-блогера Елены Блиновской уголовного дела по признакам состава преступления, ответственность за которое установлена ч. 2 ст. 198 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶. В основу обвинения Е. Блиновской были положены те обстоятельства, что она получала необоснованную налоговую выгоду путем «дробления бизнеса»: «...с 2019 по 2021 год Блиновская вместе с соучастниками сделала так, что ее доходы поступали на расчетные счета “взаимозависимых и подконтрольных 18 организаций и трех индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения”...»⁷

Разберем на этом примере, что представляет собой «дробление бизнеса» как неправомерное получение налогоплательщиком налоговой выгоды. Как отмечается в ранее упомянутом письме ФНС России от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123, сущность схемы дробления бизнеса заключается в том, что она направлена на неправомерное применение специальных режимов налогообложения; совершение действий, направленных на искусственное создание условий по использованию пониженных налоговых ставок, налоговых льгот, освобождения от налогообложения.

С учетом вышеуказанного определения суть схемы Е. Блиновской такова: она была зарегистрирована в качестве индивидуального предпринимателя и применяла налоговый режим упрощенной системы налогообложения (УСН), в соответствии с которой не требуется уплачивать налог на доходы физических лиц (НДФЛ), полученные в рамках осуществления предпринимательской деятельности, а также налог на добавленную стоимость (НДС), что следует из ч. 3 ст. 346.11 НК РФ. Однако есть критерии, при которых допустимо применять названный налоговый режим. Один из таких критериев – доход за отчетный период не должен превышать 200 млн руб. (ч. 4 ст. 346.13 НК РФ).

По мнению следствия, поскольку доходы Е. Блиновской превышали указанный предел для того, чтобы соответствовать критерию применения УСН, часть доходов, фактически причитающихся ей, поступали на счета третьих

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.11.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ Блогера Блиновскую задержали по делу о неуплате налогов на 918 млн руб. // Интернет-портал РБК. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 25.11.2023).

лиц, аффилированных с ней. Такое распределение доходов («дробление бизнеса») позволяло формально соответствовать требованиям ч. 4 ст. 346.13 НК РФ. В данной ситуации, если факты дробления бизнеса действительно имели место, можно судить о нарушении подп. 2 ч. 2 ст. 54.1 НК РФ.

Вполне обоснованно возникает вопрос о том, как противодействовать подобным схемам. В связи с этим в письме ФНС России от 29 декабря 2018 г. № ЕД-4-2/25984⁸ содержится поручение нижестоящим налоговым органам усилить работу по выявлению фактов дробления бизнеса, однако конкретные методы не разъясняются.

В научной литературе отмечается, что одним из методов противодействия дроблению бизнеса является выявление лиц, совместно осуществляющих деятельность, в рамках которой действительную хозяйственную деятельность ведет лишь одно лицо [4, с. 19; 5, с. 4]. Однако данный метод на практике довольно сложно применить к случаям интернет-блогеров, которые ведут свою деятельность, как правило, будучи индивидуальными предпринимателями. Деятельность индивидуальных предпринимателей менее публична по сравнению с деятельностью юридических лиц, что затрудняет выявление случаев такого формального ведения совместного предприятия для целей дробления бизнеса.

В этом контексте целесообразно рассмотреть поправки в законодательство о бухгалтерском учете⁹, которое допускает, чтобы индивидуальные предприниматели не вели бухгалтерский учет, если ими применяется УСН. Полагаем, что указанное положение подлежит исключению из действующего законодательства для целей обеспечения борьбы с дроблением бизнеса. Связано это с тем, что бухгалтерская отчетность позволяет дать достаточно полную оценку хозяйственной жизни предпринимателя, в частности, выявить предпринимателей, у которых содержание бухгалтерской документации чрезвычайно схоже, наличествуют идентичные контрагенты и иные признаки схемы дробления бизнеса.

Следует отметить, что сейчас ведется обсуждение необходимости внесения изменений в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) в части выделения для интернет-блогеров специального вида деятельности. Сейчас при регистрации интернет-блогеры выбирают в ОКВЭД п. 59.11 «Производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ», что, на наш взгляд, не в полной мере отражает специфику деятельности блогеров в социальных сетях. Однако представляется, что эти поправки не повлияют на обязанности интернет-блогера по регистрации как субъекта экономической деятельности, а лишь позволят конкретизировать перечень предоставляемых услуг и не решат проблему незаконной оптимизации, поскольку отнесение субъекта к тому или иному виду экономической деятельности не связано с возложением на него

⁸ Письмо ФНС России от 29 декабря 2018 г. № ЕД-4-2/25984 «О злоупотреблениях налоговыми преимуществами, установленными для малого бизнеса». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7344.

определенных налоговых обязанностей. Не стоит забывать также о том, что интернет-блогеры размещают на своих страницах рекламу за вознаграждение и доходы от рекламной деятельности в этом случае также подлежат налогообложению НДФЛ¹⁰, но при этом они используют хостинги социальных сетей (например, ВКонтакте).

В заключение следует отметить, что проблема борьбы с незаконной налоговой оптимизацией, применяемой интернет-блогерами, является актуальной и достаточно острой по причине отсутствия законодательного определения понятия «интернет-блогер», а также возможностей учета блогеров как экономических субъектов и, соответственно, учета их доходов в сети «Интернет». Развитие цифровых систем и платформ предопределяет формирование нового цифрового рынка информационных услуг, который требует своевременного законодательного урегулирования в том числе и в налоговой сфере.

Список источников

1. Бобринев Р. В., Гулиева Н. Б. Принципы налоговой оптимизации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 256–260.
2. Лушина Л. А., Логинова А. С. Об определении критериев разграничения законных и противоправных способов налоговой оптимизации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2022. № 2 (49). С. 260–276.
3. Кравченко Н. А., Власенко В. С. Проблемы применения пределов налоговой выгоды по статье 54.1 Налогового кодекса РФ // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 250–251.
4. Туманская В. А. Дробление бизнеса: налоговая оптимизация или необоснованная налоговая выгода // Colloquium-Journal. 2019. № 27 (51). С. 19–20.
5. Эльканова З. К. Дробление бизнеса: с чем и как «борется» налоговый орган // Финансовые и бухгалтерские консультации : электрон. изд. 2017. № 12. С. 4–7. URL: <https://www.fbk.ru/analytics/magazine/> (дата обращения: 25.11.2023).

References

1. Bobrinev, R. V., Gulieva, N. B. Principles of tax optimization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*. 2014;(4):256-260. (In Russ.)
2. Lushina, L. A., Loginova, A. S. On determining criteria for distinguishing legal and illegal methods of tax optimization. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo* = *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2022;(2):260-276. (In Russ.)
3. Kravchenko, N. A., Vlasenko, V. S. Problems of applying the limits of tax benefit under Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal* = *Eurasian Law Journal*. 2022;(9):250-251. (In Russ.)

¹⁰ Письмо ФНС от 16 июня 2021 г. № БС-4-11/8412@ «О налогообложении доходов от размещения рекламы, полученных физическими лицами – блогерами, создавшими цифровой контент». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387672/ (дата обращения: 14.12.2023).

Юрков Д. В., Подгорецкая Е. В. Противодействие незаконным методам налоговой оптимизации...

4. Tumanskaya, V. A. Business fragmentation: tax optimization or unjustified tax benefit. *Colloquium-Journal*. 2019;(27):19-20. (In Russ.)
5. Elkanova, Z. K. Business fragmentation: what and how the tax authority "fights". *Finansovye i bukhgalterskie konsul'tatsii = Financial and Accounting Consultations*. E-edition. 2017;(12):4-7. URL: <https://www.fbk.ru/analytics/magazine/> (Accessed: 25 November 2023). (In Russ.)

Информация об авторах

Д. В. Юрков – студент 4 курса бакалавриата юридического факультета;
Е. В. Подгорецкая – студент 4 курса бакалавриата юридического факультета.

Information about the authors

D. V. Yurkov – 4th year undergraduate student of the Faculty of Law;
E. V. Podhoretskaya – 4th year undergraduate student of the Faculty of Law.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 31.01.2024.

The article was submitted 21.12.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 31.01.2024.

Гражданское и административное судопроизводство / Civil and Administrative Proceedings

Научная статья

УДК 347.9

EDN: UOEVNK

Специальные полномочия представителя по доверенности в арбитражном процессе

Ирина Евгеньевна Зимина

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ irazim200902@mail.ru

*Научный руководитель: Л. В. Ярошенко, к.ю.н., доцент кафедры
гражданского и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия*

Аннотация. В статье обращается внимание на специальные полномочия представителей по доверенности в арбитражном процессе. На данный момент в связи с политической ситуацией в стране возникли некоторые ограничения в законодательстве, в частности, касающиеся проблемы взыскания денежных средств иностранными организациями через банковский счет представителя. В статье акцентируется внимание на нововведениях в Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об исполнительном производстве», а также на том, какая сложилась судебная практика в ходе внесения поправок. В заключение статьи делается вывод о том, что сложившаяся практика противоречит законодательству, а также ставит участников процесса в неравное положение, в связи с чем предлагается внести некоторые поправки, которые будут уточнять положения, касающиеся специальных полномочий представителей.

Ключевые слова: арбитражный процесс, представительство, специальные полномочия, доверенность, исполнительное производство, взыскатели

Для цитирования: Зимина И. Е. Специальные полномочия представителя по доверенности в арбитражном процессе // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 95–102.

Original article

Special Powers of Proxy in Arbitration Procedure

Irina E. Zimina

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ irazim200902@mail.ru

Scientific supervisor: **L. V. Yaroshenko**, Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Civil and Administrative Proceedings Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The article draws attention to the special powers of proxy representatives in the arbitration procedure. At the moment there are some restrictions in the legislation in connection with the political situation in the country, in particular, concerning the problem of recovery of funds by foreign organizations through the representative's bank account. In this article the author draws attention to the innovations in the Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings", as well as to the court practice developed during the amendments. The conclusion of the article summarizes the fact that the current practice is contrary to the law and also puts the parties to the process in an unequal position, in this regard some amendments should be made that will clarify the provisions, concerning special credentials of representatives.

Keywords: arbitration procedure, representation, special powers, power of attorney, enforcement proceedings, recoverers

For citation: Zimina, I. E. Special powers of proxy in arbitration procedure. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):95-102. (In Russ.)

Под специальными полномочиями представителя по доверенности понимаются права, которые предоставляются ему в ходе оформления доверенности или иного документа (например, договор поручения, агентский договор). В качестве одного из возможных специальных полномочий можно выделить возбуждение дела в арбитражном суде представителем. Данное полномочие может быть реализовано только при прямом указании на него в доверенности. При отсутствии такого указания судья на основании ст. 126 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹ (АПК РФ) отказывает в принятии искового заявления, так как оно подписано не уполномоченным на это лицом.

Другие специальные полномочия, право на совершение которых должно быть специально оговорено в доверенности или ином документе, указаны в ст. 62 АПК РФ. К их числу относятся следующие полномочия: на подписание искового заявления и отзыва на исковое заявление, заявления об обеспечении иска, передачу дела в третейский суд, полный или частичный отказ от исковых требований и признание иска, изменение основания или

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

предмета иска, заключение мирового соглашения и соглашения по фактическим обстоятельствам, передачу своих полномочий представителя другому лицу (передоверие), а также право на подписание заявления о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, обжалование судебного акта арбитражного суда, получение присужденных денежных средств или иного имущества [1, с. 116].

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»² в арбитражном и административном судопроизводстве представитель обладает правом на подачу в суд заявления о принятии обеспечительных мер, мер предварительной защиты в том случае, если соответствующее полномочие специально оговорено в доверенности или в ином документе, подтверждающем его полномочия (ч. 2 ст. 62 АПК РФ, ч. 5 ст. 54, п. 2 ч. 2 ст. 56 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ))³.

Кроме того, в арбитражном судопроизводстве, при условии, что полномочие на подписание заявления о принятии обеспечительных мер оговорено, представитель также имеет право на подачу заявления об отмене или о замене обеспечительных мер, о принятии предварительных обеспечительных мер (ч. 2 ст. 62 АПК РФ).

Для участия в деле о банкротстве в доверенности необходимо указать, в частности, следующие полномочия представителя:

- полномочие на ведение дела о банкротстве,
- право на подписание и подачу заявления о признании должника банкротом,
- право на участие в голосовании по вопросу заключения мирового соглашения⁴.

Представитель совершает свои действия на основании предоставленной ему доверенности и исключительно в интересах взыскателя с целью представления его интересов в рамках предоставленных доверенностью либо другим документом полномочий.

Помимо этого, в ч. 3 ст. 57 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»⁵ (далее – Закон № 229-ФЗ)

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты». Здесь и далее – доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024).

⁴ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

⁵ Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об исполнительном производстве».

предусмотрено, что в доверенности, выданной представителю стороной исполнительного производства, должны быть специально оговорены полномочия на совершение следующих действий:

- 1) предъявление и отзыв исполнительного документа;
- 2) передача полномочий другому лицу (передоверие);
- 3) обжалование постановлений и действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя;
- 4) получение присужденного имущества (в том числе денежных средств и ценных бумаг);
- 5) отказ от взыскания по исполнительному документу;
- 6) заключение мирового соглашения, соглашения о примирении.

Кроме того, 9 января 2023 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 624-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об исполнительном производстве”»⁶, направивший свое внимание на исключение случаев перечисления денежных средств на основании исполнительных документов в пользу взыскателей, ставящих целью легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, или финансирование терроризма.

Законом предусмотрен механизм перечисления денежных средств, подлежащих взысканию на основании исполнительных документов, исключительно на счета взыскателей, открытые в российских кредитных организациях, или казначейский счет. Согласно ч. 3 ст. 49 Закона № 229-ФЗ взыскателем является гражданин или организация, в пользу или в интересах которых выдан исполнительный документ, либо уполномоченный от имени взыскателей орган государственной власти, и в ч. 2.2 ст. 30 того же Закона закреплено: «В заявлении о возбуждении исполнительного производства на основании исполнительного документа, содержащего требование о взыскании денежных средств, указываются реквизиты банковского счета взыскателя, открытого в российской кредитной организации, или его казначейского счета, на которые следует перечислить взысканные денежные средства».

По мнению некоторых процессуалистов, в указанных положениях ничего не упоминается о реквизитах счета представителя взыскателя. Значит ли это, что в порядке исполнения судебного акта невозможно осуществить перевод денежных средств на счет представителя взыскателя с депозитного счета судебных приставов? Предполагается, что приведенные ранее общие нормы Закона № 229-ФЗ, а равно и процессуальных кодексов о возможности указания в доверенности специального права на получение присужденных денежных средств позволяют утверждать, что никаких препятствий перечислить уполномоченному представителю причитающиеся взыскателю денежные средства нет, хотя про реквизиты представителя взыскателя ничего прямо и не говорится [2, с. 294].

Неправомерным следует признать отказ пристава перевести денежные средства на счет представителя взыскателя в данной ситуации.

Судебная практика применения данных норм по этому вопросу не является единообразной.

⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 624-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об исполнительном производстве”».

Так, заявитель – РОИ ВИЖУАЛ КО. ЛТД обратился в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением, где просил обязать судебного пристава-исполнителя, начальника отдела – старшего судебного пристава перечислить денежные средства по исполнительному производству № 185310/22/78017-ИП на расчетный счет представителя взыскателя по доверенности Ассоциации «Бренд».

При вынесении данного решения судом было установлено, что заявитель приложил доверенность от 20 января 2022 г., выданную Ассоциации «Бренд», в которой указывается полномочие представителя на получение денежных средств на личный банковский счет.

Суд ссылаясь на ч. 3 ст. 49 и ч. 2.2. ст. 30 Закона № 229-ФЗ и пришел к выводу, что действующим законодательством не предусматривается перечисление взысканных в ходе исполнительного производства денежных средств на банковские счета представителей по доверенности или иных лиц. Взыскателю следует иметь открытый банковский счет в российской кредитной организации для перечисления взысканных денежных средств. В требованиях заявителя суд отказал⁷.

В ряде решений суды ссылаются на письмо ФССП России от 10 марта 2023 г. № 00011/23/46400-ОП⁸, в котором говорится, что с 9 января 2023 г. не допускается перечисление с депозитных счетов Федеральной службы судебных приставов взысканных денежных средств третьим лицам, не являющимся взыскателями, в том числе на банковские счета представителей по доверенности⁹.

Помимо этого, суды ссылаются на ч. 1 ст. 110 Закона № 229-ФЗ, важным аспектом которого является указание на то, что денежные средства, подлежащие взысканию, первоначально перечисляются на депозитный счет службы судебных приставов, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. Перечисление денежных средств на российский банковский счет взыскателя или казначейский счет осуществляется в порядке очереди (ч. 3 и 4 указанной статьи) в течение пяти дней со дня поступления на депозитный счет службы судебных приставов. При отсутствии сведений о реквизитах российского банковского счета взыскателя или казначейского счета взыскатель уведомляется судебным приставом-исполнителем о поступлении денежных средств на депозитный счет службы судебных приставов.

⁷ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 31 октября 2023 г. по делу № А56-52787/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e8ed2d23-961c-42b8-a469-eb48c5afaed0>.

⁸ Письмо ФССП России от 10 марта 2023 г. № 00011/23/46400-ОП по разъяснению требований Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 624-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об исполнительном производстве”».

⁹ См. решение Арбитражного суда Кемеровской области от 13 сентября 2023 г. № А27-10170/2023; решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 10 июля 2023 г. по делу № А65-9653/2023; решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 11 июля 2023 г. по делу № А65-13772/2023; решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 27 июля 2023 г. по делу № А65-12688/2023; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 октября 2023 г. по делу № А65-9653/2023.

Из-за череды отказов в удовлетворении судами исковых требований о признании незаконным отказа судебного пристава в возбуждении исполнительного производства по причине неуказания на реквизиты счета взыскателя представители отказываются оспаривать дела в суде апелляционной инстанции¹⁰.

Правила ст. 185 Гражданского кодекса Российской Федерации¹¹ дают право взыскателю уполномочить другое лицо на представительство в указанных отношениях, но при том условии, что на представителе по-прежнему лежит обязанность исполнить требование федерального закона о необходимости указания реквизитов банковского счета взыскателя, на который следует перечислить взысканные денежные средства.

Федеральный закон не предусматривает в рассматриваемом случае возможности указывать реквизиты банковского счета только представителя взыскателя, который не указывается в исполнительном производстве в качестве взыскателя.

Устанавливая требование о том, что в заявлении взыскателя, направляемом вместе с исполнительным документом для исполнения, указываются реквизиты банковского счета взыскателя, на который должны быть перечислены средства, подлежащие взысканию, норма не ограничивает получение взыскателем либо его представителем, действующим на основании доверенности, наличных денег с банковского счета взыскателя. Указание в заявлении реквизитов банковского счета, принадлежащего именно взыскателю, а не его представителю, не может рассматриваться как недопустимое условие исполнения исполнительного документа, поскольку участником рассматриваемых правоотношений является взыскатель, а не его представитель¹². В данном случае исполнительный документ исполнен, но спор касается не исполнения исполнительного документа, а порядка совершения действий судебным приставом-исполнителем в отношении перечисления средств с депозита отдела судебных приставов.

Кроме того, встречается полностью противоположная практика судов. Одним из таких примеров является постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25 июля 2023 г. № Ф10-3050/2023¹³. Судами предыдущих инстанций было установлено, что имеется доверенность, выданная Ровио Энтертеймент Корпорейшн (далее – корпорация) представителю Дудченко Ю. С.

¹⁰ Определение Арбитражного суда Тульской области от 26 сентября 2023 г. по делу № А68-8744/2023. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/01c8a9f0-0490-4ecb-acee-fb7c82e44b71/4806e41a-26af-406c-bb5237cf9a246e9d/A68-8744-2023_20230926_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023).

¹² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2007 г. № 307-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Федотовой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав абзацем первым пункта 2 статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации».

¹³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25 июля 2023 г. № Ф10-3050/2023 по делу № А09-10417/2022.

Во-первых, суд не нашел нарушений в доверенности; во-вторых, суд сослался на пункт доверенности, который давал право представителю представлять интересы принципала в исполнительном производстве, включая право получать имущество в соответствии с решением суда (в том числе наличные денежные средства и банковские переводы, ценные бумаги/обеспечения и материальные ценности).

В данном случае суд ссылается на тот же п. 4 ч. 3 ст. 57 Закона № 229-ФЗ и говорит о том, что действующее законодательство не содержит прямого запрета на перечисление поступивших в пользу взыскателя денежных средств на счета его представителей, если такое полномочие на получение присужденного имущества оговорено в доверенности.

Суд не находит противоречия закону, поскольку счет представителя открыт в российской кредитной организации, а довод о том, что корпорация является иностранной компанией, отклоняет. На основании изложенного суд признает незаконным бездействие судебного пристава-исполнителя в части нераспределения денежных средств в рамках исполнительного производства.

Аналогичный правовой подход отражен в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2021 г. № 301-ЭС21-13861¹⁴, где также говорится об отсутствии запрета в законодательстве на перечисление денежных средств взыскателя на счета его представителей при наличии специального полномочия.

Таким образом, проанализировав нормы права и судебную практику, можно сделать вывод, что на сегодняшний день законодателем не предусмотрена возможность перечислять средства взыскателя на счет представителя по доверенности, даже если такое полномочие прописано в доверенности, при этом нет и прямого запрета в законе на осуществление подобного полномочия. Соответственно, суды в большинстве своем остаются на стороне судебных приставов при рассмотрении заявлений об оспаривании отказа судебных приставов в возбуждении исполнительного производства в случае, когда заявитель не указывает в заявлении номер банковского счета, открытого в российском банке, на который следует перечислять взыскиваемые денежные средства. На сегодняшний день взыскатели не имеют возможности иными способами получить присужденные денежные средства, кроме как открыв счет в российском банке.

В целом видится, что разъяснения рассматриваемых норм и сложившаяся практика противоречат нормам п. 4 ч. 3 ст. 57 Закона № 229-ФЗ, который предусматривает в качестве специального полномочия представителя получение присужденного имущества, в том числе денежных средств и ценных бумаг. Разъяснения, данные законодателем и применяемые на практике, весьма неоднозначно толкуют названные нормы и противоречат самому

¹⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2021 г. № 301-ЭС21-13861 по делу № А28-10554/2020. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27092021-n-301-es21-13861-po-delu-n-a28-105542020/?ysclid=lrmm6tte6n44039607>.

духу права. Из этого следует, что законодателю нужно внести более конкретные формулировки в нормы Закона № 229-ФЗ, поскольку на сегодняшний день участники судопроизводства – граждане, организации Российской Федерации и граждане, организации иностранных государств находятся не в равном положении. В статье 57 Закона № 229-ФЗ должен быть определен порядок перечисления денежных средств представителям взыскателей – иностранных организаций с целью установления равных прав для всех участников исполнительного производства. Также следует внести в Закон № 229-ФЗ дополнения по поводу реквизитов счетов самих представителей.

Другой вопрос, что не совсем понятно, в чем состоит сложность для иностранных организаций открыть счет в российском банке и получить свои средства. Вероятней всего, данные сложности возникают, во-первых, на фоне политических событий в мире, вызывающих ощущение нестабильности; во-вторых, если иностранное лицо откроет счет в российском банке, ему придется встать на учет в налоговом органе, а соответственно, и платить налог; и, в-третьих, возможны опасения, что денежные средства до них не дойдут. В любом случае все эти особенности законодателем должны быть учтены и уточнены в статье о специальных полномочиях представителя.

Список источников

1. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Челышев. М. : Статут, 2010. 570 с. (СПС «КонсультантПлюс».)
2. Зайченко Е. В. О проблемах реализации полномочия представителя взыскателя на получение присужденных денежных средств: все сомнения не в пользу // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 294–316.

References

1. Valeev, D. Kh., Chelyshev, M. Yu., eds. *Arbitration process*. Textbook. Moscow: Statut; 2010. 570 p. (In Russ.) (LRS "ConsultantPlus".)
2. Zajchenko, E. V. On the problems of exercising the authority of the representative of the claimant to receive the awarded funds: all doubts are not in favor. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of the Civil Procedure*. 2020;(6):294-316. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Е. Зими́на – студент 4 курса юридического факультета.

Information about the author

I. E. Zimina – 4th year student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 01.03.2024.

Научная статья

УДК 347.941

EDN: VOFUQS

Особенности процесса доказывания по делам о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в сфере семейных правоотношений

Виктория Артуровна Селивончик

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ selivon4ik99@yandex.ru

*Научный руководитель: М. Е. Поскребнев, к.ю.н., доцент кафедры
гражданского и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика процесса доказывания по делам, связанным с признанием сделок недействительными и применением последствий их недействительности в сфере семейных правоотношений. Также раскрывается проблема такого понятия, как «крайне неблагоприятное положение» при признании брачного договора недействительным. Проведен анализ доказательств, которые следует предоставлять сторонам такого спора в процессе, рассмотрены также такие категории, как предмет доказывания, распределение бремени доказывания, средства защиты как истца, так и ответчика (например, предъявление встречного иска). Проведен анализ судебной практики, показывающий проблему оценочного понятия «крайне неблагоприятное положение» как основания для признания брачного договора недействительным, в связи с чем сделан вывод об отсутствии единообразия оценки обстоятельств по данной категории дел.

В рамках проведенного исследования рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в сфере семейных правоотношений сделан вывод о необходимости приведения судебной практики к единообразному применению норм права при разрешении споров, так как его отсутствие представляется проблемой как для лиц, участвующих в процессе, так и для судов.

Ключевые слова: процесс доказывания, недействительность сделки, брачный договор, крайне неблагоприятное положение

Для цитирования: Селивончик В. А. Особенности процесса доказывания по делам о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в сфере семейных правоотношений // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 103–114.

Original article

Features of the Proof Process in Cases of Invalidation of Transactions and the Application of the Consequences of Invalidity of Transactions in the Field of Family Relations

Victoria A. Selivonchik

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ *selivon4ik99@yandex.ru*

Scientific supervisor: **M. E. Poskrebnev**, Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Civil and Administrative Legal Proceedings Department of the Russian State University of Justice

Abstract. This article examines the problems of the proof process in cases related to the recognition of transactions as invalid and the application of the consequences of their invalidity in the field of family relations. The problem of such a concept as an “extremely unfavorable position” when recognizing a marriage contract as invalid is also revealed.

This article reveals the process of proving cases of invalidation of transactions and the application of the consequences of invalidity of transactions in the field of family relations. The analysis of the evidence that should be provided to the parties to such a dispute in the process is carried out, such categories as the subject of proof, the distribution of the burden of proof, and remedies for both the plaintiff and the defendant (for example, filing a counterclaim) are also considered. The analysis of judicial practice has been carried out, showing the problem of the evaluation category “extremely unfavorable situation” as grounds for invalidating a marriage contract, and therefore, it is concluded that there is no uniformity in the assessment of circumstances in this category of cases.

Within the framework of the conducted research, it is determined that in the field of consideration of cases on invalidation of transactions and the application of the consequences of invalidity of transactions in the field of family relations it seems necessary to bring judicial practice to a uniform application of legal norms, since this seems to be a problem both for persons involved in the process and for the courts.

Keywords: procuring evidence, invalid transaction, prenuptial agreement, extremely unfavorable situation

For citation: Selivonchik, V. A. Features of the proof process in cases of invalidation of transactions and the application of the consequences of invalidity of transactions in the field of family relations. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):103-114. (In Russ.)

Институт недействительности сделок и применения последствий их недействительности является одним из основных в гражданском праве Российской Федерации и призван защищать права и интересы законных участников гражданских правоотношений. Несмотря на сравнительно небольшое количество общих норм о недействительности сделок, они имеют весомое значение для стабильности имущественного положения участников гражданского оборота, в том числе в случаях осуществления ими эко-

номической деятельности. Сохраняющаяся актуальность раскрытия правового содержания особых обстоятельств, подлежащих доказыванию при рассмотрении споров о признании недействительными сделок, осложненных семейными правоотношениями, обусловлена как изменяющимися условиями заключения брачных договоров на современном этапе развития семейных правоотношений, так и возникновением в судебной практике различных правовых конструкций данных сделок, требующих научного анализа.

В сфере семейных отношений представляются интересными и актуальными для исследования процессуальные вопросы признания недействительной такой сделки, как брачный договор. Так, на практике встречаются случаи, когда супруг, заключая брачный договор, преследует цели, отличающиеся от критериев добросовестного поведения (ст. 10 ГК РФ¹), злоупотребляет правами как при его заключении, так и при исполнении сделки, что влечет нарушение законных интересов второго супруга, требующих судебной защиты, в том числе путем признания брачного договора недействительным. Наиболее часто брачный договор признается таковым на основании того, что его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Однако при разрешении подобных споров суды сталкиваются с рядом проблем, которые, в первую очередь, вытекают из оценочного характера указанного основания.

Наиболее актуальной проблемой в рассматриваемой теме представляется отсутствие единого подхода к оценке доказательств, являющихся значимыми для рассмотрения дела. Далее в статье будут приведены примеры судебных решений, в которых схожие обстоятельства оценивались судам по-разному, что приводило к вынесению противоположных по отношению друг к другу решений.

Объектом исследования данной статьи является доказательственный процесс в рамках рассмотрения дел о признании сделки недействительной в сфере семейных правоотношений. В рамках правового исследования были проанализированы письменные доказательства по данным делам, приведен пример использования свидетельских показаний, определены обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Доказательственное право – один из основных институтов в гражданском процессуальном праве. Он находит свое отражение почти на всех стадиях судебного процесса. Особенность доказывания именно в семейных правоотношениях заключается в том, что они:

1) имеют специфический субъектный состав, т. е. в них участвуют граждане, имеющие те или иные особые качества: супруги (бывшие супруги), лица, вступающие в брак, родители, дети, близкие родственники, опекуны, попечители, усыновители/удочерители и др.;

2) в содержании личных семейных правоотношений так или иначе присутствует тесная взаимосвязь формально-юридических и нравственных

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

начал [1, с. 583–584, 616–627]. Это активно проявляет себя при формировании предмета доказывания (например, факта злоупотребления своими правами одним из супругов), выборе средств доказывания, оценке доказательств;

3) при разрешении в судебном процессе семейных споров прямо или косвенно затрагиваются интересы ребенка и (или) интересы семьи, интересы социально слабой стороны, в связи с чем усиливаются публичные интересы в механизме семейно-правового регулирования [2, с. 35–52], что определяет особенности установления юридически значимых обстоятельств с распределением судом бремени их доказывания каждой стороной процесса в целях выявления реальных интересов ребенка (реже – иных лиц) с учетом той или иной степени влияния на него спорного правоотношения и результатов разрешения такого спора. Активная роль суда в разрешении указанной категории споров вытекает из предписанной семейным законом его обязанности разрешать не заявленные сторонами процесса вопросы. Например, по делам о расторжении брака суд обязан разрешить вопросы о месте проживания ребенка и взыскании в его/ее пользу алиментов (ст. 24 СК РФ²), лишении родительских прав, отмене усыновления/удочерения – взыскании алиментов (п. 3 ст. 70, п. 5 ст. 73, п. 4 ст. 143 СК РФ) [3, с. 254].

Статья 44 СК РФ регулирует вопросы, связанные с признанием брачного договора недействительным. Данная статья имеет отсылочный характер, а именно указывает на необходимость применения к таким отношениям положений гражданского законодательства.

Так, согласно ст. 44 СК РФ, брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством для недействительности сделок. Суд может также признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение. Условия брачного договора, нарушающие другие требования п. 3 ст. 42 СК РФ, ничтожны.

Действительность сделки – это такое качество сделки, которое при выраженном в надлежащей форме волеизъявлении ее участников порождает те правовые последствия, к которым стремились субъекты правоотношения [4, с. 224; 5, с. 117].

Особый интерес вызывает так называемое «крайне неблагоприятное положение одного из супругов», которое является основанием для признания брачного договора недействительным.

В качестве примера может быть приведен спор, в рамках которого были заявлены требования о признании недействительным брачного договора и о разделе совместно нажитого имущества. Истец полагала, что условия брачного договора ставят ее в крайне неблагоприятное положение, поскольку имущество сторонами приобреталось в период брака на совместно

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

нажитые денежные средства, при этом на имя супруги в период брака никакое имущество не оформлялось³.

Отказывая в удовлетворении иска, суды первой и второй инстанции исходили из того, что на момент заключения брачного договора истец располагала полной информацией об условиях договора, изменяющих режим совместной собственности супругов, добровольно приняла на себя все права и обязательства, определенные договором, и собственноручно его подписала в условиях разъяснения ей нотариусом смысла, правового значения и последствий заключения условий договора. Впоследствии брачный договор не изменялся и не дополнялся, в связи с чем не имеется оснований полагать, что истец не осознавала значение подписанного документа, не понимала условий договора и вытекающих из него последствий при прекращении брака либо считала договор формальностью.

В качестве обоснования своих доводов истец предоставила в суд копию брачного договора, копии договоров, подтверждающих покупку и отчуждение ей имущества в период брака, и иные документы, регулирующие имущественные права.

Суд отклонил доводы истца о том, что условия договора ставят ее в крайне неблагоприятное положение, указав, что возможность отступления от равенства долей предусмотрена действующим законодательством, в том числе с учетом осуществления супругом предпринимательской деятельности в сфере купли-продажи, аренды и управления недвижимым имуществом, что обусловило заключение брачного договора в целях превентивной защиты его интереса на сохранение приобретенного имущества при прекращении брачных правоотношений.

Суд кассационной инстанции не согласился с указанными выводами судов, поскольку судами первой и апелляционной инстанций не дана соответствующая оценка представленным истцом доказательствам, отменил принятые судебные акты и направил дело на новое рассмотрение.

Еще одним примером разрешения спора о признании недействительным брачного договора является определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 6 апреля 2021 г. по делу № 88-7652/2021⁴, при рассмотрении которого кассационным судом сделаны выводы о том, что включенное в договор условие о возникновении у одного из супругов в случае расторжения брака обязательства приобрести на имя второго супруга квартиру, соответствующую определенным параметрам, не ставит истца в крайне неблагоприятное положение, так как диспропорция в распределении имущества между супругами, влекущая возможность признания договора недействительным, отсутствует, поскольку доказательств заключения брачного договора под влиянием заблуждения, имеющего существенное

³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2022 г. № 88-3406/2022. Здесь и далее – доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

⁴ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 6 апреля 2021 г. по делу № 88-7652/2021.

значение, истцом не представлено, а оценка доказательств и отражение ее результатов в судебных актах являются проявлением дискреционных полномочий судов первой и апелляционной инстанций.

Таким образом, суды, разрешая вопрос о том, способно ли исполнение условий брачного договора поставить одну из сторон в крайне неблагоприятное положение, в каждом конкретном случае на основе оценки представленных сторонами доказательств по правилам, предусмотренным ст. 67 и 71 ГПК РФ⁵, устанавливают все фактические обстоятельства дела, производят оценку правовых последствий заключенного сторонами соглашения с позиции влияния его условий на имущественное состояние каждого из супругов в целях обеспечения баланса их интересов при расторжении брака. Данный правовой подход к оценке указанных обстоятельств изложен в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»⁶ и предусматривает с учетом положений п. 3 ст. 42 СК РФ возможность признания по требованию супруга недействительными таких условий брачного договора, вследствие которых один из супругов полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака, относя такие условия к категории крайне неблагоприятного положения.

Вместе с тем судебная практика по рассматриваемой категории споров при схожих источниках доказательств не демонстрирует единообразия в применении и правовой оценке существенно не отличающихся между собой условий брачных договоров.

Таким образом, в одном из анализируемых дел истец подала иск о лишении ответчика (бывшего супруга) права пользования жилым помещением, которое, согласно брачному договору, было ее личной собственностью. В ответ на это ответчик подал встречный иск о признании брачного договора недействительным, так как он считал, что такое условие ставит его в крайне неблагоприятное положение, поскольку, помимо спорной квартиры, другого имущества в браке не было. Суд, основываясь на п. 2 ст. 44 СК РФ, удовлетворил встречный иск ответчика, а в удовлетворении первоначального иска было отказано⁷. Однако в некоторых ситуациях, когда обстоятельства были похожи, суды принимали противоположное решение и отказывались признавать брачные договоры недействительными. В таких договорах были предусмотрены условия, при которых, например, единственная квартира (если не было другого имущества) становилась соб-

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

⁷ Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 26 мая 2021 г. № 2-777/2021. URL: <https://mos-gorsud.ru>.

ственностью только одного из супругов⁸ или личная квартира, приобретенная супругой до брака, переходила в собственность супруга в случае развода без какой-либо компенсации⁹ и т. д.

Как правило, для удовлетворения требований об оспаривании сделки истцу необходимо в условиях состязательного судебного процесса доказать, что согласно условиям брачного договора он лишается почти всего имущества, приобретенного в период брака. Например, Московский городской суд, отменяя решение суда первой инстанции, признал недействительным брачный договор, в соответствии с которым одному супругу в единоличную собственность были переданы жилое помещение и земельный участок, а другому супругу не передавалось ничего¹⁰, т. е. условия брачного договора настолько нарушали его имущественные права, что с очевидностью свидетельствовали о постановке этого супруга в крайне неблагоприятное положение.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что особенности процессуального поведения спорящих в судебном процессе супругов и их представителей, реализация ими тех или иных правовых стратегий в рассматриваемом деле или группе взаимосвязанных дел с учетом располагаемых ими доказательств и способности обосновать посредством раскрытия их содержания наличие юридически значимых обстоятельств, способны настолько повлиять на результат рассмотрения дела, что при внешне схожих обстоятельствах вследствие реализации принципа состязательности судебного процесса он будет существенно различаться.

При этом исходя из общих правил оспаривания сделки бремя доказывания наличия обстоятельств, являющихся основанием для признания ее недействительной, возлагается на истца. Исходя из правовой природы брачного договора и его законодательного регулирования данная сделка полностью или в соответствующей части может, с учетом положений ст. 167 ГК РФ и ст. 42 СК РФ, являться как ничтожной, так и оспоримой, что соответственно возлагает на лицо, заявляющее о ее недействительности, обязанность доказать его доводы в этой части.

Так, брачный договор может быть ничтожным как по общим основаниям гражданского законодательства, если он заключен с недееспособным лицом (ст. 171 ГК РФ), является притворной или мнимой сделкой (ст. 170 ГК РФ), так и по специальным основаниям, предусмотренным семейным законодательством, если договор содержит условия, ограничивающие правоспособность или дееспособность супругов, их право на судебную защиту, право на получение содержания вследствие утраты трудоспособности, регулирует иные не свойственные данному виду договора

⁸ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16 января 2018 г. № 33-681/2018.

⁹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 12 сентября 2017 г. № 33-18893/2017.

¹⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 10 августа 2020 г. по делу № 33-16703/2020.

права и обязанности, например личные неимущественные отношения супругов, их права и обязанности в отношении детей (п. 3 ст. 42, п. 2 ст. 44, ст. 89–90 СК РФ), а также если не соблюдена нотариальная форма удостоверения договора (п. 2 ст. 41 СК РФ).

Соответственно, оспоримым брачный договор должен признаваться также по общим условиям гражданского законодательства в том случае, если он заключен с лицом, которое в момент заключения договора было не способно понимать и отдавать себе отчет о значении своих действий (ст. 177 ГК РФ), или если заключение указанного договора сопровождалось насилием, угрозами, обманом либо один из супругов был введен в заблуждение или находился в неблагоприятных жизненных обстоятельствах (ст. 178–179 ГК РФ), а также если одна из сторон договора по решению суда ограничена в дееспособности (ст. 176 ГК РФ). Но договор может быть оспоримым и по специальному основанию, предусмотренному семейным законодательством, если брачный договор заключен с условиями, ставящими одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (п. 2 ст. 44 СК РФ).

Заявленные участвующим в деле лицом основания признания или квалификации сделки недействительной определяют особенности доказывания соответствующих обстоятельств и исполнения с учетом положений ст. 56 ГПК РФ процессуальной обязанности раскрытия доказательств, на которые ссылаются спорящие стороны в обоснование своих требований и возражений.

Можно выделить следующие обстоятельства, которые входят в предмет доказывания по данной категории дел:

1) факт регистрации брака, так как законодатель предусматривает возможность заключения брачного договора и до фактического вступления в брак (однако вступает в силу он уже после государственной регистрации брака);

2) факт заключения брачного договора между супругами и соблюдения требований к его форме и содержанию;

3) обстоятельства, свидетельствующие о наличии оснований недействительности сделки, предусмотренные гражданским и семейным законодательством, на которые ссылается истец при инициировании судебного разбирательства или на которые ссылается ответчик, возражая против удовлетворения соответствующего иска приведением доводов о ничтожности брачного договора;

4) обстоятельства, подтверждающие или опровергающие то, что положения брачного договора ставят супруга, обратившегося с иском, в крайне неблагоприятное положение;

5) обстоятельства, свидетельствующие о ничтожности условий брачного договора (например, ограничение правоспособности и дееспособности одного из супругов и т. д.);

6) иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

При этом следует отметить, что если доводы о ничтожности или незаключенности брачного договора приводятся ответчиком в качестве защи-

ты от предъявленного к нему иска имущественного характера, например, касающегося исполнения обязательства передать какое-либо имущество или совершить иные действия имущественного характера, то обоснование данных доводов возможно в процессуальной форме отзыва на иск, но если возражения ответчика основаны на доводах о недействительности оспори-мой сделки, то их обоснование возможно только путем заявления встреч-ного иска или при наличии вступившего в законную силу решения суда по другому делу, которым такая сделка признана недействительной, что сле-дует из разъяснения, содержащегося в п. 71 Постановления Пленума Вер-ховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О приме-нении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹¹.

В качестве доказательств, которые могут быть представлены суду в обо-снование требований и возражений при рассмотрении споров, связанных с признанием недействительными брачных договоров, следует выделить следующие письменные доказательства:

- 1) свидетельство о регистрации брака или его расторжении;
- 2) брачный договор, дополнительные соглашения к нему или соглашение о его расторжении;
- 3) документы, свидетельствующие о том, что сторона сделки была спо-собна или не способна при заключении брачного договора понимать значе-ние своих действий или руководить ими;
- 4) доказательства, подтверждающие основания исковых требований, в соответствии с которыми истец просит признать брачный договор недей-ствительным [6, с. 218].

Таковыми доказательствами могут быть выписки из государственных ре-естров и реестров, ведение которых осуществляется специализированны-ми регистраторами, подтверждающие, что приобретенные в период бра-ка имущество, имущественные права и ценные бумаги были оформлены на одного из супругов или в пропорционально неравноценных долях, что при наличии в брачном договоре условия о недопустимости раздела такого имущества нарушает законные интересы второго супруга как участника сделки, ставя его в крайне неблагоприятное положение, и позволяет ему требовать судебной защиты своих прав.

Также могут иметь место обстоятельства, когда заключение брачного договора было совершено путем введения в заблуждение или обмана, на-силия, угрозы либо в результате стечения тяжелых обстоятельств. Можно смоделировать ситуацию, когда один из супругов находился в тяжелом бо-лезненном состоянии и, воспользовавшись этим, другой супруг обманом заставил его подписать брачный договор. Для доказывания данных об-стоятельств могут быть представлены справки/заключения медицинских учреждений, рецепты о назначении соответствующих лекарств и чеки об их приобретении, а также лица, участвующие в деле, вправе ходатайство-вать о вызове в судебное заседание свидетелей, в частности из числа ме-дицинского персонала, который занимался лечением болеющего супруга.

¹¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Для доказывания данных обстоятельств по делу судом могут быть назначены судебно-медицинские экспертизы, выводы которых в совокупности с другими доказательствами могут свидетельствовать о том, что в момент заключения брачного договора соответствующий супруг не мог в полной мере отдавать отчет своим действиям, руководить ими и, как следствие, не мог оценить условия договора, ставящие его в крайне неблагоприятное положение.

Исходя из вышеприведенных доводов, можно утверждать, что проблемы квалификации брачных договоров как заключенных на невыгодных условиях для одной из сторон являются актуальными, и для обеспечения единообразия судебной практики представляется необходимым более точное законодательное урегулирование данного правового понятия.

Следует отметить, что термин «крайне неблагоприятное положение одного из супругов» является оценочным. Действующее семейное законодательство не предоставляет четкого перечня признаков для определения подобного положения супруга. Фактически этот «порог» может значительно различаться в зависимости от категории граждан. В каждом отдельном случае судья самостоятельно принимает решение в рамках своих полномочий и исходя из конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Более того, отсутствие четких критериев для «крайне неблагоприятного положения» усложняет прогнозирование исхода разрешения споров [7, с. 223].

Конституционный Суд Российской Федерации относительно данного понятия говорит следующее. Используемая в п. 2 ст. 44 СК РФ в целях закрепления основания для признания брачного договора недействительным описательно-оценочная формулировка «условия договора, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение» не свидетельствует о неопределенности содержания данной нормы: разнообразие обстоятельств, оказывающих влияние на имущественное положение супругов, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе. Использование федеральным законодателем в данном случае такой оценочной характеристики преследовало цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, что само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод заявительницы, перечисленных в жалобе¹².

Тем не менее кажется, что указанная юридическая проблема требует законодательного урегулирования. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении отмечает, что невозможно создать исчерпывающий перечень обстоятельств, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, и представляется, что это действительно так. Несмотря на это, существует необходимость установить общие критерии, с помощью которых можно будет оценить каждое конкретное дело о признании брачного договора недействительным на основании п. 2 ст. 44 СК РФ,

¹² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 г. № 779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации».

которые помогут судам при оценке данного обстоятельства отнести или не отнести его к категории «крайне неблагоприятного положения». Можно допустить, что повысить уровень судебного доказывания данных обстоятельств способно введение в судебную практику количественного и качественного критериев рассматриваемого понятия, что может быть сделано путем дополнения соответствующими разъяснениями п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». Количественным критерием признания условий брачного договора ставящими супруга в крайне неблагоприятное положение может быть такое распределение имущества супругов, которое значительно, например в два и более раза, сокращает стоимость имущества, подлежащего передаче одному из супругов, по отношению к стоимости имущества, остающегося у другого супруга, или полностью лишает одного из супругов права на имущество, нажитое в период брака. Качественный критерий квалификации условий брачного договора как ставящих супруга в крайне неблагоприятное положение может быть определен через существенное негативное изменение вследствие раздела имущества уровня (качества) жизни одного или супругов или невозможность дальнейшего осуществления им своей профессиональной, творческой и иной социально полезной деятельности.

Формулирование на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации предлагаемых выше и, возможно, также иных критериев квалификации крайне неблагоприятного положения, в которое супруг поставлен условиями оспариваемого брачного договора, будет способно не только в известной степени стандартизировать критерии процессуального доказывания участвующими в деле лицами юридически значимых обстоятельств, но и установить пределы судейского усмотрения в их правовой оценке, позволив обеспечить необходимый уровень единообразия судебной практики и предсказуемости результата разрешения спора. Достигнутая таким образом правовая определенность, как представляется, сможет повлиять на сокращение количества споров, связанных с признанием/квалификацией брачных договоров или их отдельных условий в качестве недействительных (оспоримых/ничтожных), путем достижения положительного результата их самостоятельного урегулирования участниками правоотношения на досудебных стадиях, что позволит повысить качество судебного рассмотрения действительно сложных и требующих глубокого исследования семейных споров, преодоление разногласий по которым без участия суда является невозможным.

Список источников

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань : Бр. Башмаковы, 1905. 838 с.
2. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М. : Городец, 2007. 192 с.
3. Тарусина Н. Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 254–273.

4. Трофимова П. Ф. Признание брачного договора недействительным // Академическая публицистика. 2019. № 11. С. 224–229.
5. Гогурчунова З. С. Признание брачного договора недействительным в судебном порядке // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 116–119.
6. Решетникова И. В. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве. 7-е изд., доп. и перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2021. 472 с. (СПС «Консультант-Плюс».)
7. Шумова К. А., Сидорова С. В. Брачный договор: основные аспекты, признание недействительным договора в суде // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6, № 8. С. 222–225.

References

1. Shershenevich, G. F. *Textbook of Russian civil law*. Kazan: Bashmakov br.; 1905. 838 p. (In Russ.)
2. Ilyina, O. Yu. *Problems of interest in family law of the Russian Federation*. Moscow: Gorodets; 2007. 192 p. (In Russ.)
3. Tarusina, N. N. Evidence in civil cases considering personal family relations: challenges of the genre. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*. 2019;(1):254-273. (In Russ.)
4. Trofimova, P. F. Recognition of the marriage contract as invalid. *Akademicheskaya publitsistika = Academic Journalism*. 2019;(11):224-229. (In Russ.)
5. Gogurchunova, Z. S. Recognition of a marriage contract invalid in a judicial proceeding. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State Service and Personnel*. 2022;(1):116-119. (In Russ.)
6. Reshetnikova, I. V. *Handbook of Evidence in civil Proceedings*. 7th ed., sup. and rev. Moscow: Norma, Infra-M; 2021. 472 p. (In Russ.) (SPS "ConsultantPlus".)
7. Shumova, K. A., Sidorova, S. V. Marriage contract: basic aspects, recognition of the valid agreement in the court. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2020;6(8):222-225. (In Russ.)

Информация об авторе

В. А. Селивончик – студент 2 курса магистратуры юридического факультета.

Information about the author

V. A. Selivonchik – 2nd year graduate student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Уголовный процесс и криминалистика / Criminal Procedure and Criminology

Научная статья

УДК 343.1

EDN: VUBQDD

Обеспечение прав несовершеннолетних обвиняемых в уголовном судопроизводстве

Дарья Андреевна Андреева

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ *dashadacha123456789@gmail.com*

*Научный руководитель: **Е. В. Марковичева**, д.ю.н., доцент, профессор
кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной
Российского государственного университета правосудия*

Аннотация. Социально-возрастная незрелость подростков, совершающих преступления, требует особых правил производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В основе дифференцированной формы производства по таким делам лежат дополнительные гарантии обеспечения прав несовершеннолетних уголовно преследуемых лиц. В качестве теоретической основы для данной статьи были взяты опубликованные результаты научных исследований по проблемам обеспечения прав лиц, в отношении которых ведется производство по правилам, установленным главой 50 УПК РФ.

В статье определены основные особенности обеспечения прав несовершеннолетних в российском уголовном процессе, внесены предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Сделан вывод, что современный российский уголовный процесс смог имплементировать основные стандарты дружественного детям правосудия, но необходимо уточнить содержание отдельных уголовно-процессуальных норм в целях обеспечения единообразной правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовный процесс, обвиняемый, несовершеннолетний, принудительные меры воспитательного воздействия, меры пресечения, законный представитель

Для цитирования: Андреева Д. А. Обеспечение прав несовершеннолетних обвиняемых в уголовном судопроизводстве // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 115–121.

Original article

Ensuring the Rights of Minors Accused in Criminal Proceedings

Daria A. Andreeva

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

✉ *dashadacha123456789@gmail.com*

Scientific supervisor: **E. V. Markovicheva**, Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor of the N. V. Radutnaya Criminal Procedure Law Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The social and age immaturity of adolescents who commit crimes requires special rules for criminal proceedings against minors. The differentiated form of proceedings in such cases is based on additional guarantees of ensuring the rights of criminally prosecuted minors. The published results of scientific research on the problems of ensuring the rights of persons in respect of whom proceedings are being conducted according to the rules determined by Chapter 50 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation were taken as a theoretical basis for this article.

The article identifies the main features of ensuring the rights of minors in Russian criminal procedure. The author makes proposals for improving criminal procedural legislation. It is concluded that modern Russian criminal procedure have been able to implement the basic standards of child-friendly justice, but still it is necessary to clarify the content of individual criminal procedural norms in order to ensure uniform law enforcement practice.

Keywords: criminal procedure, accused, minor, compulsory educational measures, preventive measures, legal representative

For citation: Andreeva, D. A. Ensuring the rights of minors accused in criminal proceedings. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):115-121. (In Russ.)

Многие государства на современном этапе своего правового развития конструируют уголовный процесс таким образом, чтобы учесть возрастную специфику уголовно преследуемых несовершеннолетних. Российский уголовный процесс на протяжении более ста лет также движется в этом направлении. Именно такой подход и привел к тому, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (УПК РФ) появились специальные нормы, которые регламентируют производство, обозначаемое как ювенальный уголовный процесс.

Несовершеннолетний обладает общим правовым статусом и специальным процессуальным статусом [1, с. 70]. Хотя в российском уголовном судопроизводстве не получили официального закрепления так называемые «ювенальные технологии», основные подходы к детям, нарушившим уголов-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

ный закон, определенные в нормах и принципах международного права, в достаточной мере отражены в действующем законодательстве [2, с. 73].

Следуя международным стандартам прав детей, в том числе и детей-правонарушителей, российский законодатель аккумулировал специальные нормы, регламентирующие производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, в специальной главе УПК РФ. Но, с учетом желания максимально гуманизировать уголовный процесс для данной категории уголовно преследуемых лиц, уголовно-процессуальный закон и в иных статьях содержит ряд гарантий прав несовершеннолетних обвиняемых. Следует отметить, что понятие «обвиняемый» будет использовано в данной статье в его международно-правовом толковании, позволяющем обозначать несовершеннолетних, преступивших уголовный закон, но имеющих национальный модифицируемый процессуальный статус: от подозреваемого до осужденного. Материально-правовой основой для уголовного преследования несовершеннолетних выступают нормы уголовного права, которые в Российской Федерации также носят кодифицированный характер [3, с. 29]. Эти нормы применяются судами и тогда, когда решается вопрос о возможности освободить подростка от уголовной ответственности или уголовного наказания. Таким образом, эти нормы также создают необходимую основу для особого правового положения несовершеннолетнего в уголовном процессе.

В качестве теоретической основы для данной статьи были взяты опубликованные результаты научных исследований по проблемам обеспечения прав лиц, в отношении которых ведется производство по правилам, определяемым главой 50 УПК РФ. Современные исследователи системы обеспечения прав несовершеннолетних в российском уголовном процессе отмечают в качестве его достоинства тот факт, что он смог вобрать в себя большинство подходов, оформившихся во второй половине XX в. в международном праве, так как «гуманные цели, а также охранительная и восстановительная роль уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних являются важнейшими условиями реализации в мировой политике, правоохранительной деятельности и судебной практике рекомендаций, объединенных концепцией дружественного ребенку правосудия» [4, с. 463]. Соответствующие разъяснения приведены и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1².

Особые процессуальные гарантии прав несовершеннолетних обвиняемых распространяются на тех лиц, которые не достигли совершеннолетнего возраста не к моменту производства следственного действия, а к моменту совершения преступления. На это обращается внимание в ст. 420 УПК РФ. К сожалению, данная норма вызывает у следователей и судей много вопросов относительно распространения таких гарантий в ситуациях, когда следственные действия и судебное разбирательство осуществляются уже в

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

отношении совершеннолетнего лица [5, с. 92]. Например, многие преступления имеют достаточно большие сроки давности, вследствие чего предварительное расследование производится в отношении лица, хотя и совершившего преступление в возрасте шестнадцати лет, но к моменту допроса достигшего возраста восемнадцати-двадцати лет. Буквальное толкование нормы, закрепленной в ст. 420 УПК РФ, ведет следователя к необходимости привлечения к допросу такого обвиняемого его законного представителя. Но обвиняемый уже является совершеннолетним и не имеет законного представителя. В результате складывается противоречивая практика, когда в одних случаях следователь не привлекает законного представителя, мотивируя это тем, что допрашивается совершеннолетний обвиняемый, а в других – на допрос двадцатилетнего обвиняемого вызывают его родителя или представителя органа опеки и попечительства в качестве законного представителя, мотивируя такое решение необходимостью выполнить предписания, содержащиеся в ст. 420 УПК РФ. В сложной ситуации оказывается и суд, решая судьбу таких показаний обвиняемого, признавая их допустимыми или недопустимыми доказательствами.

В системе процессуальных гарантий, нацеленных на обеспечение прав несовершеннолетних обвиняемых, целесообразно выделить следующие.

1. Особые правила производства процессуальных действий, среди которых: 1) сокращение продолжительности проведения допроса и запрет на допрос подростка в ночное время; 2) обязательное участие в производстве следственных действий законного представителя несовершеннолетнего; 3) обязательное участие адвоката-защитника в производстве по уголовному делу; 4) участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего; 5) удаление несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания, если исследование определенных доказательств окажет на него отрицательное воздействие, и др. Такие правила устанавливаются не только для следственных действий, но и для иных процессуальных действий, которые могут затрагивать права несовершеннолетних. Заслуживает внимания и предложение А. А. Орловой относительно унификации правил производства следственных действий и правового регулирования применительно ко всем несовершеннолетним участникам уголовного процесса [6, с. 17].

2. Ограничения, закрепленные законодателем для применения мер процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних, в том числе это правила задержания таких лиц, избрания им мер пресечения. Следуя международным подходам, российский уголовно-процессуальный закон определил специальную меру пресечения – присмотр [7, с. 108], заключающийся в передаче несовершеннолетнего под воспитательный надзор определенным совершеннолетним лицам, круг которых в законе не конкретизирован. Статья 105 УПК РФ не дает определения такой меры пресечения, а лишь частично раскрывает ее сущность через отсылочные нормы. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 105 УПК РФ «присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым состоит в обеспечении его надлежащего поведения». Требования к такому поведению представлены не в самой статье, а в ст. 102 УПК РФ, определяющей содержание подписки о невыезде и надлежащем поведении. То есть к несовершеннолетнему под присмотром применяются те же ограничения, что и при избрании меры пресечения, пред-

усмотренной ст. 102 УПК РФ. В качестве лиц, которым может быть передан несовершеннолетний, указываются не только его родители, но и представители организации, на попечении которой подросток находится, а также иные лица, которые «заслуживают доверия». Обязательным условием применения такой меры является согласие указанных лиц, которое выражается в соответствующем письменном обязательстве. Данная мера пресечения может применяться исключительно к несовершеннолетним. Также отмечается исключительность применения в отношении несовершеннолетних самой строгой меры пресечения, связанной с заключением под стражу [8, с. 8]. Следует согласиться и с учеными, которые указывают, что нередко недостаточно используются возможности более гуманных мер пресечения, связанных с ограничением свободы несовершеннолетних [9, с. 220].

3. Реализация несовершеннолетним обвиняемым права на защиту предполагает обязательное участие защитника, отказ от которого в рамках такого производства не предусмотрен.

4. Привлечение в производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних дополнительных участников из числа лиц, которые могут оказать им социально-психологическую поддержку. В первую очередь речь идет о законных представителях обвиняемого и участвующих в получении его показаний педагоге или психологе.

5. В нормах УПК РФ достаточно детально определен процессуальный порядок освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности или уголовного наказания, что позволяет реализовать на практике не карательные, а педагогические меры [10, с. 173].

6. Установление особенностей доказывания по исследуемой категории уголовных дел исключает ограничение прав несовершеннолетних, связанных с ускоренными порядками разбирательства, а также позволяет привлекать их родителей к субсидиарной ответственности при необходимости возмещения вреда, причиненного преступлением [11, с. 70].

7. Широкие полномочия законного представителя несовершеннолетнего направлены именно на защиту прав последнего. Поэтому допускается реализация таким субъектом права на обжалование и после достижения несовершеннолетним возраста совершеннолетия.

8. Расширение подсудственности по таким уголовным делам. В отличие от ранее действующего закона, УПК РФ позволил производство дознания в отношении несовершеннолетних. Хотя некоторые авторы с осторожностью относятся к такому «нормотворчеству» [12, с. 12], есть основания полагать, что дознание как форма расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних подтвердило свою жизнеспособность. Это определяется тем, что в рамках дознания можно выполнить все требования, предусмотренные главой 50 УПК РФ, установить расширенный предмет доказывания и полноценно обеспечить права несовершеннолетнего подозреваемого. Следует учитывать и тот факт, что в настоящее время в форме дознания расследуется более трехсот составов преступлений, по многим из которых подозреваемыми могут быть несовершеннолетние. Представляется, что отнесение такого количества уголовных дел к подсудственности именно органов предварительного следствия негативно скажется на процессуальных сроках и потребует увеличения штата следователей.

Нельзя не согласиться с учеными, которые считают современный процессуальный порядок уголовного преследования несовершеннолетних достаточно совершенным, тем не менее более двадцати лет применения норм уголовно-процессуального законодательства обозначили ряд проблем, которые требуют своего решения. Это, в частности, касается уточнения редакции ст. 420 УПК РФ: закрепление в ней оговорки о прекращении полномочий законного представителя в случаях достижения лицом восемнадцатилетнего возраста к моменту производства процессуального действия представляется обоснованным ввиду того, что у совершеннолетнего лица, не лишенного дееспособности, не может быть законного представителя. Поэтому целесообразным видится дополнение ст. 420 УПК РФ второй частью, в которой следует указать: «Полномочия законного представителя прекращаются, если к моменту производства следственного действия несовершеннолетний достиг возраста восемнадцати лет».

Список источников

1. Туманова Л. В. Самостоятельный процессуальный статус несовершеннолетнего // Российская юстиция. 2023. № 1. С. 70–74.
2. Депутатова А. В. Ювенальная юстиция: ее значение и роль в защите прав несовершеннолетних // Фемида.Science. 2017. № 4 (6). С. 72–75.
3. Байтоков А. Д. Источники уголовного права Российской Федерации // Фемида.Science. 2017. № 3 (5). С. 29–31.
4. Гришина Е. П. К вопросу о влиянии международно-правовых норм на осуществление уголовного преследования в Российской Федерации // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 453–469.
5. Стельмах В. Ю. Дефекты законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 92–104.
6. Орлова А. А. Уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних: вопросы формирования правового института // Мировой судья. 2023. № 2. С. 15–21.
7. Ерофеева В. А. Особенности уголовно-процессуальных отношений при реализации меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 108–111.
8. Тимошкина В. А. Проблемные аспекты применения отдельных мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 218–226.
9. Марковичева Е. В. Альтернативы заключению под стражу для несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2019. № 2. С. 8–11.
10. Зорина Е. А. О принудительных мерах воспитательного воздействия как специальным виде освобождения от уголовной ответственности // Закон и право. 2023. № 3. С. 173–178.
11. Марковичева Е. В. Несовершеннолетний как гражданский ответчик в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2023. № 12 (228). С. 70–75.
12. Марковичева Е. В. Производство дознания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних: за и против // Российский следователь. 2008. № 3. С. 11–12.

References

1. Tumanova, L. V. Independent procedural status of a minor. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2023;(1):70-74. (In Russ.)
2. Deputatova, A. V. Juvenile justice: its significance and role in protecting the rights of minors. *Femida.Science = Themis.Science*. 2017;(4):72-75. (In Russ.).
3. Baytokov, A. D. Sources of Criminal Law of the Russian Federation. *Femida.Science = Themis.Science*. 2017;(3):29-31. (In Russ.)
4. Grishina, E. P. On the impact of international legal norms on the implementation of criminal prosecution in the Russian Federation. *Permskij yuridicheskij al'manakh = Perm Legal Almanac*. 2023;(6):453-469. (In Russ.)
5. Stelmakh, V. Yu. Defects in the legislative regulation of criminal proceedings in juvenile cases. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(10):92-104. (In Russ.)
6. Orlova, A. A. Criminal proceedings involving minors: issues of the establishment of the legal institution. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace*. 2023;(2):15-21. (In Russ.)
7. Erofeeva, V. A. Peculiarities of criminal procedure in case of pre-trial restrictions in the form of controlling suspected minors. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(2):108-111. (In Russ.)
8. Timoshkina, V. A. Problematic aspects of the application of certain preventive measures against minors. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2023;(1):218-226. (In Russ.)
9. Markovicheva, E. V. Alternatives to imprisonment for minors. *Voprosy yuvenal'noj yustitsii = Issues of Juvenile Justice*. 2019;(2):8-11. (In Russ.)
10. Zorina, E. A. On compulsory measures of educational influence as a special form of exemption from criminal liability. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2023;(3):173-178. (In Russ.)
11. Markovicheva, E. V. A minor as a civil defendant in criminal procedure. *Ugolovnyj protsess = Criminal Procedure*. 2023;(12):70-75. (In Russ.)
12. Markovicheva, E. V. Conducting an inquiry in criminal cases of juvenile crimes: pros and cons. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*. 2008;(3):11-12. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Андреева – студент 5 курса юридического факультета.

Information about the author

D. A. Andreeva – 5th year student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 12.03.2024; accepted for publication 18.03.2024.

Научная статья

УДК 344.65

EDN: WCREPA

Актуальные проблемы заочного вынесения приговора по уголовным делам

Анастасия Федоровна Атряскина

*Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия,
Казань, Россия*

✉ Nastya.atryaskina@mail.ru

Научный руководитель: Л. Р. Сосновская, старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Закрепленное в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации судебное разбирательство без участия подсудимого вызывает дискуссии в связи с наличием ряда пробелов в законодательстве. В доктрине предложения по совершенствованию института заочного вынесения приговора были выдвинуты такими учеными, как В. В. Сероштан, А. Ю. Ключников, Д. Т. Арабули, и другими процессуалистами. В результате научного исследования были выявлены основные проблемы, связанные с реализацией института заочного разбирательства, а также предложены меры по их устранению. Среди таких проблем можно выделить: отсутствие законодательно закрепленного перечня исключительных случаев заочного вынесения приговора, отсутствие обязанности следователя и суда по разъяснению права подсудимого ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие, возможность реализации принципа состязательности и некоторые другие. В работе сделан вывод о том, что заочное разбирательство по уголовному делу нуждается в законодательной доработке, поскольку некоторые положения данного института являются недостаточно урегулированными и противоречивыми.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, заочное производство, рассмотрение дела, подсудимый, судебное разбирательство, исключительный случай

Для цитирования: Атряскина А. Ф. Актуальные проблемы заочного вынесения приговора по уголовным делам // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 122–128.

Original article

Actual Problems of Sentencing in Absentia in Criminal Cases

Anastasia F. Atryaskina

Kazan Branch, Russian State University of Justice, Kazan, Russia

✉ Nastya.atryaskina@mail.ru

Scientific supervisor: L. R. Sosnovskaya, Senior Lecturer of the Criminal Law Disciplines Department of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice

Abstract. The trial without the participation of the defendant, enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, causes discussions due to the presence of legislative gaps. In the doctrine, proposals to improve the institution of sentencing in absentia were put forward by V. V. Seroshtan, A. Yu. Klyuchnikov, D. T. Arabuli and other processualists. As a result of scientific research, the author identified the main problems associated with the implementation of the institute of correspondence proceedings, and proposes measures to eliminate them. Problems such as the absence of a legally fixed list of exceptional cases, the absence of the duty of the investigator, the court to clarify the defendant's right to petition for consideration of a criminal case in his absence, the implementation of the principle of competition and some other problems are highlighted. It is concluded that the trial in absentia in a criminal case needs legislative revision, because some provisions of this institution are insufficiently regulated and contradictory.

Keywords: criminal procedure, absentee proceedings, consideration of the case, defendant, trial, exceptional case

For citation: Atryaskina, A. F. Actual problems of sentencing in absentia in criminal cases. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):122-128. (In Russ.)

Обязательное участие подсудимого в уголовном процессе является общим правилом, обеспечивающим право на защиту посредством личного участия в судебном заседании, полное и всестороннее исследование доказательств, что необходимо для постановления законного и обоснованного приговора. Часть 2 ст. 123 Конституции Российской Федерации¹ закрепляет, что заочное разбирательство допускается лишь в исключительных случаях, предусмотренных федеральными законами.

Изначально Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации² (УПК РФ) предусматривал лишь одно основание для проведения судебного заседания в отсутствие подсудимого. Однако Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ³ дополнил ст. 247 УПК РФ, установив закрытый перечень оснований для заочного разбирательства, состоящий из двух пунктов:

1) если подсудимый ходатайствует о рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести в его отсутствие;

2) в исключительных случаях, при условии, что подсудимый находится за пределами Российской Федерации или уклоняется от явки в суд, судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких или особо тяжких пре-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452.

ступлениях также может проводиться в отсутствие подсудимого, если он не был привлечен к ответственности по данному уголовному делу на территории иностранного государства.

При уклонении подсудимого от явки в суд эффективный розыск подсудимого и применение к нему мер процессуального принуждения позволят реализовать права потерпевших на доступ к правосудию в разумный срок и на возмещение вреда, причиненного преступлением. Однако в большинстве случаев длительный розыск не приводит к требуемым результатам, что становится причиной для проведения судебного разбирательства в отсутствие подсудимого. Тем не менее в законодательстве не установлен срок, по истечении которого возможно было бы рассмотреть дело в отсутствие обвиняемой стороны. В связи с этим предполагается целесообразным введение срока, в течение которого суд обязан ожидать результатов розыска подсудимого (например, в течение полугода), лишь по истечении которого у суда возникнет право на вынесение заочного приговора [1].

Одной из наиболее обсуждаемых проблем является отсутствие разъяснений о том, что следует понимать под исключительными случаями, что в доктрине справедливо характеризуется как «слишком широкая сфера усмотрения суда». По мнению некоторых авторов, неопределенность критерия «исключительный» свидетельствует о невозможности рассмотреть дело с участием подсудимого в связи с перспективой утраты доказательств, невыдачи подсудимого иностранным государством и т. д. [2, с. 16]. Пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству»⁴ содержит примеры, относящиеся к исключительным случаям, такие как особая общественная опасность преступления, невозможность осуществить экстрадицию обвиняемого и т. д.

Конституционный Суд Российской Федерации в определениях от 23 ноября 2017 г. № 2757-О⁵ и от 12 мая 2016 г. № 1002-О⁶ отмечает, что право на участие в судебном разбирательстве «...может быть ограничено в конституционно значимых целях, однако при том лишь условии, что соответ-

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2017 г. № 2757-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галеева Артура Рашитовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 1002-О «По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ствующие судебные процедуры в целом обеспечивают соблюдение конституционных требований справедливого судопроизводства и реализацию задач уголовного права и процесса».

Некоторые исследователи рассуждают о несоответствии норм российского уголовно-процессуального права, регулирующих заочное разбирательство, аналогичным нормам Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.⁷ В указанном пакте изложено право подсудимого присутствовать при судебном разбирательстве уголовного дела, а исключительные случаи, отраженные в ч. 5 ст. 247, не упоминаются. Из этого следует вывод, что заочное разбирательство по нормам Международного пакта 1966 г. может быть проведено лишь по инициативе подсудимого, сознательно отказавшегося от своего права участвовать в судебном заседании (однако с возможностью его реализовать) путем подачи ходатайства. Однако Комитет по правам человека, как и иные органы ООН, признает, что заочное судебное разбирательство не противоречит положениям Международного пакта о гражданских и политических правах, если подсудимый проинформирован о судебном разбирательстве [3, с. 31].

Одной из наиболее значимых коллизий в уголовно-процессуальном праве является отсутствие указания на возможность подсудимого ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие в ст. 47 УПК РФ, которая содержит перечень прав обвиняемого. Обязанность по разъяснению этого права также не возложена ни на следователя (ч. 5 ст. 217 УПК РФ), ни на суд. Между тем многие из лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, хотели бы воспользоваться этой возможностью. Таким образом, видится целесообразным регулирование института заочного разбирательства с точки зрения разъяснения прав аналогично институту особого порядка рассмотрения уголовных дел: необходимо законодательно закрепить обязанность разъяснить право обвиняемого на подачу ходатайства о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие при ознакомлении с материалами уголовного дела. Такое ходатайство должно быть обосновано подавшей его стороной, т. е. должны быть предоставлены доказательства, свидетельствующие об уклонении подсудимого от явки в суд, о нахождении лица за границей, а также об исключительности случая, создающей возможность проведения заочного разбирательства. Важно отметить, что суд не имеет права инициировать заочное рассмотрение уголовного дела: это нарушение повлечет за собой отмену приговора.

Д. Т. Арабули считает, что суд должен выяснить позицию каждой из сторон при возникновении вопроса о рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого и лишь при отсутствии возражений удовлетворить ходатайство [4, с. 41]. С таким мнением сложно согласиться, поскольку такое правовое положение может повлечь за собой множество злоупотреблений,

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. Ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 23 марта 1976 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

особенно со стороны защиты. Фактический отказ от прав на участие в судебном разбирательстве выражается в том, что лицо скрывается от суда, при этом длительное нерассмотрение уголовного дела нарушает права потерпевших. С учетом вышеизложенного обязательное согласие сторон для проведения заочного разбирательства нарушит баланс соблюдения прав участников уголовного процесса.

Особо острая дискуссия в научной среде возникает по поводу реализации принципов состязательности сторон и обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Одна группа исследователей полагает, что заочный уголовный процесс противоречит указанным принципам. Другие считают, что заочное разбирательство является эффективной формой осуществления правосудия. Тем не менее представляется, что принцип состязательности сохраняется при заочном судебном разбирательстве, поскольку сохраняются процессуальные функции защитника, участие которого является обязательным при заочном процессе. В таком случае на защитника возлагается негласная обязанность по установлению контакта с подсудимым и выяснению его позиции по делу. Стоит отметить, что заочное производство по делам о преступлении небольшой или средней тяжести не является основанием для обязательного участия защитника. Это является пробелом уголовного процесса, требующим законодательного регулирования, поскольку в случае отсутствия и защитника, и подсудимого сторона защиты фактически отсутствует, что абсолютно противоречит принципу состязательности.

Некоторые исследователи считают, что при заочном разбирательстве невозможно вынесение оправдательного приговора. С этим мнением нельзя согласиться, поскольку на практике уже существуют случаи вынесения оправдательного приговора. Например, по приговору мирового судьи судебного участка № 110 Люберецкого судебного района Московской области от 19 апреля 2021 г. гражданка Л. была оправдана по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ; апелляционная и надзорная инстанции оставили приговор мирового судьи без изменения.

Однако не всегда заочное разбирательство заканчивается судебным решением по существу, поскольку в ходе процесса могут возникнуть некоторые вопросы, которые невозможно разрешить без подсудимого, при этом препятствующие вынесению законного, обоснованного и справедливого решения. В таком случае суд либо по собственной инициативе, либо по ходатайству стороны обвинения или защиты должен приостановить рассмотрение дела.

Часть 7 ст. 247 УПК РФ устанавливает, что в случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 данной статьи, касающихся условий осуществления судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, приговор или определение суда, вынесенные заочно, отменяются в порядке надзора по ходатайству осужденного или его защитника, после чего разбирательство проводится в обычном порядке с применением всех закрепленных в УПК РФ принципов. Право на обжалование заочного приговора является бессрочным, поскольку важным является лишь момент установления

местонахождения и обеспечение явки осужденного. Таким образом, единственным условием для отмены заочного приговора является установление места нахождения осужденного [5, с. 303]. Некоторые процессуалисты считают, что данное положение не соответствует принципу справедливости, поскольку лицо, нарушившее обязанность по явке в суд, получает такие привилегии. Стоит отметить, что не всегда ходатайство после установления места нахождения осужденного может быть основанием для обязательной отмены приговора и рассмотрения уголовного дела судом на общих основаниях: это правило действует, если на рассмотрение уголовного дела в заочном порядке не было согласия лица, уклоняющегося от явки в судебное заседание (ч. 5 ст. 247 УПК РФ). Если приговор выносится в заочном порядке по ходатайству подсудимого (ч. 4 ст. 247 УПК РФ), то дальнейшее рассмотрение дела в судах вышестоящих инстанций проводится в обычном порядке.

Институт заочного судебного разбирательства в настоящее время вызывает множество как теоретических, так и практических вопросов. Некоторые исследователи убеждены, что в связи с ростом числа малозначительных преступлений рассматриваемая модель судопроизводства будет распространяться [6]. Однако институт заочного рассмотрения уголовного дела нуждается как в совершенствовании уже существующих норм права, так и в дальнейшем законодательном регулировании, поскольку существует явная несогласованность отдельных его аспектов, приводящая зачастую к невозможности эффективного применения данного вида судопроизводства.

Список источников

1. Сероштан В. В. Заочный приговор // Российский судья. 2009. № 4. С. 28–30.
2. Кукушкин П., Курченко В. Заочное судебное разбирательство // Законность. 2007. № 7. С. 16–17.
3. Ключников А. Ю. Обеспечение подсудимому права на защиту в условиях рассмотрения дела в его отсутствие как универсальный стандарт правосудия // Российский судья. 2021. № 3. С. 30–33.
4. Арабули Д. Т. Защита прав и интересов лица при рассмотрении дела в его отсутствие в судах РФ. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2010. 228 с.
5. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В. М. Лебедева. М. : Норма, 2004. 447 с.
6. Рустамов Х. Заочное правосудие: реальность и перспективы // Российская юстиция. 1997. № 8. С. 41–42.

References

1. Seroshtan, V. V. The verdict in absentia. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*. 2009;(4):28-30. (In Russ.)
2. Kukushkin, P., Kurchenko, V. Trial in absentia. *Zakonnost' = Legality*. 2007;(7):16-17. (In Russ.)
3. Klyuchnikov, A. Yu. Ensuring the defendant's right to defense in the context of a case in his absence as a universal standard of justice. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*. 2021;(3):30-33. (In Russ.)

4. Arabuli, D. T. *Protection of the rights and interests of a person when considering a case in his absence in the courts of the Russian Federation*. Chelyabinsk: Poligraf-Master; 2010. 228 p. (In Russ.)
5. Lebedev, V. M., ed. *Scientific and practical guide on the application of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*. Moscow: Norma; 2004. 447 p. (In Russ.)
6. Rustamov, Kh. Correspondence justice: reality and prospects. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justice*. 1997;(8):41-42. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Ф. Атряскина – студент 3 курса юридического факультета.

Information about the author

A. F. Atryaskina – 3rd year student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 31.01.2024.

The article was submitted 20.12.2023; approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 31.01.2024.

Научная статья

УДК 347.97

EDN: WUFEMY

Использование ненормативной лексики в процессуальных документах как юрислингвистическая проблема

Нуркыз Максатбековна Касырова¹,
Элина Шариповна Ярова²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ ¹ nkasyrova@mail.ru, ² elinayarova@yandex.ru

Научный руководитель: **И. Г. Брадецкая**, к.пед.н., доцент, доцент кафедры
русского языка и культуры речи Российского государственного
университета правосудия

Аннотация. В статье поднимается вопрос о возможности внесения в текст протокола допроса нецензурных выражений, что является зоной пересечения языка и права. Анализируются российское законодательство и судебная практика, затрагивающая вопросы использования ненормативной лексики в процессуальной документации. Авторы приходят к выводу о невозможности использования ненормативной лексики в официальных процессуальных документах и обращают внимание на необходимость урегулирования порядка исключения (замены) ненормативной лексики во избежание возможной фальсификации результатов следственных действий и с целью решения возникающих на стыке языка и права проблем, которые являются перспективной задачей юрислингвистики.

Ключевые слова: ненормативная лексика, юрислингвистика, процессуальные документы, протокол допроса, следственные действия, фальсификация результатов следственных действий, судебная практика, судебные решения

Для цитирования: Касырова Н. М., Ярова Э. Ш. Использование ненормативной лексики в процессуальных документах как юрислингвистическая проблема // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 129–136.

Original article

The Use of Profanity in Procedural Documents as a Legal Linguistic Problem

Nurkyz M. Kasyrova¹, Elina Sh. Yarova²

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ ¹ nkasyrova@mail.ru, ² elinayarova@yandex.ru

Scientific supervisor: I. G. Bradetskaya, Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language and Speech Culture Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The authors consider the possibility of introducing obscene expressions into the text of the interrogation protocol, which is a zone of intersection of language and law. The article analyzes Russian legislation and judicial practice concerning the use of profanity in procedural documentation. The authors come to the conclusion that it is impossible to use profanity in official procedural documents and draw attention to the need to regulate the procedure for excluding (replacing) profanity in order to avoid falsification of the results of investigative actions and in order to solve problems arising at the intersection of language and law, which are the main promising task of legal linguistics.

Keywords: profanity, legal linguistics, procedural documents, interrogation protocol, investigative actions, falsification of the results of investigative actions, judicial practice, court decisions

For citation: Kasyrova, N. M., Yarova, E. Sh. The use of profanity in procedural documents as a legal linguistic problem. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):129-136. (In Russ.)

Работа лингвистов в пограничной с юриспруденцией зоне в теоретическом плане подтолкнула развитие новой области междисциплинарных исследований – юрислингвистики, или правовой (юридической) лингвистики [1, с. 195]. Предметом ее изучения выступают языко-правовые явления, которые обладают потенциалом конфликтогенности, а объектом является зона пересечения языка и права.

Как указывает Н. Д. Голев, русский язык обслуживает юридическую сферу, являясь ее частью: русский язык включен в область законодательной техники, т. е. техники составления юридических текстов; лингвистика является частью законоприменительной техники, связанной с культурой речи юристов, риторической техникой [2]. Также язык является средством правоприменительной деятельности, так как в устной форме он представлен в речи судьи, прокурора, адвоката и др., а в письменной форме служит для составления различных юридических документов (договоры, судебные решения, протоколы и др.) [3, с. 17].

Начиная с момента поступления сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела вплоть до вынесения приговора суда сотрудники правоохранительных органов и органов судебной системы совершают различные процессуальные действия, которые фиксируются в процессуальной документации законодательно закрепленной формы. Для успешного

рассмотрения и разрешения уголовного дела процессуальные документы должны быть составлены в определенной форме и соответствовать ряду требований, касающихся и языка, и права, т. е. юрислингвистических.

Процессуальные юридические документы могут классифицироваться по разным основаниям. Наиболее актуальной для правоохранительной деятельности является классификация по стадиям уголовного процесса. По этой классификации выделяются две группы процессуальных документов: следственные (досудебной стадии расследования) и судебные (судебного заседания). Процессуальные документы также классифицируются по содержанию (содержащие ход и результаты процессуального действия, содержащие принятые процессуальные решения).

К процессуальным юридическим документам относятся такие документы, как:

- 1) рапорт об обнаружении признаков преступления;
- 2) протокол принятия устного заявления о преступлении;
- 3) протокол явки с повинной;
- 4) обвинительные акты и обвинительные заключения;
- 5) поручение о проверке сообщения о преступлении;
- 6) объяснение;
- 7) запрос об истребовании предметов, документов и иных сведений;
- 8) требование о передаче документов и материалов;
- 9) протокол осмотра места происшествия, местности (жилища, иного помещения);
- 10) протокол осмотра предметов (документов), трупа;
- 11) постановление о передаче сообщения о преступлении по подследственности;
- 12) постановление о возбуждении перед начальником органа дознания ходатайства о продлении срока проверки сообщения о преступлении и иные процессуальные документы.

Основным средством фиксации хода и результатов процессуальных действий (следственных и оперативно-разыскных мероприятий, судебных заседаний) является протокол. Понятие «протокол» может толковаться по-разному:

- документ с записью всего происходящего на заседании, собрании, допросе¹;
- акт о нарушении общественного порядка²;
- судебная записка с изложением дела, применением законов и решением³ и др.

Исходя из вышеприведенных мнений, можно сделать вывод о том, что протокол – это официальный документ, в котором фиксируются фактические обстоятельства, ход дела или принятые процессуальные решения.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000. URL: https://studylib.ru/doc/6331068/tolkoviy-slovar_-russkogo-yazyka-s.i.-ozhegova-i-n.yu.-shvedova.

² Там же.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / ПРОС – ПРОТ. СПб., 1863–1866. URL: https://enc.biblioclub.ru/Termin/986417_PROTOKOL.

К составлению процессуальных документов предъявляются жесткие требования. Эти требования касаются в первую очередь унификации документов и объективизации деятельности правоохранительных органов и определяются:

- процессуальным законодательством Российской Федерации (Уголовно-процессуальный кодекс⁴, Гражданский процессуальный кодекс⁵, Арбитражный процессуальный кодекс⁶);

- ГОСТ Р 7.0.97–2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов⁷;

- инструкциями по делопроизводству, судебному делопроизводству;

- приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г. № 36 «Об утверждении инструкции по судебному делопроизводству в районном суде»⁸;

- приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 161 «Об утверждении инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов, судах автономной области и автономных округов»⁹;

- Регламентом Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 1995 г. № 2-1/6 в редакции от 24 января 2011 г., с изменениями и дополнениями от 24 января 2011 г., 8 июля 2014 г., 2 июля 2015 г.¹⁰ и т. д.

Процессуальные документы должны соответствовать таким основным требованиям, как краткость, ясность, грамотность, рациональность, логичность изложения, соответствие процессуального документа процессуальной форме, законность, обоснованность, полнота процессуального документа, определенность процессуального документа, окончательность процессуального документа, нейтральность тона изложения и др.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁷ ГОСТ Р 7.0.97–2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов (утв. приказом Росстандарта от 8 декабря 2016 г. № 2004-ст) (ред. от 14.05.2018) // Официальные документы в образовании. 2017. № 18.

⁸ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Доступ из СПС «Гарант».

Естественно, составление процессуальной документации в деятельности сотрудников правоохранительных органов сопряжено с рядом лингвистических проблем. В частности, при составлении должностным лицом протокола допроса может возникнуть вопрос о необходимости внесения в текст протокола нецензурных выражений, что как раз таки является зоной пересечения языка и права.

Нецензурная лексика – обценная, ненормативная лексика или сквернословие, нецензурная брань. В российском законодательстве отсутствует понятие нецензурной лексики, «поскольку ни юриспруденция, ни лингвистика не знает ответа на вопрос, что же такое оскорбительное слово, и не имеет как можно более полного их списка» [1, с. 205], однако для определения выражения как нецензурного необходимо убедиться в наличии одного признака: общеизвестности негативного значения этого выражения. Чаще всего публичное использование нецензурной лексики квалифицируется по ст. 20.1 КоАП РФ: «Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества...»¹¹.

Довольно часто в деятельности сотрудников правоохранительных органов возникает необходимость использования ненормативной лексики. «Относительно допустимости применения ненормативной лексики в рамках составления как процессуальных документов в целом, так и обвинительного заключения как итогового процессуального документа досудебного производства по уголовному делу в частности часто встает вопрос, поскольку иногда в этом возникает необходимость» [4, с. 242]. Вопрос об использовании ненормативной лексики в процессуальной документации в судебной практике впервые поднимается в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения»¹². Однако прямых указаний на допустимость или недопустимость использования криминальной лексики в документации Пленум в указанном Постановлении не давал. Позднее этот вопрос поднимался еще не раз. Так, в п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»¹³ указано, что использование ненормативной лексики в официальных юридических документах не допускается.

Пункт 6 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»¹⁴ (далее – Закон о государственном языке) гласит: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответ-

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1993. М. : Юрид. лит., 1994.

¹³ Российская газета. 2016. 7 дек.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2199.

ствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке».

Тем не менее вопрос об использовании ненормативной лексики в процессуальных документах остается открытым. К таким процессуальным документам, как протоколы допросов, предъявляется ряд требований, в числе которых одно из основных – дословное воспроизведение хода допроса и показаний допрашиваемых лиц. С учетом вышеизложенного встает вопрос об использовании ненормативной лексики при составлении таких процессуальных документов, как протоколы допросов. Искажение показаний допрашиваемого может привести к тому, что протокол допроса не будет иметь юридической силы. Кроме того, искажение содержания протокола (опущение ненормативной лексики, использованной допрашиваемым лицом в процессе допроса) может быть истолковано как фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ). А значит, сотрудник, проводивший допрос и подписавший протокол, может быть привлечен к уголовной ответственности.

Справедливо утверждать, что требования к составлению протоколов допроса на практике противоречат требованиям Закона о государственном языке. Представляется, что необходимо законодательно урегулировать вопрос о данном противоречии во избежание случаев, подобных произошедшему в 2022 г., когда Пермский краевой суд оставил без изменения решение суда первой инстанции о возвращении дела прокурору в части нарушения требований Закона о государственном языке¹⁵. Данное решение судом было принято в связи с тем, что в обвинительном заключении при изложении показаний одного из подсудимых следователем были использованы нецензурные выражения, обозначенные в тексте процессуального документа сочетанием печатных знаков. Так, следователь нарушил нормы п. 6 ст. 1 Закона о государственном языке и ч. 1 ст. 9 УПК РФ (уважение чести и достоинства личности), используя нецензурную лексику даже в такой необычной форме. Пермский краевой суд указал, что содержание нецензурных выражений в обвинительном заключении не позволяет суду использовать его в ходе судебного разбирательства в качестве процессуального документа. В связи с тем, что устранить допущенное нарушение суд не может, такое нарушение исключает возможность постановления судом итогового решения на основе такого заключения. Следовательно, такое нарушение является основанием для возвращения дела прокурору. Однако справедливым видится предположить, что следователь сделал это, стремясь к соблюдению основного требования к тексту протокола допроса – достоверности изложенных в протоколе показаний. Содержание нецензурных выражений в обвинительном заключении не позволяет суду использовать его в ходе судебного разбирательства в качестве процессуального документа, в связи с чем исключается возможность постановления судом приговора или

¹⁵ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 19 августа 2022 г. по делу № 22-5154/2022. URL: https://oblsud--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=73387701&delo_id=4&new=4&text_number=1.

вынесения иного решения на основе данного заключения. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ это является основанием для возвращения уголовного дела прокурору. О недопустимости использования следователем в процессуальных документах ненормативной лексики говорится и в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г.¹⁶

По приговору Верховного Суда Республики Башкортостан гражданин А. был осужден за совершение преступления насильственного характера. Одновременно по этому делу было вынесено частное постановление, которым суд обратил внимание руководителя следственного управления Следственного комитета России по Республике Башкортостан на нарушение следователем и заместителем руководителя следственного отдела норм УПК РФ, выразившееся в том, что при производстве следственных действий в протоколах использовалась ненормативная лексика (нецензурные выражения). Заместитель руководителя следственного отдела Следственного комитета по Республике Башкортостан подал кассационную жалобу, в которой просил суд отменить частное постановление. В качестве основания он указал, что использование ненормативной лексики в протоколах допросов и очных ставок не нарушает требования законодательства, согласно которым показания допрашиваемых должны быть записаны от первого лица и по возможности дословно. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила кассационную жалобу без удовлетворения в связи с тем, что Верховным Судом Республики Башкортостан были сделаны обоснованные замечания о недопустимости использования ненормативной лексики, а равно и нецензурных выражений в процессуальных документах. Кроме того, Судебная коллегия указала, что озвучивание во время судебного заседания текста протоколов, содержащих ненормативную лексику любого характера, затрагивает морально-этическую сторону судопроизводства.

С одной стороны, позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о возможности использования сотрудниками правоохранительных органов ненормативной лексики в протоколах допросов однозначна. С другой стороны, Верховный Суд не поясняет факт того, что в случае опущения ненормативной лексики в протоколе сотрудник фактически фальсифицирует протокол, так как нарушает основные требования к составлению протокола допроса – достоверность и полноту изложения показаний допрашиваемого лица.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о недопустимости использования ненормативной лексики в процессуальных документах, однако вместе с этим существует необходимость урегулирования порядка исключения (замены) ненормативной лексики во избежание фальсификации результатов следственных действий и с целью решения проблем, возникающих на стыке языка и права, которые являются основной перспективной задачей юрислингвистики.

¹⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 49-О12-38СП // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/files/14084/>.

Список источников

1. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1. С. 192–205.
2. Голев Н. Д. Программа курса юрислингвистики для студентов филологического факультета, обучающихся по дополнительной специализации «Лингвокриминалистика». URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v65.html/>.
3. Барабаш О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 2. С. 14–18.
4. Зайцев А. А. К вопросу о возможности использования ненормативной лексики в обвинительном заключении // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (15). С. 241–244.

References

1. Golev, N. D., Matveeva, O. N. Legal linguistic examination at the intersection of language and law. *Sibirskij filologicheskij zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2003;(1):192-205. (In Russ.)
2. Golev, N. D. *The program of the course of legal linguistics for students of the Faculty of Philology studying in the additional specialization "Linguocriminalism"*. URL: [http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v65.html /](http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v65.html/). (In Russ.)
3. Barabash, O. V. Legal linguistics: origins, problems, prospects. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University*. 2014;(2):14-18. (In Russ.)
4. Zaitseff, A. A. On the issue of the possibility of using profanity in the indictment. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice. Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(1):241-244. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. М. Касырова – студент 2 курса юридического факультета;
Э. Ш. Ярова – студент 2 курса юридического факультета.

Information about the authors

N. M. Kasyrova – 2nd year student of the Faculty of Law;
E. Sh. Yarova – 2nd year student of the Faculty of Law.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 07.03.2024.

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 07.03.2024.

Научная статья

УДК 81

EDN: XFGQTG

Понятие доброго имени как проблема юрислингвистики

Антон Александрович Манилов

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ trojan32.win@inbox.ru

Научный руководитель: И. Г. Брадецкая, к.пед.н., доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В данном исследовании анализируется понятие «доброе имя» с точки зрения лингвистики и юриспруденции. В статье освещаются противоречия между понятиями «доброе имя» и «деловая репутация» в юридическом языке из-за недостаточной ясности законодательных норм. Автор приходит к выводу о необходимости уточнения и дальнейшего развития законодательной базы для более точного определения и защиты прав субъектов в контексте их имиджа и репутации. Делается акцент на необходимости согласования юридических и лингвистических аспектов в понимании и защите доброго имени, что способствует обеспечению справедливости и законности.

Ключевые слова: юрислингвистика, доброе имя, честь и достоинство, деловая репутация, нематериальные блага

Для цитирования: Манилов А. А. Понятие доброго имени как проблема юрислингвистики // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 137–142.

Original article

The Definition of a Good Name as a Problem of Legal Linguistics

Anton A. Manilov

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

✉ trojan32.win@inbox.ru

Scientific supervisor: I. G. Bradetskaya, Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language and Speech Culture Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The article is dedicated to the lingua- and legal-based analysis the concept of “good name” from the point of view of linguistics and jurisprudence. The article reveals contradictions between the concepts of “good name” and “business reputation” in the legal language due to the

lack of clarity of legislative norms. The author concludes that it is necessary to clarify and further develop the legislative framework for a more precise definition and protection of the rights of subjects in the context of their image and reputation. The emphasis is on the need to harmonize legal and linguistic aspects in understanding and protecting a good name, which contributes to ensuring justice and legality.

Keywords: legal linguistics, dictionary, good name, honor and dignity, business reputation

For citation: Manilov, A. A. The definition of a good name as a problem of legal linguistics. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(1):137-142. (In Russ.)

В данный момент юридическая лингвистика находится на стадии активных научных исследований. В связи с этим актуальными являются следующие проблемы: интерпретация текста закона; проблемы правовой коммуникации в законотворчестве; проблема ясности языка законодательства [1]. Ввиду невозможности охвата всей полноты проблематики юрислингвистики в рамках одной статьи остановимся на понятии «доброе имя» в лингвистическом и юридическом аспектах, а также определим проблемы, которые могут возникнуть при использовании данного понятия в юридической науке.

Начиная исследование с лингвистического аспекта, обратимся к известным источникам – словарям.

А. И. Герцен, публицист XIX в., в мемуарах «Былое и думы» рассматривает понятие «доброе имя» как хорошую репутацию: «Сын был уверен в невинности отца и решился во что бы ни стало восстановить доброе имя его» [2, с. 104].

В словаре С. И. Ожегова можно найти следующее: «Безукоризненный, честный. Доброе имя»¹.

В. В. Лопатин дает характеристику: «Безукоризненный, честный. Доброе имя. Оставить по себе добрую память»².

Д. Н. Ушаков охарактеризовал так: «Незапятнанный, безукоризненный, достойный, честный. Доброе имя. Добрая память. Добрая слава»³.

Исходя из этого семантические свойства понятия будут соответствующими: благожелательный, делающий добро другим, отзывчивый; свойственный доброжелательному, отзывчивому человеку; незапятнанный, чистый, честный.

Как мы видим, особенное внимание уделяется таким словам, как «честный», «безукоризненный», «незапятнанный», которые символизируют порядочность, непорочность, честность. Иными словами, словосочетания «доброе имя» и «незапятнанное имя» будут синонимически близки.

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2014. 1376 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/49662>.

² Лопатин В. В. Учебный орфографический словарь русского языка. М. : Эксмо, 2012. С. 191.

³ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М. : Дом Славянской кн., 2008. 959 с. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=12848>.

Что касается понятия «доброе имя» в юридическом аспекте, то в ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации сказано: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени»⁴. Необходимо конкретизировать, что именно законодатель вложил в понятие «доброе имя». В 2011 году в Уголовном кодексе Российской Федерации существовала ст. 130, предусматривающая уголовную ответственность за оскорбление, однако она была декриминализована⁵. На данный момент подобные действия образуют состав не уголовного, а административного правонарушения, о чем свидетельствует ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁶. Защита репутации, чести и доброго имени в таком случае для человека, считающего свои права нарушенными, будет протекать определенным образом: необходимо доказать порочащий характер сведений, который выражается, как правило, в нарушении деловой этики, действующего законодательства или в иных поступках, умаляющих достоинство; также требуется доказать факт распространения этой информации, которая может быть опубликована в СМИ, в интернете либо же изъята устно.

Согласно ч. 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом⁷.

Следует отметить, что и в ст. 150 ГК РФ, и в Конституции Российской Федерации честь и доброе имя объединяются в одно общее нематериальное благо. Нельзя сказать, что законодатель в соответствующих нормах исчерпывающе раскрыл такие понятия, как честь и доброе имя, однако если исходить из семантического способа толкования, то становится очевидно, что данные термины отражают представление о морально-этических качествах личности, ввиду чего можно сделать следующий вывод: доброе имя является средством конкретизации и обособления общественной деятельности гражданина. Помимо этого, в вышеуказанной статье формулиров-

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Парламентская газета. 2002. 5 янв.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

ка «достоинство личности», которая с семантической точки зрения будет означать самоуважение, внутреннюю самооценку, законодателем не конкретизирована. Необходимо отметить, что «доброе имя» может трактоваться не только как обобщенная категория, характеризующая личность с различных сторон общественных отношений, но и как определенная, специальная, связанная с конкретным проявлением деятельности гражданина как субъекта общественных отношений, например доброе имя адвоката, доброе имя врача, доброе имя политика. Стоит подчеркнуть, что в подобном контексте наблюдается семантическая схожесть с репутацией.

Понятие доброго имени комплексно охватывает компоненты конкретного поведения человека в обществе на основе его общедоступной, открытой деятельности, ввиду чего Конституционный Суд Российской Федерации дал разъяснение касательно ст. 152 ГК РФ, в котором содержатся положения о защите чести, достоинства и деловой репутации, что является важной гарантией на защиту доброго имени⁸.

Понятие «деловая репутация» является предметом дискуссий в научно-юридической литературе⁹, поскольку отсутствует его законодательное закрепление. «Доброе имя» должно явиться понятием, определяющим «честь и достоинство», обобщая и исключая терминологическую неопределенность; при этом «деловая репутация», в основном фигурируя в области предпринимательского права, также обуславливает «доброе имя» как неотъемлемую часть общественно-правовой оценки деятельности физических и юридических лиц.

На основании вышеизложенного можно дать следующее определение: доброе имя – совокупность объективных данных и сведений о лице, идентифицирующих его в обществе как гражданина, обладающего хорошей репутацией. Еще со времен римского права существовало такое понятие, как «доброжелательный гражданин», т. е. гражданин, следующий установленным правилам поведения. Следовательно, посягательством на «доброе имя» будут действия, влекущие возникновение негативных последствий, а также ставящие под сомнение идентификацию этого гражданина как добропорядочного.

В большинстве случаев авторы, анализируя данную проблему, склонны унифицировать понятия «доброе имя», «честь», «достоинство», «деловая репутация», что приводит к обсуждению вопросов диффамации и ее защиты. Например, в комментариях к ГК РФ отмечается, что «доброе имя» включает в себя честь, достоинство и деловую репутацию [3, с. 34]. Конституционный Суд Российской Федерации указывает на ст. 152 ГК РФ как норму, определяющую порядок защиты чести и доброго имени [3, с. 34]. Таким

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2023 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Попковой». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См., например: Певницкий С. Г. Некоторые аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации лиц при использовании СМИ материалов деятельности правоохранительных органов // Адвокатская практика. 2006. № 1. С. 23.

образом, «доброе имя» в основном связано с защитой репутации человека в обществе.

В структуре ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации объекты нематериальных благ перечисляются через запятую, а слова «честь» и «доброе имя» соединены союзом «и». Из этого следует, что честь и доброе имя рассматриваются как единое целое. Однако использование такого подхода может привести к неправильному толкованию других статей, например ст. 34, согласно которой гражданину предоставляется право использовать свои способности и имущество для предпринимательской и другой законной экономической деятельности. Такой подход приводит к выводам, что гражданин может использовать свои способности только вместе с имуществом или наоборот, что противоречит здравому смыслу.

Далее представляется необходимым осветить правовые способы защиты чести, достоинства, репутации и доброго имени. Гражданин, чьи права нарушены, может требовать в суде опровержения информации, которая порочит его честь, достоинство и доброе имя. Опровержение должно быть выполнено в той же форме, что и распространенные порочащие сведения, и не превышать объем более чем в два раза, но быть не менее одной стандартной страницы. Если порочащая информация содержится в документе от организации, он должен быть заменен или отозван. В случае невозможности определить лицо, распространившее информацию, гражданин имеет право обратиться в суд для признания ее не соответствующей действительности; также доступны общегражданские методы защиты, поэтому гражданин может требовать компенсацию убытков и морального вреда как эффективный способ защиты своей чести, достоинства и доброго имени.

Размер возмещения, который определяется судом, зависит от тяжести физических и моральных страданий потерпевшего, уровня его вины и требований справедливости. При определении компенсации за моральный ущерб суд также учитывает обстоятельства дела, индивидуальные особенности потерпевшего и финансовое положение ответственного лица. Оценка характера причиненного вреда проводится судом на основе конкретных обстоятельств, индивидуальных особенностей потерпевшего и материального состояния лица, причинившего ущерб. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 понятие морального вреда определено как нравственные или физические страдания, вызванные действиями или бездействием, нарушающие нематериальные блага гражданина (например, жизнь, здоровье, достоинство, репутация, частная жизнь) или его личные неимущественные и имущественные права¹⁰.

Исходя из всего вышесказанного, возможно сделать вывод о том, что с точки зрения лингвистики понятие «доброе имя» является точным, содержательным, отражающим суть, однако в юридическом языке до сих пор

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

возникают противоречия ввиду лингвистической недоработанности законодательной базы. Термин «доброе имя», являясь по семантическому смыслу простым, в юриспруденции граничит с такими понятиями, как «деловая репутация», «честь и достоинство», что говорит, во-первых, о необходимости языковедческой, лексикологической, лингвокультурной модернизации существующих законов, а во-вторых, о принятии конкретизирующих правовых актов.

Список источников

1. Гришенкова Ю. А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 1. С. 20–23.
2. Герцен А. И. Былое и думы : в 74 т. Т. 73. М. : Худож. лит., 1969. 924 с.
3. Шелютто М. Л. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц // Журнал российского права. 1997. № 12. С. 33–42

References

1. Grishenkova, Yu. A. Actual issues of modern legal linguistics. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* = *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2005;(1):20-23. (In Russ.)
2. Herzen, A. I. *Past and thoughts*. In 74 vols. Vol. 73. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1969. 924 p. (In Russ.)
3. Shelyutto, M. L. Civil law protection of business reputation of legal entities. *Journal of Russian Law*. 1997;(12):33-42. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Манилов – студент 1 курса юридического факультета.

Information about the author

A. A. Manilov – 1st year student of the Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 02.04.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 02.04.2024; accepted for publication 04.04.2024.

Научные мероприятия и достижения /
Scientific Events and Achievements

EDN: ZKSDTU

**Обзор студенческих научных мероприятий
за второй семестр 2023/24 учебного года****Алина Сергеевна Колесникова***Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия*✉ alinakolesnikova.rsuj@gmail.com

Во втором семестре 2023/24 учебного года научно-исследовательская работа студентов активно развивалась по различным направлениям: организация внутривузовских и межвузовских мероприятий на базе Российского государственного университета правосудия (РГУП), участие студентов во внешних и внутренних мероприятиях в формате круглых столов, конференций, деловых игр, открытых лекций, судебных дебатов.

Студенты РГУП участвовали в конференциях и конкурсах, проводимых ведущими юридическими вузами и факультетами страны, а также организациями.

11 января 2024 г. студенты РГУП приняли участие в межвузовской викторине «Прокуратура РФ: история и современность», которая проходила в прокуратуре ЮЗАО г. Москвы.

15 февраля 2024 г. студент 4 курса очного юридического факультета Романов Николай Алексеевич принимал участие в Интеллектуальной игре «Правовые основы недропользования», которая проводилась Федеральным агентством по недропользованию на Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ).

13 марта 2024 г. в Университете имени О. Е. Кутафина состоялась Квест-детективная игра «Деньги любят тишину, скупость, жадность и войну», где команда РГУП «Фемида» заняла 1 место.

С 9 по 12 апреля 2024 г. студент 3 курса очного юридического факультета РГУП Дмитриев Кирилл Сергеевич принял участие во II Модели Спортивного арбитражного суда МГИМО – всероссийском проекте, который способствует расширению профессионального кругозора участников и развитию понимания структуры Суда (CAS) и порядка рассмотрения дел.

Центральным научным студенческим событием учебного года стала XXIII Ежегодная студенческая научно-практическая конференция с международным участием на тему «Право и суд в современном мире», являющаяся одним из старейших ежегодных всероссийских студенческих научных мероприятий в сфере юриспруденции. В значительной мере данная конференция организуется силами сотрудников очного юридического факультета и студентов, участвующих в Студенческом научном обществе.

Конференция прошла по 32 секциям, в том числе три секции были организованы в формате судебных дебатов.

О положительных чертах проведения конференции свидетельствует число участников данного научного мероприятия. В 2024 году на конференцию было подано 745 тезисов, из которых 592 были приняты. В рамках конференции было организовано 10 площадок для популяризации науки и получения практических навыков (мастер-классы, открытые лекции, воркшопы и т. д.).

В конференции участвовали студенты многих вузов и филиалов. В частности, в конференции приняли участие студенты таких университетов, как Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и ее филиалы, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Государственный университет управления, Саратовский национально-исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и филиалы, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Удмуртский государственный университет, Международный юридический институт и филиалы, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Южно-Уральский технологический университет, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Университет прокуратуры Российской Федерации, Набережночелнинский филиал Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Ивановский государственный университет, Волгоградский государственный университет, Воронежский экономико-правовой институт, Московский университет имени С. Ю. Витте, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Академия труда и социальных отношений, Российская таможенная академия и филиалы, Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Марийский государственный университет, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. В конференции приняли участие также все 11 филиалов РГУП.

В рамках пленарного заседания и брифингов выступали такие уважаемые спикеры, как:

Валентина Леонтьевна Литвинова, ведущий менеджер отдела сотрудничества с вузами Москвы компании «КонсультантПлюс»;

Александр Намсараевич Надмитов, управляющий партнер юридической фирмы «Надмитов, Иванов и Партнеры», эксперт Антимонопольного

центра БРИКС при Институте права и развития Фонда Сколково и НИУ ВШЭ, арбитр РАЦ при РИСА;

Дмитрий Иванович Дзюба, к.ю.н., судья Арбитражного суда Московского округа;

Сергей Анатольевич Вазюлин, генерал-майор юстиции, ветеран следственных органов;

Юлия Сергеевна Апполонова, к.филос.н., доцент Института медиа НИУ ВШЭ.

18 марта 2024 г. с участием студентов очного юридического факультета в качестве помощников и регистраторов была проведена лекция Лады Сергеевны Нижник – главного консультанта отдела защиты земельных и экологических прав Управления защиты политических и экономических прав, к.ю.н.

Во втором семестре 2023/24 года завершился конкурс на лучшую студенческую научную работу в 2023/24 учебном году, который проходил с 1 ноября 2023 г. по 1 марта 2024 г. В рамках данного конкурса студенты представляли научно-исследовательские работы по юридическим и экономическим дисциплинам.

В 2024 г. Студенческое научное общество подало заявку на участие в конкурсе на предоставление грантов в форме субсидий из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ. Помимо Москвы, к заявке присоединились филиалы: Казанский, Северо-Западный, Ростовский, Крымский, Приволжский.

На базе кафедр факультетом были проведены следующие научные семинары (круглые столы) и модели.

16 февраля 2024 г. – Межвузовский студенческий научный семинар (круглый стол) на тему «Банкротство: взгляд молодых на судебную практику».

28 февраля 2024 г. – Всероссийский научно-практический круглый стол для студентов и аспирантов на тему «Актуальные проблемы теории государства и права».

16 марта 2024 г. – Научный семинар в форме круглого стола на тему «Актуальные проблемы частного права».

20 марта 2024 г. в стенах Университета участник команды «Фемида» СНО РГУП Юрпольская Ирина совместно с кафедрой теории права, государства и судебной власти провели игру «Jus, Lex, Respublica» среди студентов. В этом мероприятии члены нашей сборной «Фемида» заняли 1 место.

27 марта 2024 г. в Российском государственном университете правосудия уже в седьмой раз состоялась студенческая научно-практическая конференция «Язык и право». В ходе конференции работало четыре секции, на каждой из которых было заслушано множество докладов, а также определены победители.

Во втором семестре 2023/24 учебного года прослеживается рост заинтересованности студентов в научно-исследовательской работе, это можно заметить при отслеживании количества участников научных мероприя-

тий. Все вышеперечисленные мероприятия способствуют обмену знаниями не только между студентами, но и между студентами и преподавателями.

Значительный вклад в развитие науки вносят как кафедры РГУП, так и студенты очного юридического факультета, проявляющие инициативу в организации мероприятий и участии в них.

Анализируя отчетный период, можно также отметить актуальность таких форм мероприятий, как судебные дебаты, брифинги с практикующими юристами, воркшопы и мастер-классы. Студенты с особым энтузиазмом принимают участие в подобных формах мероприятий. РГУП учитывает пожелания студентов, способствует развитию студенческой науки по всей России, привлекая к участию в мероприятиях студентов из разных частей страны.

Информация об авторе

А. С. Колесникова – студент 2 курса юридического факультета.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.04.2024; принята к публикации 15.04.2024.